

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Белецкий С. В.	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бондаренко К. М.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Бригадин П. И.	Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
Егорейченко А. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Кодин Е. В.	Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.
Колесник В. Ф.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Коршук В. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Костюк М. П.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

- Кудрявцева Т. В.** Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
- Лавринович Д. С.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Ларин М. В.** Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Линднер Р.** Констанцкий университет, Констанц, Германия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Марзалюк И. А.** Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Матяш И. Б.** Высший совет юстиции, Киев, Украина.
- Мезга Н. Н.** Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
- Микнис Р.** Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
- Нечухрин А. Н.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Новаковски В.** Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша.
- Новгородский Т. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Пилипенко М. Ф.** Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Прохоров А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша.
- Сальков А. П.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Ставнюк В. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Терпиловский Р. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Туманс Х.** Латвийский университет, Рига, Латвия.
- Федосик В. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
- Ходин С. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шадурский В. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шиндлинг А.** Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Шмигель М.** Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
- Шумейко М. Ф.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Яновский О. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЯНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бандарэнка К. М.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Брыгадзін П. І.	Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
Егарэйчанка А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'кар, Рэспубліка Комі.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кодзін Я. У.	Смаленскі дзяржаўны ўніверсітэт, Смаленск, Расія.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Коршук У. К.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Касцюк М. П.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Кудраўцава Т. У.	Расійскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя А. І. Герцэна, Санкт-Пецярбург, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

- Ларын М. В.** Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
- Лінднер Р.** Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
- Лакотка А. І.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Марзалюк І. А.** Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
- Мацяш І. Б.** Вышэйшы савет юстыцыі, Кіеў, Украіна.
- Мязга М. М.** Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
- Мікніс Р.** Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
- Нячухрын А. М.** Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
- Навакоўскі В.** Інстытут археалогіі Варшаўскага ўніверсітэта, Варшава, Польшча.
- Навагродскі Т. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Піліпенка М. Ф.** Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Прохараў А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлаўскі ўніверсітэт, Вроцлаў, Польшча.
- Салькоў А. П.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Стаўнюк В. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Церпілоўскі Р. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Туманс Х.** Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
- Фядосік В. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
- Ходзін С. М.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шадуўскі В. Г.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шындлінг А.** Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
- Шмігель М.** Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
- Шумейка М. Ф.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Яноўскі А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KOHANOVSKY A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by
-
Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Bondarenko K. M.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Bryhadzin P. I.	State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Yegoreichenko A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kodin E. V.	Smolensk State University, Smolensk, Russia.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Korshuk V. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kostyuk M. P.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kudryavtseva T. V.	Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Matyash I. B.** High Council of Justice, Kyiv, Ukraine.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Nowakowski W.** Institute of Archaeology of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
- Nowogrodski T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrak Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Prokhorov A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rok B.** University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Salkov A. P.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stavnyuk V. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Terpilovsky R. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Fedosik V. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Feng S.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shadurski V. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Schindling A.** Institute of the Early Modern History of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
- Šmigel M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Shumeiko M. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL

Центральный исполнительный комитет ССРБ 25 февраля 1919 г. издал декрет об открытии в Минске Белорусского государственного университета, который стал первым на белорусских землях учреждением высшего образования классического типа. Прерванная на время польской оккупации Минска подготовительная работа продолжалась более двух лет. Открытие занятий на факультете общественных наук и медицинском факультете БГУ состоялось 30 октября 1921 г.

В связи с недостатком квалифицированных преподавателей многие профессора были приглашены из российских университетов. Среди них были и два профессора Смоленского университета: Николай Михайлович Никольский и Владимир Николаевич Перцев. В отличие от некоторых других профессоров дореволюционной школы, для которых работа в БГУ стала лишь эпизодом в карьере, Н. М. Никольский и В. Н. Перцев навсегда связали свою жизнь с белорусским университетом и проработали в нем до конца научной и преподавательской карьеры.

К моменту приглашения на работу в БГУ научные и научно-популярные работы в области древней истории и истории нового времени Н. М. Никольского и В. Н. Перцева были широко известны в научных кругах. Исследователи также имели опыт преподавательской деятельности.

Однако в полной мере научные и организаторские таланты Н. М. Никольского и В. Н. Перцева раскрываются именно в годы работы в БГУ. Николай Михайлович не только сосредоточился на изучении проблем древневосточной истории и истории раннего христианства, но и внес неоценимый вклад в изучение истории Русской православной церкви и проблем белорусского фольклора и этнологии. В 1931 г. Н. М. Никольский был избран на должность академика Белорусской академии наук, а в 1946 г. – на должность члена-корреспондента Академии наук СССР.

Научные интересы В. Н. Перцева были сконцентрированы на изучении истории Германии Нового времени. В военные и послевоенные годы интерес исследователя перешел в сферу изучения проблем древней и средневековой истории Прус-

сии. В 1940 г. Владимир Николаевич был избран на должность академика Академии наук БССР.

На протяжении нескольких десятилетий Н. М. Никольский и В. Н. Перцев руководили работой кафедры истории древнего мира и кафедры истории средних веков исторического факультета БГУ соответственно. Ученые подготовили ряд специалистов, стали создателями научных школ, занимающихся изучением древней истории, истории раннего христианства (академик Н. М. Никольский) и средневековой истории (академик В. Н. Перцев), определили направление исследований белорусских антиковедов и медиевистов на многие годы вперед. Созданная Н. М. Никольским и продолженная профессорами Г. М. Лившицем (одним из трех в СССР докторов наук по истории и философии) и Ф. М. Нечаем научная школа, занимающаяся исследованием раннего христианства, была широко известна как в СССР, так и за рубежом. Ныне традиции школы продолжают около двадцати белорусских историков.

Основателями научных школ антиковедения, ориенталистики, медиевистики в главном университете Беларуси по воле истории стали ученые из России. Примерно за 100 лет до этого основателем крупнейшей петербургской научной школы антиковедения стал белорус из Могилёвской области М. С. Куторга. С созданием БГУ научные связи белорусских и российских историков приобрели новый смысл – они стали настоящим взаимным сотрудничеством.

Заслуги академиков Н. М. Никольского и В. Н. Перцева были отмечены рядом правительственных наград. В. Н. Перцев 26 июня 1945 г. подписал Устав ООН в качестве одного из членов делегации БССР на конференции в Сан-Франциско, положившей начало созданию Организации Объединенных Наций.

На протяжении более двух десятков лет на историческом факультете БГУ регулярно проводится Международная научная конференция «Лістападаўскія сустрэчы», посвященная памяти отцов-основателей кафедры истории древнего мира и средних веков и одних из родоначальников исторических науки и образования Беларуси.

В ноябре 2017 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Н. М. Никольского и В. Н. Перцева. В этом номере редакционная коллегия журнала размещает ряд статей, посвященных изучению жизни и научной деятельности академиков.

В представленных статьях рассматриваются различные аспекты творчества Н. М. Никольского и В. Н. Перцева. В исследовании И. Е. Евтухова акцент делается на анализе взглядов В. Н. Перцева, касающихся проблемы древней и средневековой истории Пруссии. Эти проблемы оказались в центре научных интересов академика в военные годы. С. Б. Крих рассматривает вклад Н. М. Никольского в становление и развитие советского востоковедения, определяя его как представителя «периферийной» (т. е. противостоящей официальной точке

зрения на характер древних обществ) историографии советского периода. В статье О. И. Малюгина анализируется ситуация с обвинениями в адрес ряда представителей интеллигенции межвоенного периода (включая и Н. М. Никольского) в «великодержавном шовинизме» и «черносотенстве». О. В. Метель и А. М. Скворцов посвятили свои исследования различным аспектам историографии древней истории советского периода, связанным с научными интересами Н. М. Никольского, – проблеме происхождения религии в советской историографии 1920-х гг. и сочетанию дореволюционных и советских элементов в изучении истории античного мира в стенах Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. М. НИКОЛЬСКОГО И В. Н. ПЕРЦЕВА

ДА 140-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ М. М. НІКОЛЬСКАГА І У. М. ПЕРЦАВА

TO THE 140th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF N. M. NIKOLSKI AND V. N. PERTSEV

УДК 929Перцев+930(476)+94(36)+94(4)«375/1492»

ИСТОРИЯ ПРУССИИ В ТРУДАХ В. Н. ПЕРЦЕВА

И. О. ЕВТУХОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается деятельность Владимира Николаевича Перцева, научный интерес которого к истории Пруссии Нового времени сформировался в период учебы и работы в Москве. Доказывается, что данный интерес трансформировался в доминанту научной деятельности историка после его переезда в Минск. Отмечается, что развитие этой доминанты расширило круг научных интересов исследователя за счет включения в него ранней и средневековой истории региона. Указано, что результатом исследований стала серия из трех статей, а также подготовленная на их основе рукопись монографии, которую историк частично опубликовал в виде второй серии статей, посвященных средневековой Пруссии. Высказывается мнение о том, что стремление профессора В. Н. Перцева в той или иной форме опубликовать результаты своей работы доказывает доминантный характер исследования прусской истории в его научном творчестве.

Ключевые слова: В. Н. Перцев; Пруссия; средневековая Пруссия; германистика; пруссоведение.

Образец цитирования:

Евтухов И. О. История Пруссии в трудах В. Н. Перцева // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 10–16.

For citation:

Yeutukhou I. O. The history of Prussia in the works of V. N. Pertsev. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 10–16 (in Russ.).

Автор:

Ігорь Орестович Евтухов – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Ihar O. Yeutukhou, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
ewtuhov@tut.by

THE HISTORY OF PRUSSIA IN THE WORKS OF V. N. PERTSEV

I. O. YEUTUKHOV^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The scientific interest of V. N. Pertsev to the history of New time Prussia had been formed during his study and work in Moscow. The author proves in his article that after historian's moving to Minsk this interest was transformed into the dominant of his scientific activities. Development of this dominant expanded the range of his research interests. He began to be interested in the early and medieval history of the region. The result of the work was a three articles series and a manuscript of the monograph prepared on their basis. V. N. Pertsev partially published it in the form of the second series of articles devoted to medieval Prussia. According to the author the desire of professor to publish his research in one form or another proves the dominant nature of Prussian history in his scientific activity.

Key words: V. N. Pertsev; Prussia; medieval Prussia; Germanism; Prussian studies.

Историк Владимир Николаевич Перцев родился в 1877 г. в Курске в семье статского советника, члена попечительского совета женской гимназии Николая Никаноровича Перцева [1, с. 3], который умер от туберкулеза, когда Владимиру было 13 лет. В прошении, обращенном к управлению Белорусского государственного университета (БГУ), о предоставлении более просторной квартиры (1922 г.) Владимир Николаевич упоминает о том, что, помимо отца, эта болезнь забрала жизни его брата и сестры [2, с. 56].

После окончания реального училища в 1895 г. юноша покинул родной Курск. Согласно законам Российской империи право на обучение в университете имели только выпускники гимназий. В связи с этим Владимир вынужден был сначала поступить в Петербургский технологический институт, а после – в Варшавский ветеринарный институт. Одновременно с этим будущий историк активно готовился к сдаче экзамена за гимназический курс экстерном. Экзамен на аттестат зрелости В. Н. Перцевым был успешно выдержан в Харькове [1, с. 126], и в 1897 г. Владимир Николаевич стал студентом историко-филологического факультета Московского университета, где учился у В. В. Виппера, П. Г. Виноградова и М. С. Корелина.

За время учебы В. Н. Перцева дважды (в 1899 и 1901 гг.) исключали из университета за участие в студенческих волнениях и высылали в родной город под надзор полиции. После второго исключения Владимир, собрав все имеющиеся деньги (за частные уроки и переданные матерью), уехал за границу, где слушал лекции в Венском и Берлинском университетах. Надолго денег не хватило, и В. Н. Перцев был вынужден продолжить обучение в России.

В 1903 г. Владимир Перцев закончил Московский университет с дипломом первой степени и остался на кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию с предоставлением стипендии им. Грановского. По правилам университета диплом первой степени обязывал выпускника в течение месяца предоставить кандидатское сочинение. Свою работу историк посвятил

изучению взглядов немецкого философа-просветителя Иоганна Гердера.

Сразу после окончания обучения Владимир Николаевич начал преподавательскую деятельность в московских средних учебных заведениях. Однако этот вид деятельности вскоре оказался для него запретным: градоначальник, памятуя об участии В. Н. Перцева в студенческих волнениях, отказал ему в выдаче свидетельства о благонадежности. Тем не менее два года спустя преподавательская деятельность историка возобновилась.

Помимо преподавания Владимир Николаевич, являясь товарищем (заместителем) председателя Московской исторической комиссии при учебном отделе Общества по распространению технических знаний, занимался активной популяризацией исторических знаний [1, с. 3].

В своей автобиографии, написанной на склоне лет, профессор В. Н. Перцев отмечал: «В промежутках между 1903–1917 гг. мною было написано около 20 крупных работ на исторические темы в разных изданиях, журналах и сборниках и, кроме того, много мелких рецензий и обзоров исторической литературы также в журналах и некоторых сборниках» [2, с. 54].

Составитель подробного сборника «Указатель работ, опубликованных В. Н. Перцевым» [1, с. 129–147] М. Б. Ботвинник приводит данные о 152 публикациях за 1907–1917 гг., включая переводы, рецензии и труды под редакцией В. Н. Перцева.

Первой научной публикацией Владимира Николаевича в 1907 г. стали отдельные главы кандидатского сочинения, напечатанные в журнале «Вопросы философии и психологии» в виде обширной статьи «Теория эволюции и философия истории Гердера». В том же году исследователь проявил себя как библиограф, отредактировав посвященный Германии раздел в «Библиографическом сборнике» Московской исторической комиссии при учебном отделе Общества по распространению технических знаний, а также написав для сборника девять кратких заметок. Кроме того, в 1907 г. состоялся дебют исследователя в журнале «Русская мысль» – печатном органе партии кадетов. Сотрудничество

с журналом продолжалось до 1910 г. В «Русской мысли» В. Н. Перцев опубликовал 38 рецензий. Впоследствии в суровые 1930-е гг. на факт этого сотрудничества обратило внимание Государственное политическое управление (ОГПУ при СНК СССР). В записке на имя П. К. Пономаренко Лаврентий Цанава указывал на слова В. Н. Перцева, произнесенные в одном из разговоров: «Задолго до революции, будучи еще студентом, я увлекся партией кадетов» [2, с. 59]. Очевидно, что имела в виду работа в «Русской мысли».

Очень важными для Владимира Николаевича оказались события 1908 г. В основанной Николаем Михайловичем Никольским серии «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики» вышла переведенная В. Н. Перцевым с немецкого языка книга Р. Кнопфа «Происхождение и развитие христианских верований в загробную жизнь». Редактором перевода выступил Н. М. Никольский. Данное издание стало первым шагом в дальнейшем многолетнем сотрудничестве двух выдающихся историков.

Как один из ведущих специалистов по западно-европейской новой истории В. Н. Перцев принял участие в образовательном проекте Московской исторической комиссии учебного отдела Общества по распространению технических знаний. Проект заключался в издании пятитомной «Книги для чтения по истории нового времени» (1910–1917 гг.). В число редакторов труда помимо В. Н. Перцева вошли Владимир Иванович Пичета, Николай Михайлович Никольский (для первого тома), Сергей Петрович Мельгунов и др. Юбилейный для России 1912 г. для Владимира Николаевича ознаменовался новой встречей с С. П. Мельгуновым и В. И. Пичетой, которые были редакторами семитомного сборника «Отечественная война и русское общество 1812–1912». Для этих изданий В. И. Перцевым был написан ряд обширных очерков, касающихся в том числе и истории Пруссии: «Умственные течения в Германии в XVIII веке» (где говорилось, в частности, про уроженца Пруссии Гердера и про прославившего Восточную Пруссию Канта), «Реформы в Пруссии», «Либеральное канцлерство» (о Бисмарке), «Союз России с Пруссией».

Заметным событием в общественной жизни России стал опубликованный в 1914–1917 гг. в «Голосе минувшего» цикл статей, посвященный Гогенцоллернам, представителям прусской королевской династии, стоявшей в то время во главе Германской империи. Актуальность статей была достаточно высока: шла Первая мировая война. Цикл вообрал в себя материалы из очерков, размещенных в упомянутых выше сборниках, а также новые разработки. По сути была написана социально-политическая история Пруссии от курфюрста Фри-

дриха-Вильгельма (1640–1688) до Вильгельма II (1888–1918). В 1918 г. цикл был издан отдельной книгой в издательстве С. П. Мельгунова «Задруга».

В 1921 г. Владимир Николаевич переехал в Минск, где в это время шел процесс основания БГУ. К сюжетам прусской истории в 1920-е гг. исследователь обратился только в статье, посвященной исторической идеологии Бисмарка [3].

В конце 1930-х гг. прусская тематика была официально закреплена за Владимиром Николаевичем. Декан исторического факультета А. Пьянков в 1938 г. писал: «Проф. В. Н. Перцев занимается изучением аграрных отношений в Пруссии в конце XVIII – начале XIX века. Тема – “Экономические предпосылки реформ Штейна и Гарденберга”. Проф. Перцев изучает положение отдельных групп феодально-зависимого крестьянства и классовые взаимоотношения крестьян и помещиков накануне указанных реформ» [4, с. 169].

Для раскрытия указанной темы в первой половине 1941 г. были подготовлены к печати три статьи: «Исторические и общественные взгляды Канта» для сборника академического института истории, «Крестьяне Пруссии в конце XVIII и начале XIX в.» для второго выпуска издания «Ученые записки БГУ», «Образование Прусского государства» для первого выпуска издания «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина». Установить содержание этих трудов не представляется возможным, поскольку тексты были уничтожены во время немецко-фашистской оккупации Беларуси [5, с. 25].

Начало Великой Отечественной войны повлияло не только на жизнь профессора В. Н. Перцева, но и на сферу его научных интересов. Позитивная история немецкой Пруссии утратила для историка привлекательность. Внимание исследователя привлекла тема истоков германского милитаризма. В марте 1942 г. в выступлении на сессии Академии наук БССР в Казани В. Н. Перцев говорил: «Историей Германии я интересуюсь давно, теперь же я веду свою работу в области изучения начальных моментов германской захватнической политики. Эти начальные моменты падают на XIII–XIV столетия» [6, с. 89]. Новое направление исследований разбилось на два потока: один ориентировался на всесторонний анализ агрессивных действий со стороны Германии в средние века, второй – на историю древней (доорденской Пруссии).

В эвакуации, как это видно из выданной Удмуртским государственным педагогическим институтом (ГПИ) характеристики, В. Н. Перцев занимался разработкой темы в следующей формулировке: «Пруссия до XIII в.»¹. Первым сохранившимся сюжетно законченным воплощением разработки истории прусского народа в доорден-

¹Арх. Белорус. гос. ун-та. Опись личных дел профессорско-преподавательского состава, имеющего ученые степени и звания. Дело № 59. Л. 5.

ские времена в текстовой форме стала опубликованная в 1943 г. в журнале «Славяне» публицистическая статья под символическим названием «Древняя Пруссия и агрессивное пруссачество». Эта статья обозначила привлекающую В. Н. Перцева грань прусской истории. Исследователь контрастно противопоставлял миролюбивое прусское население германским агрессорам. Кроме того, можно высказать предположение о том, что В. Н. Перцев увидел в изучении древней (доорденской) Пруссии возможность в полной мере реализовать свой потенциал историка-исследователя.

Под названием «прусы» известна группа племен, являвшихся коренным (автохтонным) населением южного побережья Балтийского моря (между нижним течением Вислы и Немана). Язык пруссов был родственным языку летто-литовцев. По материальной культуре пруссы были близки к летто-литовцам и славянам. В начале XIII в. Пруссия (земля пруссов) представляла собой конфедерацию 11 областей, управляемых родовой знатью: Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Бармия, Самбия, Надровия, Скаловия, Судовия (Ятвигия), Галиндия, Земля сасов. К 1283 г. земля пруссов оказалась завоевана рыцарями Тевтонского ордена. Народ Пруссии не знал письменности и не оставил после себя никаких нарративных и законодательных памятников. Таким образом, комплексное изучение прусской истории требовало от исследователя не только общеисторической подготовки, но и владения латинским и греческим языками; свободной ориентировки в сюжетах средневековой германской и церковной истории; хорошего знания вопросов балтийских и древнеславянских религий, мифологии, археологии. В. Н. Перцев этой сложной работе посвятил оставшиеся годы своей жизни.

Опубликованные в журнале «Славяне» положения в 1944 г. были развернуты в весьма содержательной статье «Пруссия до ее завоевания немцами» [7]. В. Н. Перцев выделил этапы развития древней Пруссии, ориентируясь при этом не на внутреннее развитие региона, а на наличие свидетельств античных и средневековых авторов. Периодика в трудах историка выглядела следующим образом: 1) до конца II в.; 2) III–VI вв.; 4) VI–IX вв.; 5) X–XIII вв., включая завоевание Пруссии Тевтонским орденом. В результате В. Н. Перцев пришел к выводу о том, что на прусских землях начали складываться феодальные отношения, «по крайней мере в зачаточной форме», а «завоевание Пруссии Орденом было, по существу, разбойничьим вмешательством, насильственно оборвавшим нить прусского исторического развития и задержавшим

прогресс политической, общественной и экономической жизни Пруссии. Никакого цивилизующего влияния на историю Пруссии это завоевание не оказало, и всякие попытки оправдать его традиционными правами немцев на земли, будто бы ими истари занимавшиеся, исторически оказываются фальшивыми» [7, с. 52].

Последовательное краткое изложение социально-экономических и политических сюжетов прусской истории охватывало период от начала I в. до конца IX в. Относительно X–XIII вв. констатируется лишь факт наличия определенных событий: «Внешняя, международная сторона прусской истории в X–XIII вв. характеризуется все возрастающей опасностью со стороны соседей, часть которых в то время вырастает в крупные государства (Польша) или приобретает большую военную силу (Тевтонский орден). Пруссам приходится всю свою энергию обращать на защиту своей независимости и главного символа этой независимости – языческой религии. Борьба против поляков, с одной стороны, и немцев – с другой ведется пруссами в крайне неблагоприятных для них условиях – в то время, когда еще не было сплоченности отдельных прусских областей и племен. В Пруссии, запоздавшей в своем политическом развитии, при наличии таких прогрессивных признаков, как развитое земледелие и международная торговля, не было политического единства. Жестокая борьба с внешним врагом поглощала всю энергию народа и задерживала развитие производительных сил внутри страны» [7, с. 52].

Логичным продолжением темы, обозначенной в статье в «Историческом журнале», стали еще две публикации В. Н. Перцева, написанные в тот же период времени (1945 г.). Имеется в виду статья «Германия, Рим и Польша в борьбе с языческой Пруссией. X–XIII вв.» (название рукописного варианта)¹. В конце работы В. Н. Перцев высказывает мысль о необходимости посвятить отдельную статью теме истории возникновения Тевтонского ордена. Материал под названием «Утварэнне Тэўтонскага ордэна» появился на белорусском языке в литературно-художественном журнале «Полымя» весной 1945 г. Таким образом, по состоянию дел на 1945 г. речь шла о написании В. Н. Перцевым цикла научных статей, охватывающих три проблемы: 1) доорденская Пруссия, 2) борьба пруссов с внешней агрессией, 3) образование Тевтонского ордена.

О том, что это был цикл статей, а не главы будущей монографии свидетельствуют объемы трудов: статья «Германия, Рим и Польша в борьбе с языческой Пруссией. X–XIII вв.» – 35 рукописных страниц, глава «Пруссия в борьбе с немцами и Польшей

¹ Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева. Дело № 8. Статьи. Л. 109–146.

(X–XIII вв.)» монографии – 109 страниц машинописи¹.

В первом номере республиканской газеты «Звязда» за 1946 г. на полосе под общей шапкой «Вступая в новый год» профессор В. Н. Перцев пообещал продолжить «свою работу над историей древних пруссов»². Обещание было исполнено после перевода на белорусский язык статьи «Германия, Рим и Польша в борьбе с языческой Пруссией. X–XIII вв.» и публикации ее в 1948 г. в издании «Ученые записки БГУ» под названием «Барацьба старажытнай Прусіі з націскам Германіі і Польшчы ў X – XIII вяках».

Изданный цикл имел некоторые недостатки: труды публиковались на разных языках и в разной стилистике (часть цикла печаталась в строго научном стиле, часть – в научно-популярном). Тем не менее эти статьи легли в основу первого варианта монографии «Пруссия до ее завоевания немцами». Текст рукописи сохранился фрагментарно: глава 2 без начала, глава 3 полностью и глава 4 без окончания. По своему содержанию работа представляет собой расширенный вариант статьи в «Историческом журнале». Рукопись второго варианта монографии «Пруссия до ее завоевания немцами» занимает 462 страницы машинописи. Совпадение с первым вариантом прослеживается по главам 3 и 4, начало главы 2 коренным образом переработано. Однако этот вариант был возвращен автору издательством. Точно установить срок завершения доработки монографии после возвращения ее издательством не представляется возможным (подобного рода авторские указания отсутствуют). Однако приблизительный ответ на этот вопрос дает страница с двойной нумерацией 30–31 из полной рукописи второго варианта монографии в машинописном исполнении. Тот факт, что страница имеет двойную нумерацию и склеена из трех частей указывает на более позднее относительно остальной части рукописи происхождение. На этой странице находится снятая позднее В. Н. Перцевым цитата из работы И. В. Сталина по вопросам языкознания («Вопросы истории». 1950. № 7. С. 130), при этом ссылка вписана от руки. Таким образом, можно допустить, что одна из последних правок была внесена в рукопись летом-осенью 1950 г.

В 1951 г. монографию В. Н. Перцева «Пруссия до ее завоевания немцами» отправили в Москву для написания отзыва. Судьбу исследования решила подписание 7 декабря 1951 г. неизвестным столичным автором «Рецензия-отзыв о труде В. Н. Перцева «Пруссия до ее завоевания немцами»»³. Начиналась

рецензия с согласия с актуальностью выбранной темы и ряда справедливых замечаний технического характера. В частности, было указано, что в работе отсутствует глава 7 (нумерация глав в рукописи нарушена и за главой 6 следует глава 8), а также, что отдельные главы имеют непропорционально малые (или большие) размеры: от 24 до 112 страниц.

Однако вслед за этими замечаниями следует обвинение в адрес В. Н. Перцева в недостаточном усвоении сталинской методологии. Автор рецензии пишет: «На последующих страницах монографии приведены некоторые цитаты из новой классической работы И. В. Сталина “Марксизм и языкознание”, причем приведено одно из наиболее острых мест в высказываниях И. В. Сталина о сущности “учения” Марра. Словом, автор монографии недвусмысленно демонстрирует свое желание следовать методологическим указаниям тов. Сталина. Но одного желания мало – необходимо и **творческое усвоение** сталинской методологии. В. Н. Перцев, однако, методологических указаний И. В. Сталина не усвоил, не понял. И поэтому, вводя в свой текст цитаты из труда И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, отказываясь от ссылок на Н. Я. Марра и его учеников, он все же сохраняет в своей монографии основные марровские положения». Далее на трех страницах описывается «марризм» В. Н. Перцева, который, в частности, заключается в том, что исследователь признает пруссов автохтонами.

Общий вывод рецензии оказался компромиссным. Первые четыре главы, по мнению рецензента, нуждаются в коренной переработке, последующие же главы следует издать, «поскольку эта часть монографии представляет большую научную ценность».

Отсутствие возможности опубликования книги не остановило работу В. Н. Перцева над изучением древней Пруссии. Фактически историком была выбрана тактика публикации монографии по главам (в виде отдельных статей). Первыми были напечатаны две заключительные главы монографии, не вызвавшие замечаний со стороны анонимного рецензента. Однако нельзя сказать, что указанные статьи являлись точным повтором глав. Значительная часть информации (речь идет об отдельных абзацах, страницах и сюжетно законченных разработках большого объема) сокращалась, формулировки уточнялись.

При этом Владимир Николаевич подстраховался: глава «Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами» первоначально была

¹ Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева. Дело № 16. Статьи. Л. 143–252.

² Вступая в новый год // Звязда. 1946. № 1. С. 1.

³ Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева. Дело № 9. Пруссия до ее завоевания немцами. Л. 140–151.

передана для публикации в юбилейном сборнике в честь 30-летия БГУ, а после, когда возникли проблемы с выходом сборника в свет, – в издании «Ученые записки БГУ». В итоге статья появилась в печати дважды под одним и тем же названием. Кроме того, в текст опубликованной статьи была внесена отсутствующая в рукописи ссылка на работу И. В. Сталина «Марксизм и языкознание» [8, с. 92].

Подстраховался В. Н. Перцев и при публикации самой большой по объему – заключительной – главы монографии «Культура и религия древних пруссов» [9]. Исследователь начал статью с пространной цитаты из работы И. В. Сталина «Марксизм и языкознание» и общего рассуждения о марксистско-ленинском понимании роли и места советской идеологии в истории общества. При этом данный фрагмент отсутствует в полной рукописи второго варианта монографии.

Третья и четвертая главы «Пруссия от VI до X века» и «Путешествие Вульфстана (Северо-западный торговый путь и внутренний строй Пруссии в IX в.)» были опубликованы в 2015 г. под общим названием «Пруссия от VI до IX века» [2, с. 155–175].

В настоящее время рукопись монографии «Пруссия до ее завоевания немцами» хранится в архиве Национальной академии наук Республики Беларусь в составе «Личного фонда академика АН БССР В. Н. Перцева» в нескольких папках: дело № 1 – с. 55–462 второго варианта монографии в машинописном исполнении; дело № 8 – с. 37–77 первого варианта монографии в машинописном исполнении; дело № 9 – с. 1–142 второго варианта монографии в машинописном исполнении и отзыв из Москвы; дело № 13 – 1-я часть монографии в рукописном исполнении (с. 1–202); дело № 14 – 2-я часть монографии в рукописном исполнении (с. 203–477); дело № 16 – полный текст второго варианта монографии книги в машинописном исполнении; дело № 18 – с. 301–462 второго варианта монографии рукописи в машинописном исполнении.

Монография Владимира Николаевича построена в основном на полемике с известным немецким историком XIX в., членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, уроженцем Кёнигсберга Иоганном Фойгтом, посвятившим истории Восточной Пруссии исследование в девяти томах (*Geschichte Preußens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens*), написанное на основе материалов, содержащихся в архивах Альбертины (Кёнигсбергского университета). И. Фойгт издал шеститомное собрание документов по истории пруссов (*Codex diplomaticus prussicus*). Следует отметить, что актуальность по-

лемики была невысокой уже в то время, когда профессор В. Н. Перцев приступил к работе над монографией. Иоганн Фойгт был первым историком, начавшим изучение мира древних пруссов, он создал первичную документальную базу для дальнейших исследователей и предложил общие предварительные выводы, которые во многом устарели уже с началом археологических раскопок во 2-й половине XIX в. Тем не менее это никоим образом не умаляет заслуг И. Фойгта.

В 1955–1956 гг. В. Н. Перцев продолжил исследования наиболее ранних периодов истории Пруссии при финансовой поддержке БГУ. Как следует из отчета о научной работе кафедры истории средних веков за 1955 г., Владимир Николаевич поставил цель «доказать, что древние пруссы были миролюбивым, способным к прогрессивному развитию народом, рано – уже на рубеже новой эры – приступившим к пашенному земледелию и к торговым связям с соседями, и что среди них рано возникло деление на классы, хотя основы первобытно-общинного строя удерживались вплоть до завоевания прусской земли немцами»¹. Автор стремился подчеркнуть, что естественное развитие древних пруссов было насильственно прервано немцами завоевателями, помешавшими мирному и способному народу идти вперед по пути прогресса. В рамках раскрытия темы материал первой главы монографии «Пруссия по данным античных авторов (до II столетия н. э.)» был переработан в две статьи для издания «Ученые записки БГУ»: «Начальные периоды истории древней Пруссии» [10] и «Хозяйственный и социальный строй древнейшего населения Пруссии» [11].

При этом профессор В. Н. Перцев показал, что, высказав однажды достаточно аргументированное положение, он не будет отказываться от своих слов, пока не найдутся более веские контраргументы. Насколько позволяют судить указанные выше статьи Владимира Николаевича, критическое выступление рецензента не убедило его в ошибочности взглядов на раннюю историю пруссов. По крайней мере, в 1956 г. исследователь вновь повторяет выводы первой части своей монографии: «Автохтонность пруссов на Прибалтийском побережье, их родственная близость не только с другими народами прибалтийской группы, но и со славянством – вот исходные пункты, от которых отправляется древняя прусская история» [10, с. 119].

На исходе жизни и научной деятельности профессор В. Н. Перцев замыкает круг исследований, издав книгу «Очерк истории Германии XVIII века» [12]: треть общего объема издания занимает вторая глава («Пруссия в XVIII в.»), которая

¹ Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева. Дело № 10. Л. 121–121.

во многом перекликается с очерками о Гегенцоллернах, в третьей главе («Культура Германии в XVIII в.») нашлось место для краткой историко-биографической справки об Иоганне Гердере, взгляды которого Владимир Николаевич, как и в 1907 г., сравнивал со взглядами Иммануила Канта.

Таким образом, стремление в той или иной форме опубликовать свое исследование, а также возврат к темам, рассмотренным В. Н. Перцевым в пору научной зрелости, доказывает доминантный характер прусской истории в научном творчестве профессора.

Библиографические ссылки

1. Ботвинник М. Б. В. Н. Перцев. Минск : Наука и техника, 1978.
2. Евтухов И. О. Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания. Минск : БГУ, 2015.
3. Перцев В. Н. Историческая идеология Бисмарка // Пр. Беларус. дзярж. ун-ту ў Менску. 1926. № 6–7. С. 162–175.
4. Пьянков А. Историческая наука в СССР. Научно-исследовательская работа на историческом факультете Белорусского государственного университета в 1938-м г. // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 168–169.
5. Бібліяграфічны даведнік навуковых работ супрацоўнікаў гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта (1921–1994 гг.). Минск : БДУ, 1994.
6. Материалы мартовской сессии Академии наук Белорусской Советской Социалистической Республики (Казань, 12–13 марта 1942 г.). М. : Молодая гвардия, 1942.
7. Перцев В. Пруссия до ее завоевания немцами // Истор. журн. 1944. № 4. С. 44–52.
8. Перцев В. Н. Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами // Учен. зап. БГУ им. В. И. Ленина. Сер. История. 1951. Вып. 42. С. 99–123.
9. Перцев В. Н. Культура и религия древних пруссов // Учен. зап. БГУ им. В. И. Ленина. Сер. История. 1953. Вып. 16. С. 329–378.
10. Перцев В. Н. Начальные периоды истории древней Пруссии (генезис прусской народности) // Учен. зап. БГУ им. В. И. Ленина. Сер. История. 1956. Вып. 30. С. 109–122.
11. Перцев В. Н. Хозяйственный и социальный строй древнейшего населения Пруссии (между I–IV вв. н. э.) // Учен. зап. БГУ им. В. И. Ленина. Сер. История. 1959. Вып. 50. С. 63–81.
12. Перцев В. Н. Очерк истории Германии XVIII века. Минск : БГУ, 1959.

References

1. Botvinnik M. B. [V. N. Pertsev]. Minsk : Nauka i tekhnika, 1978 (in Russ.).
2. Evtukhov I. O. [Department of history of the Ancient World and the Middle Ages of BSU. To the 80th anniversary of creation]. Minsk : BSU, 2015 (in Russ.).
3. Pertsev V. N. [The historical ideology of Bismarck]. *Pracy Belarus. dzjarzhawnaga universitjeta w Mensku*. 1926. No. 6–7. P. 162–175 (in Russ.).
4. P'yankov A. [Historical science in the USSR. Research work at the faculty of history of Belarusian State University in 1938]. *Istoriik-marksist*. 1938. No. 3. P. 168–169 (in Russ.).
5. [Bibliography of scientific works of the staff of the historical faculty of the Belarusian State University (1921–1994)]. Minsk : BSU, 1994 (in Belarus.).
6. [The March session of the Academy of Sciences of the Byelorussian Soviet Socialist Republic (Kazan, 12–13 March 1942)]. Moscow : Molodaya gvardiya, 1942 (in Russ.).
7. Pertsev V. [Prussia before its conquest by the Germans]. *Istoricheskii zhurnal*. 1944. No. 4. P. 44–52 (in Russ.).
8. Pertsev V. N. [Internal structure of Prussia before its conquest by the Germans]. *Uchenye zapiski BGU im. V. I. Lenina. Seriya Istoriya*. 1955. Issue 42. P. 99–123 (in Russ.).
9. Pertsev V. N. [Culture and religion of the Ancient Prussians]. *Uchenye zapiski BGU im. V. I. Lenina. Seriya Istoriya*. 1953. Issue 16. P. 329–378 (in Russ.).
10. Pertsev V. N. [The early periods of the history of Ancient Prussia (the Genesis of the Prussian Nation)]. *Uchenyye zapiski BGU im. V. I. Lenina. Seriya Istoriya*. 1956. Issue 30. P. 109–122 (in Russ.).
11. Pertsev V. N. [Economic and social structure of the ancient population of Prussia (between I–IV cent. AD)]. *Uchenyye zapiski BGU im. V. I. Lenina. Seriya Istoriya*. 1959. Issue 50. P. 63–81 (in Russ.).
12. Pertsev V. N. [Essay on the history of Germany in the XVIII century]. Minsk : BGU, 1959 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.08.2017.
Received by editorial board 24.08.2017.

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ И РОЖДЕНИЕ ПЕРИФЕРИЙНОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДРЕВНОСТИ

С. Б. КРИХ¹⁾

¹⁾Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, пр. Мира, 55а, 644077, г. Омск, Россия

Изучается позднее творчество Н. М. Никольского (1877–1959), рассматриваемое в тесной связи с вопросом формирования периферии в советской историографии Древнего мира. Анализируется процесс создания нового коллективного учебника по древней истории для учительских институтов (процесс длился с 1947 г. до публикации книги в 1952 г.), а также последующая реакция на него советских историков. Предполагается, что борьба Н. М. Никольского за особую интерпретацию восточной истории, равно как и критика концепции В. В. Струве, имела не те последствия, на которые рассчитывал академик, но привела к другому эффекту: она способствовала становлению периферии в советской историографии древности.

Ключевые слова: советская историография; история Древнего мира; сталинизм.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-223.2017.6.

N. M. NIKOLSKY AND THE BIRTH OF A PERIPHERAL SOVIET HISTORIOGRAPHY OF ANTIQUITY

S. B. KRIKH^a

^aDostoevsky Omsk State University, 55a Mira Avenue, Omsk 644077, Russia

The article concentrated on the problem of the late stage of creative activity N. M. Nikolsky in close relation with history of the genesis the periphery in the Soviet historiography of the Ancient world. Author analyzed the process of creation the new collective sourcebook in ancient history for the pedagogical universities from 1947 to 1952 (when it was printed) and reaction of the Soviet historians on this publication. Author suggests that Nikolsky's fight for his specific interpretation of oriental history and his critic of Struve's conception didn't work in the way, which Nikolsky was counting, but had another effect: it contributed to formation of periphery in Soviet historiography of an Ancient world.

Key words: Soviet historiography; history of Ancient world; stalinism.

Acknowledgements. The article was written with the support of the Grant Council of the President of the Russian Federation, project No. МД-223.2017.6.

Введение

В начале 1940-х гг. ситуация в советской исторической науке, изучающей эпоху древности в целом, являлась определенной, а предшествовавший этому

период утомительных дискуссий – законченным. Древность была признана единой эпохой, которая целиком относилась ко времени господства

Образец цитирования:

Крих С. Б. Н. М. Никольский и рождение периферийной советской историографии древности // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 17–22.

For citation:

Krikh S. B. N. M. Nikolsky and the birth of a peripheral Soviet historiography of antiquity. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 17–22 (in Russ.).

Автор:

Сергей Борисович Крих – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета.

Author:

Sergey B. Krikh, doctor of science (history), docent; professor at the department of universal history, faculty of history.
krikh@rambler.ru

рабовладельческой формации, было признано наличие, но не автономность локальных особенностей. Вопрос о возможности нахождения других формационных признаков, казалось, был закрыт раз и навсегда. По итогам проходящего ранее научного спора появились победители и проигравшие, и последние должны были принять точку зрения первых.

Победителей возглавлял В. В. Струве, который фактически дал первый фундированный очерк рабовладельческого строя на Древнем Востоке (на материале ряда стран Ближнего Востока). Среди проигравших был Н. М. Никольский, оказавшийся самым упрямым оппонентом В. В. Струве в споре 1930-х гг. Поражение было столь очевидным, что даже автор крайне комплиментарной биографии Н. М. Никольского должен был признать этот факт [1, с. 30].

Достаточно хорошо известно, что Н. М. Никольский не смог полностью смириться с поражением и продолжал оппонировать В. В. Струве уже по вопросу не формационной принадлежности древне-

восточных обществ, а недооценки роли их общины. Об этом вопросе мы писали ранее [2, с. 1015]. С точки зрения антропологического подхода исследование способа корректировки минским ученым тактики в противостоянии подходу В. В. Струве, безусловно, представляет немалый интерес. Однако мы остановимся на другом аспекте, который до сих пор, насколько известно, оставался в тени. Это вопрос роли, которую поздняя фаза противостояния сыграла в развитии советской науки о древности.

Сосредоточимся на истории только одной весьма показательной работы. В 1952 г. был издан учебник по истории Древнего мира для учительских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского [3]. Историю его возникновения можно узнать из архивных материалов: переписки двух редакторов между собой и замечаний рецензентов от издательства по тексту работы. Кроме того, важен также анализ самого опубликованного текста, его сравнение с другими работами Н. М. Никольского предшествующего десятилетия.

Основная часть

Учебные пособия СССР 1920-х гг. отличались краткостью изложения и поверхностной марксистской материализацией дореволюционной и зарубежной науки, учебники 1930-х гг. были результатом мучительных поисков новой формы для выражения едва выработанных принципов историописания. В 1940-х гг. издавались те работы, которые отражали складывающийся консенсус как в отношении исторического сообщества и власти, так и во внутренних оценках самого исторического сообщества в плане требований, которым они должны соответствовать. В эти годы в свет выходят школьный учебник по истории Древнего мира под редакцией А. В. Мишулина (1940), университетские учебники по истории Древнего Востока В. В. Струве (1941) и В. И. Авдиева (1948), по истории Древнего Рима С. И. Ковалева (1948) и Н. А. Машкина (1949) [4–8]¹.

Задуманный В. Н. Дьяковым (заведующим до 1949 г. кафедрой истории Древнего мира Московского государственного педагогического института) учебник вписывался в эту череду и являлся основательным изданием с достаточно крупным тиражом и претензией на окончательное разрешение проблемы изучения древней истории, а прежде всего на то, чтобы дать в руки будущим школьным учителям книгу, которая сможет служить источником знаний по всем основным вопросам истории Древнего мира. В. Н. Дьяков писал Н. М. Никольско-

му: «Студентам учительских институтов придется ведь работать в глухих углах, книг у них, кроме их институтских руководств, никаких не будет – вот и хотелось их чем-нибудь вооружить, чтобы они не обращали своих уроков в мучительное зазубривание никому не нужных фактов» [4, л. 4]. Полезность пособия, не подавляющего студентов, у которых история – не основной предмет, и в то же время дающего расширенный обзор древней истории, отмечали и рецензенты от Государственного учебно-педагогического издательства².

Однако была и другая сторона вопроса: в создании учебника участвовали авторы, которые не занимали лидирующих позиций в советской науке. Н. М. Никольский и В. Н. Дьяков знали друг друга с 1913 или 1914 г. [4, л. 3 об.]. В начале 1920-х гг. историки вместе работали в Смоленске [4, л. 1 об.]. Они взяли на себя большую часть работы над книгой: написали основной объем текста по истории Древнего Востока, весь текст, касающийся истории Древнего Рима [3, с. 10–196, 226–230, 422–778], а также, судя по всему, и введение [3, с. 3–9]. Иными словами, более 70 % текста принадлежало только двум авторам (Н. М. Никольскому – около 25 %, В. Н. Дьякову – более 45 %). Остальные авторы были преимущественно коллегами В. Н. Дьякова в московских учреждениях высшего образования и не были указаны в издании по понятной в те годы

¹ Не следует требовать от этого разделения неукоснительной строгости в плане хронологии: в число «консенсусных» учебников вошел изданный раньше учебник по истории Греции В. С. Сергеева (1934, в 1948 г. подвергся очередной переработке) и не попал учебник по греческой истории С. Я. Лурье (1940). См.: Сергеев В. С. История Древней Греции. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934; Лурье С. Я. История Греции. С древнейших времен до образования Афинского морского союза. Л., 1940.

² Зельин К. К., Машкин Н. А. Рецензии на учебник «История Древнего мира» // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–2.

причине. Сам В. Н. Дьяков в письме Н. М. Никольскому деликатно описал эту проблему таким образом: «Кроме нас с Вами, как нарочно, это все иноземцы, в последнее время у нас непопулярные» [4, л. 11]. Это были кандидаты исторических наук, доценты А. К. Бергер, А. А. Деконский, А. Я. Абрамович, Д. И. Нудельман, О. А. Ротберг, А. П. Каждан. Однако В. Н. Дьяков уточнил, что А. А. Деконский, А. К. Бергер и О. А. Ротберг «из обрусевших поляков и немцев» [4, л. 11], что, тем не менее, не играет роли, так как в этих тонкостях потенциальные критики не стали бы разбираться¹.

Уже на стадии задумки книги содержалась идея о том, что следует подать материал несколько иначе, чем это было сделано в других работах: «Думаю, что наша книга будет полезна и для лиц, занимающихся самообразованием. Нет ведь у нас ничего подходящего в этом отношении. Книги Струве, Авдиева, Машкина, Ковалева <...> способны отбить интерес к истории Древнего мира и у студента-вузовца; материала много, но из него в этих руководствах ничего не строится» [4, л. 4 об. 5].

Издание учебника подготавливалось долго (как минимум с 1947 г.). В письме от 12 января 1949 г. В. Н. Дьяков извиняется перед Н. М. Никольским за то, что давно не информировал его «о ходе наших общих дел» [4, л. 1], а в письме от 18 января того же года В. Н. Дьяков сообщает, что работа идет уже более двух лет [4, л. 3]. Рецензентами книги первоначально были назначены Н. А. Машкин, К. К. Зельин и С. Л. Утченко. Однако В. Н. Дьяков подозревал, что придется проходить редактуру В. И. Авдиева и В. К. Никольского в отношении частей книги по истории Древнего Востока и первобытных времен соответственно [4, л. 3]. Позже к вычитке текста по истории Рима был привлечен также и С. И. Ковалев [4, л. 2]. Техническим редактором издательство назначило историка М. А. Барга, замечания которого, судя по всему, касались не только стилистических моментов, что несколько раздражало В. И. Дьякова («по специальности же он медиевист!» [4, л. 3]). По мнению В. И. Дьякова, издательство стремилось по возможности перестраховаться в деле выхода учебника, поскольку это было время идеологических кампаний. Несмотря на то что В. И. Дьяков обвинял заведующую редакцией истории Учпедгиза Д. С. Давидовича в трусости [4, л. 3], сам автор старался действовать осмотрительно, «принимая во внимание характер теперешней критики» [4, л. 9].

Все рецензии на учебник удалось получить только в середине октября 1949 г., дольше всех работал Н. А. Машкин с разделом по истории Рима [4, л. 7 об.]. Довольно тщательно вычитал текст Н. М. Никольского К. К. Зельин и подготовил рецензию уже 15 марта 1949 г. Сдать книгу в печать заведующий редакцией Д. С. Давидович рассчитывал до конца года, однако работа неожиданно остановилась. Сомнительно, что виной этому стали авторы, возможно, пришлось переждать очередную кампанию, на этот раз по языкознанию. Работа была резко активизирована через полтора года. В письме Н. М. Никольскому от 14 июля 1951 г. неаккуратным почерком (что не свойственно автору письма) В. И. Дьяков сообщал: «Вчера Давидович вызвал меня телеграммой с дачи под Звенигородом и усадил за правку гранок нашего учебника. Температура 30 градусов в тени, изнываю от жары и утопаю в 147 длиннейших листах корректуры. А это еще меньшая половина...» [4, л. 10]. Тем не менее, несмотря на «противоестественную смесь волокиты с пожарным авралом» [4, л. 10 об.], это была завершающая стадия работы.

Нельзя утверждать, что Н. М. Никольский учел все замечания к разделу по истории Востока. Так, автор не расширил текст ни по истории Позднего Египта [3, с. 138–139], ни по истории хеттов [3, с. 155–159], хотя на это указывал К. К. Зельин². Вероятно, минский ученый принял к сведению замечания рецензента по вопросам характеристики источников. К. К. Зельин отмечал, что деятельность Шампольона слабо освещена (в издании ему посвящен небольшой пассаж [3, с. 61]), более подробно рассматривается хеттская культура [3, с. 158–159]. По всей видимости, больше сделано упоминаний из истории изучения Древнего Востока. Также Н. М. Никольским были учтены и стилистические замечания³.

Усилиями издательства и самого В. Н. Дьякова удалось добиться главного: Н. М. Никольский смягчил и критику в адрес В. В. Струве, и отзывы об учебнике оппонента. В результате критические замечания фактически были исключены из итогового варианта. Как отмечал В. Н. Дьяков, «для учебника он (отзыв о труде Струве. – С. К.) слишком резок и звучит как *vae victus* (по крайней мере в редакции Вашего письма к Давидовичу)» [4, л. 11]. Опубликованный пассаж об учебнике В. В. Струве получился сравнительно миролюбивым, особенно с учетом всего того, что ранее писал Н. М. Никольский о кон-

¹ Незадолго до получения этого письма кафедра, которой руководил В. Н. Дьяков, подвергалась жесткой критике за выпуск пособия Х. И. Пеклера «Опыт ведения практикума по истории Древнего мира» высш. школы См.: *Василевский А. В.* Серьезные ошибки в преподавании истории // Вестн. высш. шк. 1949. № 1. С. 39–41. Практика же печати «учебника без авторов» была известна на примере школьного учебника под ред. А. В. Мишулина (См.: *Малюгин О. И.* От большевистского Иловайского до учебника без авторов: из истории создания школьного учебника по древней истории в 1930-х годах // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* : альм. М., 2017. Т. 6. С. 406–420).

² Зельин К. К., Машкин Н. А. Рецензии на учебник «История Древнего мира» // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 99. Л. 6.

³ Зельин К. К., Машкин Н. А. Рецензии на учебник «История Древнего мира» // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 99. Л. 6.

цепции своего главного оппонента: «В курсе акад. В. В. Струве не все части были одинаково хорошо обработаны, так как по некоторым вопросам методологического и фактического порядка еще велись споры и так как в этом учебнике, естественно, не могли быть учтены опубликованные после 1941 г. материалы первоисточников и исследовательские работы советских историков. Поэтому курс акад. Струве в настоящее время уже устарел» [3, с. 68].

Получалось, что личной вины В. В. Струве в некоторых недостатках его учебника почти не было. Слова о том, что не все части хорошо обработаны, можно было отнести и на счет разделов по истории Древних Индии и Китая, которые писали другие авторы. Очевидно, что это не отражало взглядов Н. М. Никольского, который возлагал ответственность за ошибки и недостатки советского видения рабовладения на Востоке именно на В. В. Струве, определяя концепцию своего оппонента как антимарксистскую. Однако формулировка пассажа была неизбежным компромиссом, так как публикация крайних высказываний в учебнике такого рода вызвала бы масштабный скандал, который ударил бы по всем участникам издания, что прекрасно понимали и Д. С. Давидович с В. И. Дьяковым, и – при всей своей непримиримости – Н. М. Никольский. Последний лично в эти годы мог убедиться в том, что время открытого противостояния прошло, а прежняя резкость высказываний уже не приветствуется в редакциях. Так, журнал «Вопросы истории» не стал публиковать его рецензию на книгу И. М. Дьяконова, значительная часть которой была посвящена критике В. В. Струве¹. Ученое сообщество стремилось выработать правила погашения конфликтов, поскольку кампании, инициированные властными высказываниями или целенаправленными действиями «сверху», оказывались разрушительными. В послевоенный период вырабатываются защитные механизмы, смысл которых заключался в том, чтобы, выполняя очередные указания (борьбы с «низкопоклонничеством перед Западом» или с «космополитизмом»), минимизировать последствия.

Конечно, в издании прослеживается истинное отношение Н. М. Никольского к В. В. Струве. Прежде всего, учебнику В. В. Струве противопоставлен учебник В. И. Авдиева как более современный и качественный, в том числе и с точки зрения марксистско-ленинской методологии [3, с. 68–69]. Кроме того, в списке литературы к разделу по истории Месопотамии, служащей ключевым примером для дискуссии о формационной принадлежности древневосточных обществ, даны по одной работы М. В. Никольского (отца Н. М. Никольского), Б. Грозного, А. И. Тюменева, пять работ И. М. Дья-

конова, а также труды самого Н. М. Никольского (6 из 14 пунктов в разделе), но нет ни одной статьи В. В. Струве. Таким образом Н. М. Никольский, не имея возможности полемизировать по базовой теме, решил задеть чувствительного к такого рода выпадам оппонента.

Тем самым, если говорить о содержании раздела учебника по истории Древнего Востока, то при заметных компромиссах в разделе сохранены черты авторства Н. М. Никольского не только в стилистическом, но и в сущностном отношении. Стилистические моменты, например, сохранение определения «княжества» для ранних государств или финикийских городов [3, с. 120, 130, 157, 160, 173] и использование термина «барщина» для обозначения процесса работы на царя [3, с. 88, 119] интересны, но не столь важны в контексте настоящего исследования, как общее понимание истории Древнего Востока.

Здесь, безоговорочно признавая рабовладельческий характер обществ Востока, автор делал акцент на сосуществовании общинного быта с рабством и на преобладании форм домашнего рабства [3, с. 67–68]. При этом отмечается, что численность рабов на протяжении большей части древневосточной истории была незначительной. Положение рабов и зависимых крестьян сближается, когда речь заходит об их сознательной или бессознательной эксплуатации высшим классом. Н. М. Никольский дважды использует одну и ту же конструкцию, описывая государственные работы в Шумере и Вавилонии: «Палки надсмотрщиков одинаково гуляли по спинам и рабов и эрин. <...> Работы производились под плетью надсмотрщиков, которая одинаково хлестала и по спинам крестьян, и по спинам рабов» [3, с. 74, 94]. В обоих случаях исследователь повторяет, что за свой труд крестьяне не получали платы. Строительство пирамид Н. М. Никольский определяет как пример «поголовного рабства», о котором писал К. Маркс [3, с. 122]. У читателя может сложиться ощущение, что в труде использован уже известный в те годы тактический прием: сближая положение крестьян и рабов, особенно на основании их жестокой эксплуатации, сформировать у общества мнение о том, что крестьяне, разоряясь или деградируя как прослойка, неизбежно приближались к рабскому состоянию, если не юридически, то фактически.

Однако специфика текста Н. М. Никольского заключается в том, что он не дает читателю обмануться или удовлетвориться тем впечатлением, которое автор, казалось, собирает у него сформировать. Крестьянство (в форме общины) для Н. М. Никольского – не кадровый резерв рабства и не источник для спекуляций на теме о рабском положении трудящихся, но основное действующее лицо истории,

¹ Никольский Н. М. Рецензия // Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Ленинград, 1949 // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 48. Л. 49–87.

по сравнению с которым рабы всегда играют вторые роли: «Все более частыми становятся восстания крестьян, к которым обычно присоединялись и рабы» [3, с. 138]. Слова К. Маркса о «поголовном рабстве» даны в таком контексте, который позволяет увидеть в них замаскированный выпад против В. В. Струве: пример с кооперацией рабочей силы при строительстве пирамид, взятый из «Капитала», послужил ленинградскому ученому базой для доказательства того факта, что К. Маркс считал древневосточные общества рабовладельческими [9; 10]. Рабы, подчеркивал Н. М. Никольский, не могли использоваться Хуфу в больших количествах,

так как тот не совершал крупных военных походов [3, с. 121]. Это утверждение явно подталкивает читателя к тому, чтобы он воспринимал обороты вроде «поголовное рабство» прежде всего как метафору. С этой точки зрения Н. М. Никольский уступил победившей позиции по минимуму, то есть ровно настолько, насколько это требовалось для того, чтобы не нарушить базовых правил игры. По сравнению со школьным учебником 1933 г. [11] того же автора, перед нами «взрослая» и «исправленная» версия древневосточного раздела, и рабовладение в ней по-прежнему не предстает внутренним свойством древневосточных обществ.

Заключение

Все эти отличия в версиях истории Древнего Востока Н. М. Никольского и В. В. Струве, нужно думать, не слишком были заметны большинству читателей. Однако реакция профессионалов была достаточно резкой. Редакция «Вестника древней истории» заказала рецензию на учебник Н. М. Никольского и В. Н. Дьякова у четырех авторов, при этом во введении учебник был охарактеризован в целом как неудовлетворительный с методологической и фактологической¹ сторон, а также с точки зрения редактирования [15, с. 80]. Рецензировавший раздел по истории Востока (за исключением истории Индии и Китая, о которых писал Г. Ф. Ильин) Г. А. Меликишвили указал, что в книге тема общины затмила проблему рабовладения, а тема расслоения крестьян в общинах была подана слабее, чем в специальной монографии самого Н. М. Никольского [15, с. 84, 16]. Совершенно не воспринимались в это время и попытки проводить аналогии: «Термин “барщина” (стр. 119), даже взятый в кавычки, создает впечатление, что автор считает строй Египта феодальным» [15, с. 88]. При обсуждении учебника в Академии педагогических наук в марте 1953 г. (раздел по истории Востока освещал Д. Г. Редер) было справедливо обращено внимание на то, что рост рабовладения в Египте почти исключительно связывался с завоевательными действиями фараонов [17, с. 245]. На совместном заседании кафедр истории Древнего Востока и истории Древней Греции и Рима Ленинградского государственного университета также был дан отрицательный отзыв на учебник. Авторы пособия на различных его обсуждениях 11, 17 и 18 марта 1953 г. защищали свои позиции, но Н. М. Никольского среди них не было – сказывались возраст и географическая удаленность от Москвы.

Однако, несмотря на немалую даже по тем временам порцию критики, издание разошлось по институтам и школам (его тираж составил

50 тыс. экземпляров), а после переработки появились и переиздания (под редакцией В. Н. Дьякова и С. И. Ковалёва). Конечно, влияние этой книги с точки зрения борьбы с концепцией В. В. Струве не следует переоценивать. Для исследователей имели значение специальные работы, а вскоре поднявшаяся новая волна споров об «азиатском способе производства», которая сделала неизбежной открытую дискуссию уже в середине 1960-х гг., была в наименьшей степени спровоцирована идеями Н. М. Никольского. Даже при совпадении отдельных направлений в критике рабовладельческой концепции, новое поколение историков чаще всего не помнило, кто и когда высказал это мнение впервые. Но упорство Н. М. Никольского и В. Н. Дьякова имело свои последствия: при соблюдении ряда формальностей и непротиворечивости базовым установкам советской науки другая точка зрения была возможной, а ее носители могли рассчитывать на публикацию своих работ.

По привычке Н. М. Никольский боролся до последнего и старался всегда бить наотмашь. Видимо, в связи с этим исследователь в начале 1950-х гг. действовал так же, как и за двадцать лет до этого, исходя из правила: не может быть двух лидеров в одной сфере науки. Но следующее поколение историков могло истолковать этот пример уже для выдвижения более миролюбивого девиза: можно пробовать существовать более или менее комфортно и на окраине научного сообщества, если это плата за возможность высказывать несколько другие взгляды. Сейчас такое условие воспринимается как ограниченный и малоперспективный компромисс, но в то время это было достижение, которое открывало возможность не каяться публично за каждый факт несхожести своих взглядов с общепризнанными. В некотором роде этот пример подготовил и почву для возникновения широкой дискуссии в следующем десятилетии и помог

¹ Существенные ошибки действительно были. Так, например, Н. М. Никольский утверждал, что Г. Роулинсон первой прочел эламскую часть Бехистунской надписи; что Г. Роулинсон сам открыл указанный памятник [3, с. 61–62]; что в горах Ассирии было железо [3, с. 168].

сформироваться мнению о том, что расхождение во взглядах между учеными – это *нормальная* ситуация в советской науке, которую необязательно преодолевать. Тем самым, скорее невольно, чем осознанно, своей научной деятельностью в поздний период Н. М. Никольский сыграл заметную роль в формировании советской периферийной историографии Древнего мира.

Библиографические ссылки

1. Ботвинник М. Н. М. Никольский. Минск : Наука и техника, 1967.
2. Крих С. Б. И. М. Дьяконов против В. В. Струве: полемика на полях Шумера // Вестн. древн. истории. 2016. Т. 76, № 4. С. 1011–1029.
3. История Древнего мира / под ред. В. Н. Дьякова, Н. М. Никольского. М. : Учпедгиз, 1952.
4. Письма В. Н. Дьякова Н. М. Никольскому. 1949–1955 гг. // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 90.
5. История Древнего мира / под ред. А. В. Мишулина. М. : Учпедгиз, 1940.
6. Струве В. В. История Древнего Востока. Л. : ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
7. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М. : Госполитиздат, 1948.
8. Ковалев С. И. История Рима. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1948.
9. Машкин Н. А. История Древнего Рима. М. : Государственное издательство политической литературы, 1949.
10. Струве В. В. Марксово определение раннеклассового общества // Совет. этнография : сб. ст. 1940. Вып. III. С. 5–22.
11. Крих С. Б. Теоретическое обоснование В. В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность : XII межвузов. регион. науч. конф. (Омск, 2012). Омск, 2012. С. 153–170.
12. Никольский Н. М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1933.
13. Брюсов А. Я., Меликишвили Г. А., Ильин Г. Ф. и др. История Древнего мира. Учебник для учительских институтов под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского : [рецензия] // Вестн. древн. истории. 1953. № 2. С. 80–102.
14. Никольский Н. М. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. (К истории вавилоно-ассирийского общества в III–I тыс. до н. э.). Минск : Издательство АН БССР, 1948.
15. Пикус Н. Н. Обсуждение в Институте методов обучения АПН СССР и на кафедре истории древнего мира МГУ учебника по истории Древнего мира для учительских институтов под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского // Вестн. древн. истории. 1953. № 2. С. 244–248.

References

1. Botvinnik M. [N. M. Nikolsky]. Minsk : Nauka i tekhnika, 1967 (in Russ.).
2. Krikh S. B. I. M. Diakonoff vs V. V. Struve: polemics in the fields of Sumer. *J. Anc. Hist.* 2016. Vol. 76, No. 4. P. 1011–1029 (in Russ.).
3. Dyakov V. N., Nikolsky N. M. (eds). [History of an Ancient world]. Moscow : Uchpedgiz, 1952 (in Russ.).
4. [Letters of V. N. D'yakov to N. M. Nikol'skii. 1949–1955]. [*Arch. Russ. Akad. of Sci.*]. Fund 1619. Regist 1, File 90 (in Russ.).
5. Mishulin A. V. (ed.). [History of Ancient World]. Moscow : Uchpedgiz, 1940 (in Russ.).
6. Struve V. V. [The history of the Ancient East]. Leningrad : OGIZ, Gospolitizdat, 1941 (in Russ.).
7. Avdiev V. I. [The history of the Ancient East]. Moscow : Gospolitizdat, 1948 (in Russ.).
8. Kovalev S. I. [The history of Rome]. Leningrad : Izdatel'svo Leningradskogo univ., 1948 (in Russ.).
9. Mashkin N. A. [The History of Rome]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1949 (in Russ.).
10. Struve V. V. [Marx's definition of early class society]. *Sov. etnografiya* : collect. of pap. 1940. Issue III. P. 5–22 (in Russ.).
11. Krikh S. B. [Theoretical substantiation of the concept of slaveholding societies in the Ancient East by V. V. Struve]. *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'* : materialy XII Inter-Univ. reg. sci. conf. (Omsk, 2012). Omsk, 2012. P. 153–170 (in Russ.).
12. Nikolsky N. M. [History. Pre-class society. The Ancient East. The Ancient world]. Moscow : Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1933 (in Russ.).
13. Bryusov A. Y., Melikishvili G. A., Il'in G. F., et al. [History of an Ancient world. Sourcebook for pedagogical institutes], eds V. N. Dyakov, N. M. Nikolsky : [review]. *Vestnik drevnei istorii* [J. Anc. Hist.]. 1953. No. 2. P. 80–102 (in Russ.).
14. Nikolsky N. M. [Private land ownership and land use in Ancient Mesopotamia. (Towards the history of the Babylonian-Assyrian society in III–I millennium BC)]. Minsk : Izdatel'stvo AN BSSR, 1948 (in Russ.).
15. Picus N. N. [Discussion at the Institute of training methods of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR and at the department of the history of the Ancient world of Moscow State University about textbook on the history of the Ancient world for teachers' institutes, eds V. N. Dyakov and N. M. Nikolsky]. *Vestnik drevnei istorii* [J. Anc. Hist.]. 1953. No. 2. P. 244–248 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.06.2017.
Received by editorial board 05.06.2017.

«ЧЕРНОСОТЕНЦЫ» Е. Ф. КАРСКИЙ И НИКОЛЬСКИЙ (над страницами автобиографии Бронислава Тарашкевича)

О. И. МАЛЮГИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются причины, по которым «черносотенцы» Е. Ф. Карский и Никольский, упоминаемые в автобиографии Б. Тарашкевича, отнесены автором к крайне правому крылу политического спектра. Обосновывается вывод о том, что данная характеристика отражает скорее господствовавшие в те годы способы навешивания политических ярлыков, чем характеристику реальных политических взглядов преподавателей Минского учительского института Е. Ф. Карского и А. М. Никольского.

Ключевые слова: Б. Тарашкевич; Е. Ф. Карский; Н. М. Никольский; А. М. Никольский; национально-культурное строительство; БССР.

«BLACK-HUNDREDISTS» Y. F. KARSKY AND NIKOLSKY (ABOVE THE PAGES OF BRONISLAW TARASHKEVICH'S AUTOBIOGRAPHY)

O. I. MALIUGIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

There is a mention of the «Black hundredists» E. F. Karsky and Nikolsky in B. Tarashkevich's autobiography. The article examines the reasons why they were attributed by B. Tarashkevich to the extremely right wing of the political spectrum. The conclusion is drawn that this characteristic reflects the methods of hanging political labels prevailing in those years than the description of the real political views of the lecturers of the Minsk Teacher's Institute – Y. F. Karsky and A. M. Nikolsky.

Key words: B. Tarashkevich; Y. F. Karsky; N. M. Nikolsky; A. M. Nikolsky; national development.

Введение

Бронислав Тарашкевич является одной из наиболее ярких и в то же время трагичных фигур белорусского национального движения в межвоенные годы. Жизни и творчеству ученого и политического деятеля посвящен ряд исследований [1; 2], в которых рассматривается его вклад в развитие Беларуси.

Значительным событием в современной белорусистике стало издание в 1999 г. автобиографии

Бронислава Тарашкевича. Книга была написана в 1933 г. и сохранилась в архиве КГБ Беларуси [3], в ней даются характеристики многим деятелям белорусского национального движения, государственным и партийным деятелям БССР и Польши с конца 1910-х гг. по 1920-е гг.

Многие характеристики, данные в автобиографии, весьма спорны и тенденциозны, в них прослеживаются штампы, типичные для документов

Образец цитирования:

Малюгин О. И. «Черносотенцы» Е. Ф. Карский и Никольский (над страницами автобиографии Бронислава Тарашкевича) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 23–27.

For citation:

Maliugin O. I. «Black-hundredists» E. F. Karsky and Nikolsky (above the pages of Bronislaw Tarashkevich's autobiography). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 23–27 (in Russ.).

Автор:

Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
maliugin@mail.ru

1930-х гг. В качестве примера рассмотрим одно из таких высказываний Б. Тарашкевича – слова о Е. Ф. Карском и Никольском: «Своей работой

в Минском институте, где постоянно приходилось грызться с такими черносотенцами, как Карский, Никольский и Ко, я был недоволен...» [3, с. 28].

Основная часть

Речь в автобиографии идет о 1918–1920 гг., когда после пребывания в эвакуации в Ярославле Минский учительский (с 1919 г. – педагогический, сейчас – Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка) институт вернулся в Беларусь. В числе преподавателей института был и Б. Тарашкевич, он читал курс белорусского языка и заведовал библиотекой.

Процитированный выше отрывок вызвал недоумение у издателей автобиографии. В предисловии замечено: «Яшчэ нам не зусім зразумела, на якіх падставах Б. Тарашкевіч назваў Я. Ф. Карскага і М. М. Нікольскага чарнасоценцамі...» [3, с. 11]. Не меньшее недоумение, надо думать, этот вопрос вызывает и у читателей автобиографии Б. Тарашкевича.

С формальной точки зрения Е. Ф. Карский – знаменитый ученый и преподаватель – никогда не состоял в организации черносотенцев [4, с. 149]. М. Г. Булахов в монографии «Евфимий Федорович Карский: жизнь, научная и общественная деятельность», которая была издана в 1981 г., ничего не говорит о черносотенстве Е. Ф. Карского [5]. Также и А. П. Цихун в очерке жизни и деятельности академика обходит стороной вопрос о преследованиях в советское время Е. Ф. Карского, сосредотачивая внимание на дореволюционной деятельности последнего [6]. Однако стоит учитывать, что взгляды ученого были определенно правыми, он пользовался поддержкой властей в Российской империи и неоднократно награждался орденами и медалями; за эти рамки академик не выходил. В результате возникает вопрос: на основании чего у Б. Тарашкевича возникла характеристика Е. Ф. Карского как черносотенца? Насколько можно судить, в тексте автобиографии автор часто следует веяниям партийной пропаганды того времени, а в документах 1920-х гг. мы находим такое же именование Е. Ф. Карского, что и в автобиографии Б. Тарашкевича.

Вопрос о правых взглядах Е. Ф. Карского поднимался уже в момент назначения первого ректора Белорусского государственного университета (БГУ) в 1921 г. Национальные круги Беларуси хотели видеть на этом посту именно Е. Ф. Карского, много времени посвятившего работе в организационных комиссиях по созданию университета. Против этого выступили представители партийных органов, для которых историк был «палітычна непажаданым за ягоныя былыя правыя погляды» [4, с. 147, 149]. Впрочем, в воспоминаниях Е. Кипеля причиной недовольства большевиков кандидатурой Е. Ф. Карского называется следующее: «Супроць кандыдату-

ры Карскага выступілі расейскія камуністы і наагул расейская інтэлігенцыя. Яны лічылі, што Карскі нарабіў многа шкоды Расеі, бо яго працы аб беларусах узварушылі беларусаў і зрабілі іх небажальнымі для Расеі. І таму расейскія камуністы наважылі на тым, каб акадэмік Карскі зусім ня быў дапушчаны ў Менск – ні ва ўнівэрсытэт, ні ў Акадэмію» [7, с. 58]. Сам Е. Ф. Карский виновниками неудачи в деле ректорства считал представителей национального белорусского движения. Последние видели в академике человека «общерусской» идеологии, «западноруса» [4, с. 149–150]. Каковы бы ни были причины, по которым кандидатура Е. Ф. Карского не устроила партийное и государственное руководство, ректором БГУ был назначен В. И. Пичета.

В дальнейшем отношение в БССР к Е. Ф. Карскому оставалось, мягко говоря, сдержанным. В данном контексте необходимо упомянуть ситуацию, сложившуюся в республике во время подготовки и проведения Академической конференции 1926 г. Приглашения были разосланы многим видным представителям советской науки, в том числе и Е. Ф. Карскому, который в то время жил и работал в Ленинграде. Однако большинство приглашенных (в том числе и Е. Ф. Карский) от приезда в Минск отказались. Вполне вероятно, что ученые, зная о непростой ситуации в белорусском языковедении, решили не испытывать судьбу и не подвергаться возможным нападениям со стороны партийных деятелей БССР и местных ученых [8, с. 149]. То, что это были не просто надуманные опасения, хорошо видно из слов Д. Ф. Жилуновича о наличии «чарнарызніцкай падкладкі, на якой выходзіўся Карскі і дзякуючы якой дасягнуў і акадэмічнаства», а также из высказываний И. Дыло о «черносотенстве» Карского в белорусской печати того времени [9, с. 65].

Во время известной истории с командировкой Е. Ф. Карского в славянские страны подобными обвинениями в адрес академика разразился и Михаил Кольцов в колонке газеты «Правда»: «Присутствовать в Белграде на торжестве черносотенцев <...> все это вполне последовательно, если не для советского научного работника, то для бывшего верноподданного ректора императорского Варшавского университета»¹. Важно отметить тот факт, что аргументированный ответ Е. Ф. Карского на эти обвинения опубликован не был. Обличительная статья стала итогом обсуждения отчета Е. Ф. Карского на закрытом заседании Бюро ЦК КП(б)Б от 13 апреля 1927 г., где было сказано: «1. Поручить

¹ Кольцов М. И академик, и герой // Правда. 1927. 13 мая.

тов. Игнатовскому, Адамовичу и Криницкому поставить вопрос по советской и партийной линии об изъятии КАРСКОГО из состава членов Академии наук. 2. Просить ЦК ВКП(б) поручить соответствующим органам *организовать критику*¹ по отчету академика КАРСКОГО о поездке за границу².

Критика в сторону взглядов и трудов академика не прекратилась и после его смерти. В 207-м номере газеты «Звезда» за 1931 г. С. Я. Вольфсон раскритиковал некролог Е. Ф. Карского, написанный академиком Н. С. Державиным. В особую вину автору некролога было поставлено то, что он «бацьчы адзіны недахоп яго (Е. Ф. Карского. – О. М.) работ <...> у тым, што яны зьяўляюцца фармалістычнымі». После чего читателям газеты напомнили о «великодержавном подходе» Е. Ф. Карского к белорусскому языку и о его «блокировке»³ с черносотенным организатором Союза белорусской демократии Каранкевичем в 1917 г., когда Е. Ф. Карский выступил против введения белорусского языка в качестве языка преподавания в средней и высшей школах⁴.

Стоит отметить, что во всех выступлениях и статьях самого академика открыто не называли «черносотенцем», а лишь обвиняли в «тяготении» или «блокировании» с черносотенцами.

Таким образом, можно предположить, что определение Б. Тарашкевичем Е. Ф. Карского как «черносотенца» прямо вытекает из господствовавших в среде белорусских партийных и государственных деятелей взглядов на деятельность академика.

Сложнее обстоит дело с «черносотенцем» Никольским. В автобиографии Б. Тарашкевич не называет инициалы Никольского, но контекст подразумевает, что автор сталкивался с ним во время работы в Минске (до отъезда в Вильно в 1920 г. при приближении к городу советских войск). Издатели текста автобиографии Б. Тарашкевича отождествили указанного Никольского с известным белорусским востоковедом Николаем Михайловичем Никольским [3, с. 28, прим. 81].

Стоит отметить, что Н. М. Никольский в 1918–1921 гг. преподавал в Смоленском университете и в Минске не бывал. Преподавание востоковеда в БГУ началось лишь осенью 1921 г., на постоянное место жительства в столицу БССР он переехал только летом 1922 г. В это время Б. Тарашкевич жил и работал в Вильно и в Беларусь не возвращался.

Насколько можно судить, позднее (в конце 1920-х гг. или в первой половине 1930-х гг.) пути Б. Тарашкевича и Н. М. Никольского не пересекались.

Можно предложить два возможных объяснения такой характеристики Никольского в тексте Б. Тарашкевича. Во-первых, указанное имя было включено в текст автобиографии по указанию контролирующего органа (автобиография была написана по «просьбе» ОГПУ), но никаких подтверждений этой версии нет. В документах начала 1930-х гг., хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), фамилия Н. М. Никольского, в отличие от его коллег (В. Н. Перцева, К. И. Керножицкого и многих других), не обозначалась как «антисоветский элемент» или «троцкистско-бундовский элемент». Единственный момент, на который можно обратить внимание в данном контексте, – это упорное нежелание Н. М. Никольского во второй половине 1920-х гг. и самом начале 1930-х гг. переходить в преподавании на белорусский язык. Это нежелание не прошло без внимания партийных органов. На заседании бюро Октябрьского райкома КП(б)Б 1 января 1931 г. рассматривался вопрос «Белорусский нацдемократизм и его конкретные проявления на Педфаке». В документе среди прочего шла речь о выступлениях со стороны преподавателей против процесса белорусизации: «Канкрэтнае вырашэньне справы беларусізацыі ў умовах Пэдфаку выяўляла ва ўсёй нагаце праявы вялікадзяржаўнага шовінізму...». Одним из таких проявлений указывалось «Яўнае (Сарахцін) і скрытае нежаданьне аўладаць беларускай мовай (Прылежаеў, Сіроцін, Нікольскі, Перцаў)»⁵. Тем не менее таких упоминаний в партийных документах, чаще всего косвенных, недостаточно, чтобы связывать с ними столь резкую характеристику Н. М. Никольского в автобиографии Б. Тарашкевича.

Второе объяснение заключается в том, что Б. Тарашкевич имел в виду другого Никольского и комментаторы допустили ошибку, отождествив его с Николаем Михайловичем. Эта версия представляется гораздо более правдоподобной, поскольку в документах, связанных с деятельностью Минского педагогического института, встречается фамилия Александра Михайловича Никольского⁶, который являлся преподавателем института и входил в состав его Совета и разнообразных комиссий.

В фондах НАРБ сохранились некоторые документы, связанные с работой А. М. Никольского в БГУ и позволяющие слегка пролить свет на эту личность. Во-первых, это анкета, заполненная в 1930 г., когда филолог преподавал на рабочем факультете БГУ⁷. Во-вторых, это его личное дело,

¹ Выделено нами. – О. М.

² Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3120. Л. 44.

³ Объединение в блоки (в соответствии с терминологией 1930-х гг.).

⁴ Вольфсон С. Я. Вялікадзяржаўная вылазка // Звезда. № 207. 2 жніўня 1931 г.

⁵ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5047. Л. 230.

⁶ В своей анкете от 1930 г. именуется себя «Алесь Міхасеў Нікольскі» (Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32), в других документах обычно указаны только инициалы.

⁷ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32–33.

состоящее, впрочем, лишь из заполненной анкеты и личной книжки, датируемое 1925 г.¹

Родился А. М. Никольский 16 марта 1885 г. в с. Селезнево Тульской губернии в семье священника. По национальности – русский (родным указал русский язык). В 1906 г. окончил среднюю школу и поступил в Московский университет². В анкете 1930 г. А. М. Никольский указывает, что с 1910 г. (после окончания историко-филологического факультета Московского университета по специальности литературоведение) он преподавал русский язык в мужской гимназии Зубакина в Минске³.

В исследованиях иногда указывается, что в учительском институте А. М. Никольский работал с 1914 г. [10, с. 24], однако сам он в документах писал, что стал преподавателем русского языка и литературы в Минском учительском институте только с 1 июля 1915 г. Работа филолога в институте продолжалась до 22 августа 1919 г., после А. М. Никольский перешел в железнодорожную школу им. Червякова (преподавал с 1 сентября 1919 по 1 сентября 1926 г.).

Общественная нагрузка А. М. Никольского в те годы была не слишком большой – он был членом методической комиссии при отделе просвещения Западной железной дороги с конца 1921 г. и членом ревизионной комиссии при железнодорожной школе в 1925 г.⁴

Параллельно А. М. Никольский преподает русский язык и литературу в двух учебных заведениях – 4-й школе второй ступени (1919–1922 гг.) и железнодорожном техникуме (1921–1925 гг.). С сентября 1925 г. филолог переходит на работу в БГУ, сначала преподавателем русского языка, а затем на должность заведующего рабочим факультетом.

Любопытно отметить тот факт, что во второй части анкеты 1930 г., где имелись вопросы о науч-

ной и общественной активности преподавателей БГУ, А. М. Никольский практически везде поставил прочерки. Вопросы касались знания иностранных языков, профсоюзной работы, участия в соцсоревнованиях, общественно-культурной деятельности, членства в научных обществах, работы в студенческих кружках и руководства аспирантами. Также в анкете А. М. Никольский не указал ни одной своей публикации⁵. Из этой анкеты складывается образ «чистого» преподавателя, не интересующегося политикой, общественной деятельностью или научными исследованиями.

Возвращаясь ко времени работы А. М. Никольского в Минском педагогическом институте, можно упомянуть следующий факт. Филолог покинул институт в конце августа 1919 г. после захвата польскими войсками Минска, когда созданная незадолго до этого комиссия начала работу по проведению в УВО белорусизации. Вполне возможно, что эти два события были непосредственно связаны между собой. В этом случае можно предположить, что именно это событие – демонстративный уход из института в знак несогласия с политикой белорусизации – дало основание Б. Тарашкевичу в своей автобиографии назвать А. М. Никольского «черносотенцем».

Косвенно это предположение можно подтвердить документами обследования состояния белорусизации на рабочем факультете БГУ в конце 1930 г. Хотя А. М. Никольский не упоминается в контексте проявления великодержавного шовинизма (звучат имена преимущественно студентов рабочего факультета), в материалах обследования появляется следующая фраза: «Разам з гэтым адзначыць, што некаторыя выкладчыкі (Ціханаў, Нікольскі, Барышнікаў), а таксама і значная частка студэнтаў слаба ведаюць беларускую мову»⁶.

Выводы

Появлявшиеся в печати, публичных выступлениях и официальных документах на протяжении 1920-х гг. ярлыки «черносотенец», «великодержавный шовинист», «национал-демократ» и др. часто не отражали реальных взглядов тех людей, к которым они применялись, а служили средством политической борьбы в БССР. В анонимной записке, подписанной «Белорусы» и направленной в Президиум заседания в честь 20-летия газеты «Наша Доля» 14 сентября 1926 г., содержится следующий вопрос: «Як жа пагадзіць вашыя высокапарныя словы аб культурнай працы і аб беларусізацыі

з прыкладамі, што на справе ўсе шчырыя беларусы адхіляюцца ўрадам ад кіраўнічай працы, а прыцягваюцца да працы толькі тыя беларусы, якія ліжуць заднюю частку камуністам інакш кажучы, усе безпрынцыпныя, усе тыя, для якіх беларускасць з’яўляецца сродкам для пасады. У гэты ж час так званы беларускі савецкі ўрад вельмі ахвотна прыцягвае да працы ўсё чорнасоценае расейскае і дае яму кіраўнічыя ролі?» Вслед за этим вопросом автор записки сравнивает действия правительства с действиями «польских черносотенцев» и заканчивает снова упоминанием о «русском черносотенце».

¹ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5852.

² Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5852. Л. 1.

³ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32.

⁴ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5852. Л. 1.

⁵ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32–33.

⁶ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5047. Л. 224.

⁷ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 15п. Оп. 28. Д. 22. Л. 235.

тенстве»⁷. Так, под единую характеристику в этой записке подводятся все приезжающие работать в республику специалисты из России, в их число включены как люди, искренне стремящиеся влиться в культурную жизнь Беларуси, так и те, кто относится к идее белорусизации скептически (если не сказать больше).

В случае с рассмотренным отрывком из автобиографии Бронислава Тарашкевича можно констатировать тот факт, что оснований называть Е. Ф. Карского и А. М. Никольского черносотенца-

ми у него не было. Определение Б. Тарашкевичем Е. Ф. Карского как «черносотенца» прямо вытекает из господствовавших в то время в среде белорусских партийных и государственных деятелей взглядов на работу академика. Что касается преподавателя Минского учительского института А. М. Никольского, то он, видимо, оказался добавлен в список «за компанию», для создания картины массового противостояния политике белорусизации такими «черносотенцами, как Карский, Никольский и Ко».

Библиографические ссылки

1. Бергман А. Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Мінск : Мастацкая літаратура, 1996.
2. Ліс А. С. Браніслаў Тарашкевіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1966.
3. Валахановіч А. І., Міхнюк У. М. Сповідзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. Мінск : БелНДІДАС, 1999.
4. Тумаш В. Яўхім Карскі: жыццё, навуковая спадчына, пагляды (1861–1931 гг.) // Выбраныя працы. Мінск, 2002. С. 139–237.
5. Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность. Минск : БГУ, 1981.
6. Цыхун А. П. Акадэмік з вёскі Лаша Я. Ф. Карскі. Краязнаўча-біяграфічны нарыс. Гродна : Гродзенскае абл. аддз-не Беларус. фонду культуры, 1992.
7. Кіпель Я. Эпізоды. Нью-Ёрк : Выд-ва газеты «Беларус», 1998.
8. Робинсон М. А. «Рэакцыянеру Дурнаву ня месца ў Акадэміі навук» і «Заявление профессора Н. Н. Дурново» // Slav. Litt. Suppl. 2012. № 2. С. 147–158.
9. Мушынскі М. І. Літаратуразнаўства // Ін-т беларус. культуры : зб. арт. Мінск, 1993. С. 60–81.
10. Жытко А. П. У вытокаў заснавання Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта // Беларусь у пачатку XX ст.: да 100-годдзя БДПУ : зб. навук. арт. Мінск, 2014. С. 23–29.

References

1. Bergman A. [Word about Branislav Tarashkevich]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1996 (in Belarus.).
2. Lis A. S. [Branislav Tarashkevich]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1966 (in Belarus.).
3. Valahanovich A. I., Mihnjuk U. M. [Confession in the hope of remaining alive: B. Tarashkevich's autobiography]. Minsk : BelNDIDAS, 1999 (in Belarus.).
4. Tumash V. [Yefim Karskiy: life, scientific heritage, views (1861–1931)]. In: [Selected works]. Minsk, 2002. P. 139–237 (in Belarus.).
5. Bulahov M. G. [Yefim Fyodorovich Karskiy. Life, scientific and social activities]. Minsk : BSU, 1981 (in Russ.).
6. Cyhun A. P. [Academician from the village Lasha Y. F. Karskiy. Local history and biographical essay]. Grodna : Grodzenskoe ablasnoe addzjalenie Belaruskaga fondu kul'tury, 1992 (in Belarus.).
7. Kipel' Ja. [Episodes]. New York : Vydavectva gazety «Belarus», 1998 (in Belarus.).
8. Robinson M. A. [«There is no place in the Academy of Sciences to the reactionary Durnovo» and «Statement of professor N. N. Durnovo»]. Slav. Litt. Suppl. 2012. No. 2. P. 147–158 (in Russ.).
9. Mushynski M. I. [Literary criticism]. Inst. belarus. kul'tury. Minsk, 1993. P. 60–81 (in Belarus.).
10. Zhytko A. P. [At the root of the foundation of the Belarusian State Pedagogical University]. In: Belarus' u pachatku XX st.: da 100-goddzja BDPV. Minsk, 2014. P. 23–29 (in Belarus.).

Статья поступила в редколлегию 21.08.2017.
Received by editorial board 21.08.2017.

УДК 930

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–30-х гг.

О. В. МЕТЕЛЬ¹⁾

¹⁾Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, пр. Мира, 55а, 644077, г. Омск, Россия

Рассматривается история изучения проблемы происхождения религии в советской историографии 1920–30-х гг. Предполагается, что в 1920-е гг. в основе советского марксистского подхода к изучению религии лежала анимистическая теория, однако в начале 1930-х гг. она подверглась серьезной критике, сопровождавшейся попытками заменить ее иным подходом, в основу которого должны были быть положены идеи К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Сообщается, что, провозгласив отказ от анимизма, советские авторы сохранили верность идее возникновения религии в форме веры в духов, заменив лишь источник формирования подобных представлений и уточнив объект первоначального одушевления (им стала природа).

Ключевые слова: происхождение религии; анимизм; марксизм; советское религиоведение; Коммунистическая академия; В. К. Никольский; А. Т. Лукачевский.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50040 «Лаборатория марксистской мысли: история Коммунистической академии в контексте становления советской исторической науки (1918–1936 гг.)».

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF RELIGION IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 1920–30s

O. V. METEL^a

^aDostoevsky Omsk State University, 55a Mira Avenue, Omsk 644077, Russia

The author examines the history of studying the problem of the origin of religion in the Soviet historiography of 1920–30s. She thinks that in the 1920s animistic theory was the basis of the Soviet Marxist approach to the study of religion, but in the early 1930s, this theory had been criticized and had to be replaced by a different approach, which was to be based on the ideas of K. Marx, F. Engels and V. I. Lenin. However, many authors simply changed the previous ideas: they replaced the source of religious beliefs and said the object of the original animation (now they became nature).

Key words: the origin of religion; the animism; Marxism; the science of religions in USSR; The Communist Academy; V. K. Nikolsky; A. T. Lukachevsky.

Acknowledgments. The publication was prepared while working of the scientific project № 16-01-50040 «Laboratory of Marxist Thought: History of the Communist Academy in the Context of the Formation of Soviet Historical Science (1918–1936)». This project was supported by Russian Foundation for Basic Research.

История советского религиоведения на протяжении последних нескольких лет не раз становилась предметом серьезных дискуссий. Научное

сообщество практически разделилось на два «враждующих лагеря», представители которых настаивали или на определяющем воздействии идеологии

Образец цитирования:

Метель О. В. Проблема происхождения религии в советской историографии 1920–30-х гг. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 28–33.

For citation:

Metel O. V. The problem of the origin of religion in the Soviet historiography of 1920–30s. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 28–33 (in Russ.).

Автор:

Ольга Вадимовна Метель – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета.

Author:

Olga V. Metel, PhD (history); senior lecturer at the department of universal history, faculty of history. olgametel@yandex.ru

на религиоведческие исследования в СССР или, напротив, подчеркивали значительные достижения советских предшественников [1–3]. Результаты подобных споров оказались не такими впечатляющими как уровень напряженности дискуссий и, на наш взгляд, не приблизили исследователей к действительному пониманию истории развития данной дисциплины. Причина такого итога во многом кроется в стремлении участников дискуссий к целостному анализу феномена советского религиоведения, что таит в себе опасность возникновения неоправданных генерализаций и упрощений. В связи с этим более продуктивным оказывается иной подход, предполагающий изучение историографии отдельных тем и сюжетов, разрабатываемых советскими авторами. Как нельзя лучше для решения таких задач подходит проблема происхождения религии, имевшая решающее значение для нужд советской антирелигиозной пропаганды (о чем, к примеру, наглядно свидетельствует постановление XII съезда РКП (б) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды») и потому испытывавшая на себе серьезное воздействие вненаучных факторов.

Между тем в советской историографии проблемы происхождения религии сравнительно редко становились объектом исследовательского интереса. На сегодняшний день существует лишь несколько специальных трудов, выполняющих преимущественно инструменталистскую функцию. Данная функция заключается в подведении итогов изучения сюжета возникновения религии в определенный период развития советской науки [4–6]. В рамках настоящей статьи постараемся существенно изменить подход к исследованию рассматриваемого вопроса путем отказа от простого перечисления выводов советских ученых и антирелигиозников, а также рассмотрев основные этапы становления советского марксистского подхода к проблеме происхождения религии в 1920–30-х гг. С данной целью обратимся к традиционным историографическим источникам. Это опубликованные труды советских авторов (монографии, статьи в журналах и сборниках), которые дополняются неопубликованными архивными материалами (стенограммы докладов, черновики статей, сведения биографического характера) и хранятся в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Российской Федерации. Методологическая база проводимого исследования определяется основным принципом, заимствованным из арсенала интеллектуальной истории. Данный принцип предполагает, что историография должна изучать механизмы формирования научных концепций путем анализа различных факторов, оказывающих воздействие на эти концепции.

В советской России в довоенный период проблема происхождения религии привлекала внимание как историков и этнографов, так и пропагандистов-антирелигиозников. Последние стремились предложить марксистскую трактовку данного сюжета. В 1920-х гг. статус такой трактовки фактически был закреплен за анимистической теорией, которой, по словам А. Т. Лукачевского, несмотря на отдельные различия в понимании материала, придерживались 99 % советских марксистов¹. Анимистическая теория своим возникновением в первую очередь обязана английскому антропологу XIX в. Э. Тэйлору, который опирался на методологию эволюционизма и привлек значительный этнографический материал с целью доказать изначальный характер религии как веры в духов. Данный взгляд заинтересовал теоретиков Второго интернационала (Г. Кунов, Г. В. Плеханов, П. Лафарг), чьи работы по проблемам религиозной истории получили в советской России 1920-х гг. статус «классических» и активно использовались при разработке интересующих нас сюжетов [7–10]. Несмотря на то что между советскими авторами существовали некоторые разногласия относительно трактовки основного источника религиозных идей, большинство исследователей соглашалось с тем, что именно анимизм был «исходной точкой» и «минимумом» религии. Значительно упрощая, можно говорить о том, что советские марксисты 1920-х гг. источник религиозных представлений усматривали в нескольких основных явлениях:

- 1) стремлении дикаря объяснить явления смерти, сна, страха перед трупом;
- 2) бессилии дикаря в борьбе с природой, его желании понять окружающие природные явления;
- 3) социальных отношениях, сложившихся внутри первобытного общества и предполагавших распределение ролей «организатора и исполнителя» [11–16].

В любом случае, какова бы ни была причина возникновения религии, вера сформировалась в форме анимистических взглядов, на основе которых в дальнейшем складывались тотемизм, фетишизм и культ предков.

Анимистическая теория подвергалась критике (преимущественно с позиции преанимизма). Но, несмотря на это, отождествление анимистической теории с марксизмом в советской историографии первого послереволюционного десятилетия было распространено достаточно широко. В связи с этим, когда на рубеже 1920–30-х гг. на «антирелигиозном фронте» начался процесс поиска *единственно верного марксистского* подхода к происхождению религии, именно анимистическая теория оказалась первым претендентом на эту роль. Прошедшие

¹ Преображенский П. Ф. Основные проблемы вопроса о происхождении религиозных форм: стенограмма доклада и прения по докладу на заседании комиссии по истории религии // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 355. Оп. 2. Д. 82. Л. 16.

в различных подразделениях Коммунистической академии дискуссии 1929–1930 гг., касающиеся проблем методологии изучения генезиса религии и истории ее ранних форм, отчетливо продемонстрировали «анимистические» ориентации большинства советских антирелигиозников. В лице известного пропагандиста В. С. Рожицына советские антирелигиозники прямо провозгласили, что анимистическая теория и есть марксистское объяснение возникновения религии¹. Схожей позиции придерживался и А. Т. Лукачевский – один из руководителей «антирелигиозного фронта», выпускник Института красной профессуры, в начале 1930-х гг. заведующий рядом кафедр по истории религии в учреждениях высшего образования Москвы и одновременно исполняющий обязанности заместителя главного редактора журнала «Антирелигиозник», а также заместитель председателя Союза воинствующих безбожников. Свою приверженность к анимистической теории А. Т. Лукачевский выражал как в докладах, сделанных в стенах Коммунистической академии, так и в многочисленных публикациях [17–18].

Однако, несмотря на кажущиеся устойчивыми позиции анимизма, дальнейшее отождествление теории с марксизмом оказалось невозможным. Развернувшаяся в конце 1920 – начале 1930-х гг. борьба с «буржуазными специалистами», которая применительно к «антирелигиозному фронту» выражалась в отказе от дальнейшего «союза с Древсами» [19], спровоцировала волну критики в адрес западных ученых. Критике подвергался и Э. Тэйлор, которого обвиняли в «идеализме», не позволившем ученому понять истинные причины возникновения религии. Основные этапы эволюции критики, развернувшейся в адрес английского антрополога, наглядно демонстрируют высказывания В. К. Никольского, уделявшего немало внимания проблеме происхождения религии в связи с разработкой истории первобытного общества. В конце 1920-х гг. В. К. Никольский, будучи сотрудником Института истории РАНИОН, получил командировку за рубеж, целью которой было знакомство с иностранной литературой, касающейся вопросов происхождения религии (первоначально командировка планировалась в 1926 г., но она не состоялась, так как историк не был своевременно проинформирован о необходимости представить определенный набор документов²). Так, если в 1930 г. в своем выступлении на заседании социологической секции Института истории Ком-

мунистической академии, посвященном обсуждению доклада А. Т. Лукачевского, В. К. Никольский называл Э. Тэйлора «классиком», которого советские авторы должны «ценить» (а в отредактированном варианте стенограммы и вовсе звучит требование подражания английскому антропологу³), то уже в одной из статей 1933 г. В. К. Никольский резко критиковал предшественника за идеализм и невнимание к материалистическому методу изучения истории [20]. Несмотря на то, что в предисловии к русскому изданию книги «Первобытная культура» советский историк называет анимистическую теорию «максимумом того, что дало буржуазное религиоведение о первобытных верованиях», критика в адрес не сумевшего, по мнению В. К. Никольского, правильно понять социальные корни религии создателя этой теории сохранялась и в дальнейшем [21, с. XXVII].

Еще более суровые замечания были сделаны советскими авторами в адрес других мыслителей, разделявших анимистическую теорию и выступавших в 1920-х гг. в качестве авторитетов в плане решения вопросов о происхождении религии. В большей степени это касалось Г. В. Плеханова, чьи выводы, особенно касающиеся выделения основных компонентов религии, ранее широко использовались советскими антирелигиозниками и признавались программой и «наметкой» для собственных штудий⁴. В рассматриваемый период теоретика меньшевизма обвиняли в оппортунизме, формализме и идеализме, которые привели к «неправильному толкованию» идей Ф. Энгельса и ложному смешению его взглядов с выводами Э. Тэйлора [22]. Серьезному осуждению подверглись также «социал-фашист» Г. Кунов, чьи работы ранее признавались не имеющими «ни одного необоснованного положения» [9, с. 11]); «буржуазный идеалист» Дж. Фрезер, сумевший лишь собрать фактический материал; создатель авторитарной теории А. А. Богданов, не увидевший истинные корни религии, а также многие другие авторы, когда-либо приступавшие к изучению данной проблемы [23].

Единственными мыслителями, сумевшими отыскать истинные причины возникновения религии, отныне стали считаться К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Их взгляды советскими авторами были признаны абсолютно оригинальными и независимыми от разработок «буржуазных» исследователей. Так, В. К. Никольский в одной из работ настаивал на том, что учение К. Маркса и Ф. Энгельса о религии даже с точки зрения хроно-

¹ Преображенский П. Ф. Основные проблемы вопроса о происхождении религиозных форм: стенограмма доклада и прения по докладу на заседании комиссии по истории религии // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 355. Оп. 2. Д. 82. Л. 29.

² Никольский Владимир Капитонович // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 327. Л. 31.

³ Стенограмма заседания секции социологии по обсуждению темы «Методология изучения генезиса религии и ранних религиозных форм» // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 359. Оп. 1. Д. 30. Л. 54.

⁴ Стенограмма заседания секции социологии по обсуждению темы «Методология изучения генезиса религии и ранних религиозных форм» // Арх. Рос. акад. наук. Ф. 359. Оп. 1. Д. 30. Л. 55.

логии не могло испытать на себе влияние взглядов Э. Тэйлора, предложившего свою теорию на двадцать лет позднее появления выводов «основоположников» [20, с. 15].

Однако основная проблема, вставшая перед советскими специалистами, заключалась в отсутствии целостного учения «классиков» марксизма о происхождении религии. Советские ученые располагали лишь разбросанными в многочисленных трудах отдельными высказываниями К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по данному вопросу. Эти высказывания нуждались не просто в систематизации и обобщении, но и в правильной интерпретации, отвечающей нуждам текущего момента и исключающей любые множественные трактовки выработанной схемы. В результате работы, проделанной в данном направлении советскими антирелигиозниками (А. Т. Лукачевским, В. К. Никольским) марксистская трактовка проблемы формирования религии должна была опираться на несколько базовых компонентов: признание религии одним из вариантов общественной идеологии, обнаружение ее корней в невежестве дикаря и его бессилии перед природой, указание на приходящий характер религиозных идей и, наконец, утверждение о необходимости борьбы с этими идеями. Для подтверждения подобных положений был выбран перечень цитат из работ «основоположников» (заметим, что главным «специалистом» по данной проблеме оказался Ф. Энгельс). Эти работы вошли в арсенал советских марксистов в качестве базовых методологических указаний, которых необходимо было придерживаться для правильного решения поставленных задач.

Приведем несколько наиболее ярких примеров подобного цитирования. Во-первых, это утверждение Ф. Энгельса о том, что «религия возникла в самые первобытные времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и о внешней природе» [24, с. 313]. Во-вторых, это указанное в работе суждение К. Маркса о том, что «человек создает религию, религия не создает человека <...> это государство, это общество создают религию, превратное мирознание, ибо сами они – превратный мир» [25, с. 414]. И, в-третьих, это установка В. И. Ленина на то, что «бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря с природой порождает веру в богов, в чертей, в чудеса и т. п.» [26, с. 142].

Проделав подобную «методологическую» работу и формально отказавшись от «устаревшей и ошибочной» анимистической теории [27], советские авторы тем не менее при реконструкции истории возникновения религии сохранили ядро концепции английского антрополога, придав ему «марксистское обрамление». Наиболее показатель-

ной в данном случае являлась монография В. К. Никольского, представившая в научно-популярной форме целостный нарратив, объясняющий формирование религиозных идей и практик [28]. С точки зрения советского историка, религия – историческое явление, возникшее в определенный момент развития первобытного общества в связи со стремлением дикаря, у которого в достаточной степени оказалось развито мышление и воображение, понять и объяснить окружающую его действительность. Иными словами, главной причиной становления религии как искаженного отражения реальности явилось «бессилие дикаря в борьбе с природой». Об этом бессилии говорил Ф. Энгельс. Оно, по словам философа, обусловлено низким уровнем развития производительных сил. Причем, как указывал В. К. Никольский, причиной возникновения религии наряду с бессилием в борьбе с природой было наличие отдельной области, в которой дикарь мог справиться сам [28, с. 40]. Первоначальной формой первобытной религии, по мнению советского историка, являлось *душеверие*, принявшее форму поклонения природным материальным объектам. Несмотря на то что подобная терминологическая замена была в определенной степени связана с популярным характером анализируемого издания, рассчитанного на массового читателя, на наш взгляд, она выглядит весьма симптоматично.

Таким образом, советская историография, изучающая проблемы происхождения религии, в первые послереволюционные десятилетия прошла в своем развитии два основных этапа. В рамках первого, продолжавшегося до начала 1930-х гг., советские авторы придерживались анимистической теории, предлагая лишь разные трактовки вопроса об источнике возникновения религиозных верований. Второй этап, продлившийся до конца 1930-х гг., напротив, был связан с формальной критикой анимизма и утверждением советского марксистского подхода к данной теме, основанного на высказываниях Ф. Энгельса, К. Маркса и В. И. Ленина, предполагавших, что причина возникновения религии крылась в бессилии человека перед природой. Причины подобной трансформации определялись общей перестройкой научного фронта в СССР в конце 1920 – начале 1930-х гг., когда на смену союзу с «буржуазными специалистами» пришло стремление к созданию подлинной советской марксистской науки. Однако формальная критика анимистической теории еще не означала полного отказа от ее использования. Критикуя ложную анимистическую теорию, советские исследователи, тем не менее, признавали анимизм как одну из форм ранних религиозных верований, ставя ее в один ряд с тотемизмом и фетишизмом [29–30].

Библиографические ссылки

1. Яблоков И. Н. К дискуссии о современном состоянии и истории отечественного религиоведения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 165–172.
2. Антонов К. М. Изучение феномена «советского религиоведения»: цели, методы, смыслы // Философия религии : альм. / сост. и отв. ред. В. К. Шохин. М. : Наука ; Восточная литература, 2015. С. 224–238.
3. Шахнович М. М. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 185–197.
4. Кабо В. Р. Происхождение религии: история проблемы. Канберра : Алчеринга, 2002.
5. Зыбковец В. Ф. Проблема происхождения религии в советской науке. (Постановка вопроса; труды А. В. Луначарского, Е. М. Ярославского, И. И. Скворцова-Степанова) // Вопр. истории религии и атеизма : сб. ст. : в 12 т. М. : Академия наук СССР, 1958. Т. 6. С. 322–348.
6. Шахнович М. И. Исследование советской наукой проблем происхождения религии и ее ранних форм // Вопр. научного атеизма : сборник. М. : Мысль, 1967. Вып. 4: Победа научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет. С. 242–266.
7. Плеханов Г. В. Материалистическое понимание истории // О религии и церкви: избранные произведения и отрывки. М. : Академия наук СССР, 1957. С. 129–140.
8. Плеханов Г. В. Рецензия на брошюру А. Паннекука «Социализм и религия» // О религии и церкви: избранные произведения и отрывки. М. : Академия наук СССР, 1957. С. 146–153.
9. Кунов Г. Возникновение религии и веры в бога. М. ; Пг. : Коммунист, 1919.
10. Лафарг П. Религия и капитал. М. : ОТИЗ ; Государственное антирелигиозное издательство, 1937.
11. Богданов А. А. Авторитарное мышление // Из психологии общества. 2-е изд. СПб. : Дело, 1906. С. 110–188.
12. Скворцов-Степанов И. И. Очерк развития религиозных верований. М. : Либроком, 2011.
13. Луначарский А. В. Введение в историю религии (в шести популярных лекциях) // Об атеизме и религии / под ред. А. Ф. Окулова. М. : Мысль, 1972. С. 104–217.
14. Ярославский Е. М. Как возникли религиозные верования // О религии, христе и пасхе. М., 1925. С. 10–16.
15. Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм : в 3 ч. М. : Госиздат, 1926. Ч. I : Введение. Тотемистическое общество. Родовое общество.
16. Тюменев А. И. Возникновение религии и первые шаги религиозного развития // Зап. науч. общ. марксистов. 1922. № 3. С. 60–124.
17. Лукачевский А. Т. Марксизм-ленинизм как воинствующий атеизм. М. : Государственное антирелигиозное издательство, 1933.
18. Лукачевский А. Т. Введение в историю религий. М. : ОИЗ-ГАИЗ, 1934.
19. Енишерлов М. О форме и степени нашего дальнейшего союза с Древсами // Антирелигиозник. 1930. № 8–9. С. 94–101.
20. Никольский В. К. Карл Маркс о первобытно-коммунистической формации и происхождении религии // Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 9–25.
21. Никольский В. К. Место Эдуарда Тэйлора в исследовании первобытной культуры // Тэйлор Э. Б. Первобытная культура / под ред. В. К. Никольского. М. : Государственное социальное экономическое издательство, 1939. С. III–XXX.
22. Федосеев П. Г. В. Плеханов о религии // Воинствующий атеизм. 1931. № 10. С. 3–26.
23. Происхождение религии в понимании буржуазных ученых : сб. ст. / под ред. А. Т. Лукачевского. М. : Московский рабочий, 1932.
24. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений : в 50 т. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21. С. 269–317.
25. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений : в 50 т. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 1. С. 414–429.
26. Ленин В. И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 12. С. 142–147.
27. Кривелев И. А. К критике анимистической теории // Вопр. философии. 1956. № 2. С. 183–194.
28. Никольский В. К. Происхождение религии. М. : Московский рабочий, 1940.
29. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М. : Политиздат, 1964.
30. Шаревская Б. И. Анимизм // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. М. : Советская энциклопедия, 1961. Т. 1: Аалтонен – Аяны. С. 587–588.

References

1. Yablokov I. N. [The discussion about the current state and the history of science of religions in Russia]. *Gos., relig., tserkov' v Rossii i za rub.* [State, religion, church]. 2011. No. 1. P. 165–172 (in Russ.).
2. Antonov K. M. [The study of the phenomenon of «Soviet religiovedeniya»: goals, methods, and meaning]. *Filos. relig. : al'manakh.* Moscow : Nauka ; Vostochnaya literatura, 2015. P. 224–238 (in Russ.).
3. Shahnovich M. M. The Ethos of the history of science: a reconstruction of religious in Soviet Russia. *Gos., relig., cerkov' v Rossii i za rub.* [State, religion, church]. 2015. No. 1 (33). P. 185–197 (in Russ.).
4. Kabo V. R. [The origin of religion: the history of the problem]. Kanberra : Alcheringa, 2002 (in Russ.).
5. Zybkocev V. F. [The problem of the origin of religion in Soviet science. (The Formulation of the question; the works of A. V. Lunacharsky, E. M. Yaroslavsky, I. I. Skvorcov-Stepanov)]. *Vopr. istorii relig. i ateizma* : collect of pap. : in 12 vol. Moscow : Acad. of Sci. USSR, 1958. Vol. 6. P. 322–348 (in Russ.).
6. Shahnovich M. I. [The study of the Soviet science the problem of the origin of religion and its early forms]. *Vopr. nauchnogo ateizma* [The questions of the scientific atheism]. Moscow : Mysl', 1967. Vol. 4 : [The victory of scientific atheistic worldview in the USSR for 50 years]. P. 242–266 (in Russ.).

7. Plekhanov G. V. [The materialist understanding of the history]. In: *O religii i tserkvi: izbrannye proizvedeniya i otryvki* [About the religion and the church: selected works and experts]. Moscow : Acad. of Sci. USSR, 1957. P. 129–140 (in Russ.).
8. Plekhanov G. V. [The Review of the brochure of A. Pannekuk «The socialism and religion»]. In: *O religii i tserkvi: izbrannye proizvedeniya i otryvki* [About the religion and the church: selected works and experts]. Moscow : Acad. of Sci. USSR, 1957. P. 146–153 (in Russ.).
9. Kunov G. [The emergence of religion and the belive of God]. Moscow ; Petrograd : Kommunist, 1919 (in Russ.).
10. Lafarg P. [The religion and the capital]. Moscow : OGIZ ; Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo, 1937 (in Russ.).
11. Bogdanov A. A. [The authoritarian thinking]. *Iz psikhologii obshchestva*. 2nd ed. Saint Petersburg : Delo, 1906. P. 110–188 (in Russ.).
12. Skvorcov-Stepanov I. I. [The outline of the development of religions]. Moscow : Librokom, 2011 (in Russ.).
13. Lunacharskiy A. V. [The introduction to the history of religion (in six popular lectures)]. In: Okulov F. *Ob ateizme i religii* [About ateism and religion]. Moscow : Musl', 1972. P. 104–217 (in Russ.).
14. Yaroslavskiy Em. M. [How did the religious beliefs]. *O religii, Hriste i Paskhe*. Moscow, 1925. P. 10–16 (in Russ.).
15. Tahtarev K. M. [The comparative construction of human development and social forms] : in 3 parts. Moscow : Gosizdat, 1926. Part I: [Introduction. The totemic soviety. Generia soviety] (in Russ.).
16. Tyumenev A. I. [The emergence of religion and religious development]. *Zap. nauchnogo obshchestva marksistov*. 1922. No. 3. P. 60–124 (in Russ.).
17. Lukachevskiy A. T. [Marxism-leninism as militant atheism]. Moscow : Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo, 1933 (in Russ.).
18. Lukachevskiy A. T. [The introduction to the history of religion]. Moscow: OSHZ-GAIZ, 1934 (in Russ.).
19. Enisherlov M. [About the form and extent of our future union with Drevsami]. *Antireligioznik*. 1930. No. 8–9. P. 94–101 (in Russ.).
20. Nikol'skiy V. K. [Karl Marks about primitive communist societies and the origin of religion]. *Antireligioznik*. 1932. No. 2. P. 9–25.
21. Nikol'skiy V. K. [The Edward Tylor place in the study of primitive culture]. In: E. Tylor. *Pervobytnaya kul'tura*. Moscow : Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939. P. III–XXX (in Russ.).
22. Fedoseev P. G. [V. Plekhanov about religion]. *Voinstvuyushchii ateizm*. 1931. No. 10. P. 3–26 (in Russ.).
23. Lukachevsky A. T. (ed.) [The origin of religion in understanding burzhuaaznyh scientists] : collect. of pap. Moscow : Moscovskii rabochii, 1932 (in Russ.).
24. Engels F. [L. Feuerbach and the end of classical german philosophy]. In: K. Marks, F. Engels [Collected works] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow : Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1961. Vol. 21. P. 269–317 (in Russ.).
25. Marks K. [To the critique of Hegel's philosophy of right. The introduction]. In: K. Marks, F. Engels. *Sobranie sochinenii* : in 50 vol. 2nd ed. Moscow : State publ. house polit. lit., 1961. Vol. 1. P. 414–429 (in Russ.).
26. Lenin V. I. [The socialism and the religion]. *Polnoe sobranie sochinenii* : in 55 vol. Vol. 12. P. 142–147 (in Russ.).
27. Kryvelev I. A. [The critique of animistic theory]. *Vopr. filos.* 1956. No. 2. P. 183–194 (in Russ.).
28. Nikol'skiy V. K. [The origin of the religion]. Moscow : Moscovskii rabochii, 1940 (in Russ.).
29. Tokarev S. A. [The early forms of religion and their development]. Moscow : Politizdat, 1964 (in Russ.).
30. Sharevskaya B. I. [Animizm]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* : in 12 vol. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1961. Vol. 1: Aaltonen – Ayany. P. 587–588 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.06.2017.
Received by editorial board 06.06.2017.

УДК 930.1

АНТИКОВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ РАНИОН: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВЕТСКИЕ НОВАЦИИ

А. М. СКВОРЦОВ¹⁾

¹⁾Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, г. Челябинск, Россия

Анализируется деятельность секции древней истории Института истории РАНИОН. Делается вывод о том, что до середины 1920-х гг. институт был автономным учреждением, в котором сохранялись дореволюционные традиции научных коммуникаций (диспуты, обсуждения докладов, издание трудов, обучение начинающих исследователей по старой системе подготовки научных кадров и др.), однако рядом с немарксистами были и идеологически выверенные сотрудники, которые демонстрировали то, какие темы следует разрабатывать. Показывается, что с середины 1920-х гг. автономия РАНИОН значительно урезается, в тематике исследований Института истории наблюдается переход от источниковедческой к социально-экономической (аграрная история и история города) проблематике, а также к проблеме истории международных отношений и истории революционных движений. На основании источников демонстрируется заинтересованность в античности с точки зрения того материала, который может ей поставиться для решения актуальных проблем современности. Дается заключение о том, что роль Института истории РАНИОН довольно высока в контексте становления советской исторической науки: во-первых, там формировалась система аспирантуры; во-вторых, его окончили многие будущие мэтры антиковедения (К. К. Зельин, Н. А. Машкин, А. В. Мишулин) и начинал научный путь В. С. Сергеев.

Ключевые слова: РАНИОН; антиковедение; марксизм; историография; советская историческая наука; 1920-е гг.; «старые» профессора; К. К. Зельин; Н. А. Машкин; А. В. Мишулин; В. С. Сергеев.

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-33-01035).

ANCIENT STUDIES AT THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE RANION: PRE-REVOLUTIONARY TRADITIONS AND SOVIET INNOVATIONS

A. M. SKVORTSOV^a

^aChelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh Street, Chelyabinsk 454001, Russia

The article analyzes the activities of the section of Ancient history, Institute of history of RANION. The author comes to the conclusion, that until the mid-1920s. RANION was quite autonomous institution, which remained the pre-revolutionary tradition of scientific communication (debates, discussion papers, publication papers, training «graduate students» on the old system of research training, etc.). But next to non-Marxists were ideologically adjusted staff members who demonstrated what themes should be developed. The author showed, that since the mid-1920s autonomy significantly trimmed. Research areas changed from source study problems to the socio-economic (agricultural history and the history of the city), the history of international relations, the history of revolutionary movements. Sources demonstrate, antiquity was not interested in itself, but from the point of view of the material that it can be delivered to address the pressing problems of today. Done the conclusion that the role of the Institute of History RANION was quite high in the context of the emergence of Soviet

Образец цитирования:

Скворцов А. М. Антиковедение в Институте истории РАНИОН: дореволюционные традиции и советские новации // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 34–40.

For citation:

Skvortsov A. M. Ancient studies at the Institute of History of the RANION: pre-revolutionary traditions and Soviet innovations. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 34–40 (in Russ.).

Автор:

Артём Михайлович Скворцов – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета.

Author:

Artyom M. Skvortsov, PhD (history); associate professor at the department of history of Russia and foreign countries, faculty of history and philology.
artyom-skvorcov@yandex.ru

historical science. Firstly, there was formed a system of postgraduate study. Secondly, many future masters it graduated – K. K. Zelin, N. A. Mashkin, A. V. Mishulin and V. S. Sergeev started his scientific career.

Key words: RANION; study of Antiquity; Marxism; historiography; Soviet historical science; 1920s; «old» professors; K. K. Zelin; N. A. Mashkin; A. V. Mishulin; V. S. Sergeev.

Acknowledgements. The article is completed with the help of Russian Foundation for Basic Research (project № 16-33-01035).

В начале 1920-х гг. в России начался пересмотр учебных планов университетов с целью, как объяснялось, сближения преподавания с практическими нуждами. Университетам предлагалось сохранить за собой только учебные функции и отказаться от научных. Рубежной датой для исторического образования стал 1923 г. Именно тогда были четко сформулированы основные векторы дальнейшего развития образования: предоставление проведения большинства курсов преподавателям марксистской школы; переход на семинарский метод занятий (подготовка и заслушивание докладов); подготовка не научных кадров, а учителей средних школ. Таким образом предполагалось произвести разделение научных и учебных функций. Бывшие историко-филологические факультеты переформировывались в обществоведческие и должны были выпускать исключительно специалистов-прикладников: журналистов, литературных критиков, редакторов, учителей и т. д. Чувствуя обозначившуюся тенденцию к исключению из университетов целых научных направлений, профессора забили тревогу, они утверждали, что даже школьный учитель обязан получить строго научное образование, иначе это приведет к резкому упадку образовательного уровня в средних школах, а сами учителя превратятся в ремесленников, которые будут вести преподавательскую деятельность без творческого подхода и глубокого знания предмета [1].

В результате многие научные направления, которые долгое время формировались в России и имели богатую традицию, оказывались невосстановленными, среди них – наука о классической древности. Так, например, в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (МГУ) на общественно-педагогическом отделении, возникшем на базе бывшего историко-филологического факультета, в 1923/24 учебном году студентам следовало сделать выбор между курсами по истории Древнего мира и по истории Средних веков¹. Сокращение исторических дисциплин привело к исключению из университета целого ряда ученых. Они находили себе пристанище в библиотеках, издательствах, архивах и т. д. Но некоторые были приняты на работу в созданный еще в 1921 г. при факультете общественных наук научно-исследовательский Институт истории.

Положение нового института разрабатывалось в течение 1920 г. на историческом отделении факультета общественных наук МГУ. Протоколы обсуждения позволяют сделать вывод о довольно сильном влиянии на ход дел «старого» поколения профессоров, которые еще работами в Московском университете. Наиболее активное участие в дискуссиях принимали М. М. Богословский, С. В. Бахрушин и Ю. В. Готье. Позиция исследователей сводилась к необходимости выработки оригинального Устава для Института истории, который учитывал бы специфику изучаемой науки. «Новое» поколение историков (в частности, В. П. Волгин) вело себя осторожно: они призывали не торопиться, обратиться к опыту физико-математического факультета и заимствовать уже апробированное и утвержденное положение². Однако большинство членов совета все же высказалось в поддержку первого варианта.

В Положении об Институте истории нет ни слова о марксизме и идеологической борьбе³. Важнейшими целями объявлены содействие в разработке исторической науки и усовершенствование в ней лиц, окончивших исторические отделения учреждений высшего образования (УВО), а также регулярное проведение обсуждений докладов. Для достижения этих целей предполагалось ходатайствовать об организации командировок, издавать научные труды, собирать собственную библиотеку. Все вышеперечисленное является типичными чертами для научной повседневности, однако в первые послереволюционные годы именно эти черты подверглись серьезным испытаниям. Пытаясь исправить сложившуюся ситуацию, историки специально прописывали и закрепляли указанные формы научной организации в Положении. Просматривается попытка авторов документа превратить Институт истории в своеобразный «заповедник», где, несмотря на господствующие в стране тенденции, воссоздались бы прежние, привычные для деятелей науки, структуры научной повседневности. Историки с надеждой смотрели на будущее учреждение и пытались оградить его от тех веяний и тенденций, от которых не удалось спасти университет в целом и историко-филологический факультет в частности. Вероятно, именно по этой причине в Положении специально отмечалось,

¹ Центр. гос. арх. г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 85. Л. 5.

² См. Центр. гос. арх. г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 7. Л. 42 об.

³ См. Положение // Центр. гос. арх. г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 7. Л. 43–43 об.

что в сотрудники Института могут быть зачислены только исследователи, окончившие исторические отделения УВО либо имеющие научные труды в области истории. Явно прослеживается попытка оградить органы управления нового учреждения от партийных деятелей. Подчеркивается и основополагающий принцип распределения должностей в Институте – выборность, что предполагало определенную автономию существования. Декларировалась также и приверженность к гумбольдтовской университетской системе: наряду с научными занятиями должна была вестись подготовка новых кадров.

Таким образом, Институт истории должен был существовать обособленно, никакого руководства «сверху» на начальных этапах не осуществлялось. В связи с этим данное учреждение очень быстро превратилось в пристанище для старшего поколения ученых. Директором Института истории стал Д. М. Петрушевский. Среди научных сотрудников имелось большое количество ученых-немарксистов, среди них антиковеды Г. М. Пригоровский, Д. П. Кончаловский, А. А. Захаров. Об этой научной организации многие ее сотрудники позже вспоминали как об островке свободы в океане идеологического давления. Спустя много лет Д. П. Кончаловский писал: «РАНИОН оказался последним прибежищем гуманитарных наук, свободных от гнета марксизма и принудительного контроля большевиков» [2, с. 190]. Такое представление не совсем соответствует действительности. С 1925 г. ситуация кардинально изменилась. Показательно, что если за 1923/24 отчетный год секция древней истории провела 18 заседаний с обсуждениями докладов, то в 1927/28 отчетный год было проведено только 8 заседаний. Другими словами, энтузиазм, с которым ученые подошли к открытию института постепенно угас в виду различных обстоятельств (прежде всего внешнего характера). Но, вероятно, на фоне жестких в идеологическом плане 1930-х гг., РАНИОН запомнился в радужных тонах.

Вместе с открытием Института истории в 1921 г. была создана секция древней истории, и она существовала до 1929 г. Численно секция была невелика – от 9 до 12 человек, руководил ей Г. М. Пригоровский. Весь штат делился на две категории: действительные члены, которые входили в коллегию (всего в Институте изначально было 15 таких сотрудников, а в 1928 г. – 36), осуществлявшую общее управление Институтом, и научные сотрудники 1-го и 2-го разрядов. Ко второму разряду принадлежали выпускники университетов, которые желали посвятить себя науке, к первому – истори-

ки, уже прошедшие определенные испытания и зарекомендовавшие себя как исследователи.

Заседания коллегии происходили регулярно (судя по протоколам, чуть больше двадцати раз в год), на них заслушивались и обсуждались доклады сотрудников. Заседания проводились и в секциях (древней истории, средневековой истории, новой истории, русской истории, истории внеевропейских обществ и колониальной политики), в более узком кругу. Делопроизводственная документация позволяет выявить проблематику выступлений и представить атмосферу дискуссий. Все заседания строго фиксировались в специальном журнале с обозначением номера протокола, даты и обсуждавшихся вопросов. После выступления докладчика следовали прения, проводившиеся в строго академическом тоне, за чем внимательно следил директор Института Д. М. Петрушевский. Не позволялся переход «на личности», обсуждение происходило в русле выдвигаемой проблемы, однако могли звучать и общие теоретико-методологические замечания. Высказаться по существу вопроса имели право как действительные члены, так и научные сотрудники. В связи с этим такие заседания следует рассматривать и как часть образовательного процесса, где молодежь постигала правила ведения научной дискуссии, а также училась отстаивать свою точку зрения. Директор настаивал на восприятии заседаний как чисто научных мероприятий без всякой идеологической подоплеки. В речах докладчиков практически не упоминаются имена основоположников марксизма. В ходе заседания коллегии 30 июня 1923 г. «директор разъяснил, что диспуты являются одним из видов научного взаимодействия и должны вестись в строго академическом тоне»¹. Здесь снова наблюдается попытка воссоздать дореволюционные традиции научных дискуссий с присущими им порядками и особенностями. Для историков это было особенно важно, поскольку в 1981 г. были отменены ученые степени и звания, что предполагало разрушение существовавшей ранее иерархии в науке и создавало возможность быстрого возвышения нового поколения ученых. В Институте поддерживалась (хоть и на неформальном уровне) старая система ценностей. В молодом поколении воспитывалось уважительное отношение к мэтрам исторической науки, без сдачи коллоквиумов и без выступлений с докладами невозможно было сделать карьеру в данной структуре. Такие выступления с научными сообщениями не носили исключительно формальный характер, они длились несколько часов (с дискуссиями) и завершались оценкой директора Института. Относительно доклада В. И. Авдиева, в будущем

¹ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 13.

известного советского египтолога, о религиозной реформе Эхнатона Д. М. Петрушевский отметил: «...ответы докладчика на замечания оппонентов неудовлетворительны: метод его работы остается неясным, и самое его существование вызывает сомнения. Сама реформа не получила никакого освещения, а связь ее с предшествующими явлениями египетской истории, нагроможденными без плана и надлежащей перспективы, отнюдь не доказана. Религиозные явления находятся в очень сложном отношении к экономике, докладчик же до нельзя упустил его в своем изложении. От выступающего в научно-исследовательском институте мы вправе требовать больше отчетливости, расчлененности и строгости, чем находим в докладах автора»¹. Председатель обратил внимание на методическую и методологическую часть доклада, чему практически не обучали на новых факультетах общественных наук в университетах. Для многих молодых людей такая оценка авторитетного ученого звучала как приговор, ряд научных сотрудников, которые числились в Институте истории как аспиранты, так и не стали признанными исследователями: существовал строгий отбор, не позволявший вступить в научное сообщество недостаточно подготовленным специалистам. Общий упадок системы исторического образования в 1920-е гг. не являлся предлогом для снижения требований к начинающим историкам. Во многом именно благодаря сотрудникам Института истории, традиции подготовки исследователей, сложившиеся в дореволюционные годы, не были забыты.

Таким образом, можно утверждать, что у большевиков резкая установка в отношении «старой» профессуры выработалась не сразу. Советскому правительству необходимо было взрастить новое поколение ученых с иными мировоззрением и подходом к историческому материалу, разрабатывающих актуальные с позиций современности темы. Институт истории создавался для «образования вообще научных работников *современного типа* (курсив наш. – А. С.)»². Начинать с «нуля» в этом деле практически невозможно, следовало опираться на предшествующие педагогические традиции, поэтому в Институт были приглашены профессионалы с богатым опытом, индивидуальным видением процесса подготовки ученых. Надеясь привлечь таких профессионалов на свою сторону, большевики

разрешали относительную автономию, выделяли денежные средства для покупки книжных новинок³, периодически оплачивали зарубежные командировки. Сотрудники Института получали вполне достойное жалование. Судя по сохранившимся документам, в 1927–1928 гг. Д. М. Петрушевский и Г. М. Пригоровский (заведующий секцией) получали по 180 руб., научные сотрудники – по 80 руб.⁴ При этом многие историки в качестве совместителей трудились в Первом Московском государственном медицинском университете им. И. Н. Сеченова, Втором Московском государственном университете, Институте Красной профессуры и других учебных и научных учреждениях. Для сравнения: средняя заработная плата служащих в Москве, по официальным данным, на тот момент составляла 75 руб. 8 коп. [3, с. 15].

Однако большевикам оказалось нелегко возложить на старшее поколение профессоров решение новых задач и установить свои требования для подготовки историков. Показателен анализ тематики докладов секции древней истории за 1921–1923 гг. На заседаниях зачастую рассматривались вопросы источниковедческого характера. А. А. Захаров делал разбор недавно опубликованных хеттских и среднеассирийских законов, Г. М. Пригоровский занимался папирусами эллинистического Египта, В. С. Сергеев изучал жизнь и деятельность римского историка Саллюстия и литературу эллинизма⁵.

Большинство сотрудников Института истории выступали против модернизации истории (в особенности древних эпох), что было довольно популярно в то время, так как еще не сформировалась догматическая для советской историографии пятичленная структура исторического развития. Один из немногих модернизаторов, В. С. Сергеев, настаивал: «Изучая античность, мы всегда исходим из современности, и только последняя уясняет нам прошлое и заинтересовывает. Трудно дать новые факты из истории древности, но задача историка в том, чтобы по-новому их комбинировать и освещать на основании собственных переживаний»⁶. Таким образом, историку следовало задавать вопросы к прошлому, исходя из современных потребностей общества и государства. Понимая, что такой подход может привести к жонглированию фактами и «подгону» их к современным образцам социально-политического развития, А. А. Захаров,

¹ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 157. Л. 37.

² Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 82.

³ Так, в 1927–1928 гг. в институте не смогли даже полностью израсходовать выделенные деньги на покупку книг: на иностранную литературу было отпущено 2625 руб., а израсходовано – 788 руб. 20 коп. (Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 157. Л. 22).

⁴ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 157. Л. 57.

⁵ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 9–54.

⁶ Протокол заседания совета научно-исследовательского Института истории от 30 июня 1923 г. // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 13 об.

Д. П. Кончаловский, Д. Н. Егоров и Г. М. Пригоровский выступили против обозначенных в докладе теоретических позиций В. С. Сергеева. У исторической науки, по их мнению, новые вопросы и проблемы появляются в связи с расширением корпуса источников, археологических открытий, но при этом определять вектор развития науки должны не общественность и не политические круги. Е. А. Косминский подытожил: «...наука не имеет оснований считать с интересом аудитории: у ней свои самостоятельные задачи, далеко не всегда непосредственно относящиеся к текущему моменту»¹.

Подобные тезисы («наука для науки») не могли не вызывать раздражение у «нового» поколения историков. В Институте истории рядом с немарксистами были и идеологически выверенные сотрудники, которые демонстрировали то, какие темы и проблемы являются востребованными. Под влиянием последних, а также следуя веяниям времени, «старое» поколение ученых стало постепенно затрагивать социально-экономические сюжеты, но скорее эпизодически, чем системно.

Вероятно, испытывая недовольство сложившейся ситуацией, советское правительство приступило к изменениям. В 1925 г. была организована Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН): отныне научно-исследовательские институты оказывались объединены общей структурой, которая формировала коллегию институтов. В коллегию, задача которой состояла в определении научных направлений работы, входили исключительно марксисты, при этом в их числе не оказалось ни одного представителя секции древней истории. В 1928 г. было определено три основных вектора исследовательской работы: экономическая и социальная история, история международных отношений, история революционных движений. В выступлениях антиковедов с этого момента звучали темы, посвященные истории аграрных отношений и истории города (движение братьев Гракхов; трактаты Катона о сельском хозяйстве; организация поместий в эллинистическом Египте; история римских магистратур, отвечающих за продовольствие). Античность стала интересовать исследователей не сама по себе, а с точки зрения того материала, который может ей поставяться для решения актуальных проблем истории Нового времени – социальная борьба, социально-экономические отношения в эпоху торгового капитализма, проблемы капитализма и вопросы генезиса феодализма.

Изменения произошли и в системе обучения аспирантов (до 1925 г. – научных сотрудников 2-го разряда). Проблема их подготовки в 1921 г. обсуждалась очень бурно. По итогам дискуссии было решено отойти от практики индивидуального консультирования и подготовки «штучных» научных кадров и организовать групповые занятия [4], а также, в связи с изменениями учебных планов университетов, не делать занятия узконаправленными. Для привития навыков исторического исследования предполагалась организация семинаров, тематика которых определялась секцией. Семинар по секции древней истории проводил Г. М. Пригоровский. Под его руководством начинающие историки изучали греко-египетские папирусы. Научные сотрудники должны были продемонстрировать широкое общеисторическое образование. Кандидатам в научные сотрудники 1-го разряда следовало основательно подготовить три вопроса по дополнительной специальности (по всеобщей истории для «русистов», по русской истории для «всеобщников»); шесть вопросов по основной специальности разрабатывались в семинариях по секциям. Отменялись испытания по политэкономии под тем предлогом, что их проходили в студенческие годы. Кроме того, следовало обязательно представить письменное научное исследование². Обучение не включало в себя педагогические дисциплины, то есть не предполагало специальную подготовку к преподавательской деятельности. Для зачисления в научные сотрудники 2-го разряда требовалось представление сочинения, которое оценивалось специалистом. При этом в расчет не брались ни происхождение кандидата, ни его политическая благонадежность. Многие зависели от отзыва профессора, к которому должен был прикрепиться научный сотрудник³. Были возрождены диспуты, на которых оценивалась пригодность молодых людей для научных занятий. Перед диспутом необходимо было сдать коллоквиум (подобие магистерского экзамена).

Такая относительная свобода в определении содержания программы подготовки молодых кадров в 1928 г. была пресечена. Президиум РАНИОН для всех структурных подразделений определил общие правила работы с аспирантами/научными сотрудниками: уменьшалось количество вопросов по специальности, взамен которых вводились вопросы по теоретической экономике и историческому материализму, по последнему обязательным

¹ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 14.

² Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 16 об.

³ Так, в письме Д. М. Петрушевскому Г. М. Пригоровский писал о кандидате в научные сотрудники 2-го разряда К. К. Зельине как способном и талантливом ученике и отметил, что еще Р. Ю. Виппером К. К. Зельин был оставлен при кафедре (Архив Рос. акад. наук. Ф. 493. Оп. 3. Д. 174. Л. 1).

становился двухгодичный семинар. Сочинение кандидата оценивалось и с методологической точки зрения, от этого зависела дальнейшая профессиональная деятельность соискателя¹. Так, в теоретических установках А. И. Неусыхина в ходе диспута были обнаружены черты эклектизма, в результате чего ему не позволили вести общий курс по истории Средних веков и доверили только специальные дисциплины².

Другими словами, правительство изменило стратегию взаимодействия с представителями «старой» школы, возможно, посчитав, что сотрудничество с ними более не может дать никаких продуктивных итогов. Переходный период, когда еще нужны были дореволюционные профессора (за неимением иных) для подготовки ученых новой формации, подошел к концу. Старшее поколение на некоторое время оказалось невостребованным. К концу 1920-х гг. проверенные учебные заведения, например, Институт Красной профессуры, стали выпускать первых специалистов новой формации, гораздо более надежных для новой власти. В РАНИОН же, по воспоминаниям С. А. Пионтковского, оформились два лагеря: представители «старой» школы и марксисты. Последние крайне негативно относились как к методам исследования, так и к системе подготовки аспирантов профессорами дореволюционной школы. В частности, С. А. Пионтковский ратовал за отказ от индивидуальной исследовательской работы и распространение коллективных форм, за сокращение числа аспирантов у секций древней и средневековой истории, и, наконец, за слияние секций «неблагонадежных» с «благонадежными» с целью уменьшения немарксистов. Показательны его слова: «Я отстаивал мысль, что коллективность в ученой работе это значит работа ряда лиц над проработкой и осуществлением на практике тесно связанных между собой звеньев одного цельного плана. Пробовали провести мы эту мысль на комиссии. Здесь сразу встретили жестокий отпор. Началось с Древней

истории. Представитель секции Древней истории сообщил, что одни из них занимаются каким-то кризисом 3 века, а другие хозяйством Храма Амона в Древнем Египте, а всего-то навсего таких специалистов по Древней истории 5 человек. Судили и рядили и, наконец, решили, чтобы они проработали план» [5, с. 132]. На деле же общий план был нужен марксистам для осуществления контроля за деятельностью секций.

Первым сигналом, который возвестил о начале конца Института истории, стало предложение президиума РАНИОН о слиянии секций древней, средневековой и новой истории под предлогом того, что станет возможно организовать новые научные коллективы, появятся возможности для более интенсивного обмена мнениями³. Вторым сигналом стала заказная статья в газете «Вечерняя Москва», где говорилось о большом количестве немарксистов в Институте истории, а, соответственно, о возможности концентрации здесь оппозиции советскому режиму. В Институте утверждали: немарксистов на самом деле мало (и те только в секции древней истории), но и они обезвреживаются тем, что исследуют проблемы социально-экономической истории⁴. Однако попытка оправдаться не удалась: в 1929 г. Институт прекратил свое существование.

Несмотря на это, роль Института истории РАНИОН велика в контексте становления советской исторической науки. Во-первых, в Институте формировалась система аспирантуры, во-вторых, его окончили многие будущие мэтры, в том числе и антиковедения, – К. К. Зельин, Н. А. Машкин, А. В. Мишулин, А. В. Преображенский. В этом институте начинал свой научный путь В. С. Сергеев. Однако учителей, действительных членов Института и научных сотрудников 1-го разряда ждала печальная участь: они либо попали под жернова политических репрессий (Г. М. Пригоровский, А. А. Захаров), либо эмигрировали (Д. П. Кончаловский).

Библиографические ссылки

1. Скворцов А. М., Гришина Н. В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития // Вестник Челяб. гос. ун-та. История. 2015. Вып. 62, № 2 (357). С. 49–56.
2. Кончаловский Д. П. Воспоминания и письма. Париж : Librairie des cinq continents, 1971.
3. А. П. Заработная плата рабочих и служащих Московской губернии в 1927/28 г. (к кампании переизполнения колдоговоров) // Вопр. труда. 1928. № 12. С. 111–116.
4. Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка : историограф. сб. / отв. ред. В. П. Корзун. Омск, 2014. Вып. 9. С. 138–145.
5. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. А. Л. Литвин. Казань : Казанский государственный университет, 2009.

¹ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 47.

² Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637. Л. 8.

³ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 155. Л. 1 об.

⁴ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 155. Л. 1 об.

References

1. Skvortsov A. M., Grishina N. V. History education in Soviet Russia in the 1920's: main trends in the development. *Bull. Chelyabinsk State Univ. History*. 2015. Vol. 62. No. 2 (357). P. 49–56 (in Russ.).
2. Konchalovskii D. P. [Memoirs and letters]. Paris : Librairie des cinq continents, 1971 (in Russ.).
3. A. P. [Salary of workers and employees of the Moscow in 1927/28 (to the campaigning rereval of collective agreements)]. *Vopr. truda*. 1928. No. 12. P. 111–116 (in Russ.).
4. Grishina N. V. [From «left to prepare for a professorship» to Soviet graduate: transformation of the system of reproduction scientific staff in 1860–1920]. *Mir istorika : historiographic collect*. Omsk, 2014. Issue 9. P. 138–145 (in Russ.).
5. Litvin A. L. (ed.). [Diary of historian S. A. Piontkovsky (1927–1934)]. Kazan : Kazan Federal Univ., 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.09.2017.
Received by editorial board 20.09.2017.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 947.6

РЭЭВАКУАЦЫЯ ВЫМУШАНЫХ МІГРАНТАЎ З БЕЛАРУСІ: УДЗЕЛ БЕЛАРУСКІХ БЕЖАНСКІХ АРГАНІЗАЦЫЙ У КААРДЫНАЦЫІ ПРАЦЭСУ (1917–1918)

В. Р. КАРНЯЛЮК^{1*}

^{1*} Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Э. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Вывучаецца адна з самых складаных старонак гісторыі вымушанай міграцыі з Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны – рээвакуацыя 1917–1918 гг. Даследуюцца месца і маштаб удзелу беларускіх бежанскіх арганізацый у каардынацыі гэтага працэсу. Адзначана, што працягласць рээвакуацыі і ўдзел у ёй прадстаўнікоў улады, якая змянялася ў Расіі ў ходзе рэвалюцыйных узрушэнняў некалькі разоў, дазваляюць убачыць магчымасці ўздзеяння на беларускіх бежанцаў розных палітычных сіл, у тым ліку беларускіх. На падставе новых матэрыялаў Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі, матэрыялаў перыядычнага друку 1917–1918 гг. і найноўшых даследаванняў па гісторыі бежанства сцвярджаецца, што ўцекачы палітыкаў сваёй разнастайнасцю, а таксама звязаным з іх прысутнасцю комплексам бытавых праблем, прыярытэтных у параўнанні з пытаннямі палітычнага ўплыву для саміх мігрантаў. Зроблена выснова аб вельмі абмежаваным уплыве на бежанцаў з боку беларускіх палітыкаў. Выказана думка пра тое, што ключавое ўздзеянне на мігрантаў у ходзе рээвакуацыі аказвалі савецкія органы ўлады, якія імкнуліся трымаць пад кантролем усе аспекты дэпартацыі насельніцтва.

Ключавыя словы: бежанства; рээвакуацыя; вымушаныя мігранты з Беларусі; Першая сусветная вайна.

Образец цитирования:

Карнялюк В. Р. Рээвакуацыя вымушаных мігрантаў з Беларусі: удзел беларускіх бежанскіх арганізацый у каардынацыі працэсу (1917–1918) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 41–49.

For citation:

Karnaliuk V. R. Re-evacuation of forced migrants from Belarus: Belarusian refugee agencies and organizations in the coordination process (1917–1918). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 41–49 (in Belarus.).

Автор:

Віталій Грыгор'евіч Корнелюк – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры туризма и культурного наследия факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Vitaly R. Karnaliuk, PhD (history), docent; associate professor at the department of tourism and cultural heritage, faculty of history, communication and tourism.
zrumljowa@mail.ru

РЕЭВАКУАЦИЯ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ ИЗ БЕЛАРУСИ: УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКИХ БЕЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КООРДИНАЦИИ ПРОЦЕССА (1917–1918)

В. Г. КОРНЕЛЮК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Изучается одна из самых сложных страниц истории вынужденной миграции из Беларуси в годы Первой мировой войны – реэвакуация 1917–1918 гг. Исследуются место и масштаб участия белорусских беженских организаций в его координации. Отмечено, что продолжительность реэвакуации и участие в ней представителей власти, которая сменялась в России в ходе революционных потрясений несколько раз, позволяют увидеть возможности воздействия на белорусских беженцев различных политических сил, в том числе белорусских. На основании новых материалов Государственного архива Российской Федерации, материалов периодической печати 1917–1918 гг. и новейших исследований по истории беженства утверждается, что беженцы настораживали политиков своей этнической и социально-экономической пестротой, а также связанным с их присутствием комплексом бытовых проблем, приоритетных в сравнении с вопросами какого-либо политического влияния для мигрантов. Сделан вывод о весьма ограниченном влиянии на беженцев со стороны белорусских политиков. Высказано мнение о том, что ключевое воздействие на мигрантов в ходе реэвакуации оказывали советские органы власти, которые стремились держать под контролем все аспекты депортации населения.

Ключевые слова: беженство; реэвакуация; вынужденные мигранты из Беларуси; Первая мировая война.

RE-EVACUATION OF FORCED MIGRANTS FROM BELARUS: BELARUSIAN REFUGEE AGENCIES AND ORGANIZATIONS IN THE COORDINATION PROCESS (1917–1918)

V. R. KARNALIUK^a

^aYanka Kupala State University of Hrodna, 22 E. Ažėška Street, Hrodna 220023, Belarus

The article is devoted to one of the most difficult pages in the history of forced migration from Belarus in the World War I – the period of re-evacuation 1917–1918 – time changes in the coordination of this migration process. The research problem and the scale of participation of Belarusian refugee organizations in the coordination of this process. Its duration and participation of various authorities, which succeeded each other in Russia during the revolutionary turmoil re-evacuation of telepremera research, as it allows you to see the possibilities of influence on the Belarusian refugees of various political forces, including and Belarusian. Based on new materials of the State archive of the Russian Federation, materials of periodicals of 1917–1918 and the latest research on the history of refugee status, the article notes that refugees alarmed the politicians of their ethnic and socio-economic diversity and connectedness with complex domestic problems, which for them was a priority compared to the issues some political influence. The author concludes on a very limited influence on the refugees by Belarusian politicians. A key influence, according to the author, migrants during re-evacuation were provided by the Soviet authorities who sought to control all aspects of the deportation of the population.

Key words: refugees; re-evacuation; forced migrants from Belarus; the World War I.

Уводзіны

У гісторыі вымушанай міграцыі з Беларусі 1914–1923 гг. перыяд рээвакуацыі займае асобнае месца. Адметнасць гэтага працэсу заключаецца ў тым, што ён адбываўся ва ўмовах зменлівай міграцыйнай палітыкі. Пытанні яго каардынацыі шчыльна звязаны з праблемамі эфектыўнасці кіравання ўсім бежанскім рухам. На падставе новых матэрыялаў з крыніц Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (Масква), Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Гродна, выданняў перыядычнага друку 1917–1918 гг., а таксама вынікаў найноўшых

даследаванняў гісторыі бежанства (працы В. Бахурына, І. Бяловай, У. Ляхоўскага, А. Прымака-Онішка, В. Саматыі, А. Чарнякевіча) намі зроблена спроба вызначыць ступень удзелу беларускіх бежанскіх арганізацый і ўстановаў у каардынацыі працэсу рээвакуацыі бежанцаў з Беларусі. Можам зрабіць папярэднюю выснову пра тое, што, калі б беларускія арганізацыі і ўстановы ў пэўных умовах здолелі ажыццявіць каардынацыю бежанцаў з Беларусі, яны атрымалі б шматтысячную армію сваіх прыхільнікаў.

Асноўная частка

Вяртанне дадому з'яўлялася галоўнай мэтай пераважнай большасці бежанцаў і асоб, эвакуіраваных з усіх заходніх губерняў Расійскай імперыі. Таму пераконваць іх у неабходнасці вяртання ніколі не было патрэбы, стаяла задача арганізаваць рээвакуацыю.

Масава працэс рээвакуацыі пачаўся ў 1917 г., галоўным штуршком да яе стала, безумоўна, рэвалюцыйная катастрофа ў Расіі.

Паколькі вяртанне мігрантаў адбывалася не проста паэтапна, а з вялікай колькасцю прыпынкаў, выкліканых ваеннымі і палітычнымі абставінамі 1917–1921 гг., працэс знаходжання бежанцаў у рээвакуацыйным руху расцягваўся на тыдні, месяцы, а часам і на гады. Такі рух патрабаваў перманентнага вырашэння ўсяго комплексу пытанняў жыццезабеспячэння бежанцаў: жылля, харчавання, санітарна-медыцынскай дапамогі. Плённа такую міграцыйную палітыку маглі ажыццяўляць структуры з адпаведнымі адміністрацыйнымі і фінансавымі магчымасцямі.

Даследчыкі бежанскага руху ўжо адзначылі і ацанілі галоўныя крокі, якія рабіла кожная новая расійская ўлада ў справе рээвакуацыі 1917–1918 гг. У Расійскай імперыі працэсам бежанскага руху кіравалі афіцыйныя дзяржаўныя ўстановы. Распараджэнні, неабходныя для арганізацыі ўсіх рээвакуацыйных мерапрыемстваў, даваліся ўрадам Упраўленню галоўнаўпаўнаважанага па ўладкаванні бежанцаў Паўночнага і Заходняга франтоў («Северопомощь»), галоўнаўпаўнаважаным па франтах і ўнутры імперыі, а таксама Камітэтам вялікай княжны Таццяны Мікалаеўны для аказання часовай дапамогі пацярпелым ад ваенных дзеянняў (Таццянінскі камітэт).

Ад асобай нарады дапамогі бежанцам пры Міністэрстве ўнутраных спраў адпаведныя распараджэнні адпраўляліся ў згаданыя вышэй арганізацыі, перадаваліся губернатарам і далей – праз выканаўчыя камісіі губернскіх земскіх камітэтаў – у выканаўчыя камісіі пры павятовых земскіх камітэтах і гарадскія камітэты па справах бежанцаў пры гарадскіх управах, адкуль, у сваю чаргу, накіроўваліся ў адмысловыя ніжэйшыя валасныя, участковыя і гарадскія папярчальствы. Адначасова ад губернскага праўлення паступалі распараджэнні земскім начальнікам і паліцэйскім спраўнікам. На міністэрскім узроўні свае задачы таксама атрымліваў Галоўны па забяспячэнні арміі камітэт Усерасійскіх земскага і гарадскога саюзаў (Земгар) і нацыянальныя бежанскія арганізацыі. Апошнія мелі шчыльныя кантакты з Таццянінскім камітэтам. Па згаданых адміністрацыйных кірунках

пералічваліся і адпаведныя дзяржаўныя сродкі, якія і з'яўляліся асноўнай (у параўнанні з рознымі ахвяраваннямі) крыніцай фінансавання. Пераважна за гэтыя сродкі дзейнічалі таксама ўсе нацыянальныя арганізацыі дапамогі пацярпелым ад вайны, якія мелі часам яшчэ і дадатковыя крыніцы фінансавання.

Пры Часовым урадзе агульнай справай каардынацыі міграцыйнай палітыкі займаўся асобны міжведамасны камітэт па папярэднім распараўцы плана харчовых і санітарных мерапрыемстваў падчас дэмабілізацыі войска і зваротнага вяртання бежанцаў, першае пасяджэнне якога адбылося, аднак, толькі 21 кастрычніка 1917 г. [1, с. 113].

У лютым 1917 г. Таццянінскі камітэт быў аб'яднаны з асобым аддзелам дапамогі пры Міністэрстве ўнутраных спраў. Пазней у гэтым жа годзе на базе Таццянінскага камітэта была арганізавана часовая калегіяльная структура – Усерасійскі камітэт аказання дапамогі пацярпелым ад ваенных дзеянняў, у склад якога ўвайшлі ўсе буйныя ўстановы, якія прымалі ўдзел у справе падтрымкі бежанцаў. Новая арганізацыя спыніла дзейнасць пасля прыходу да ўлады большавікоў, але перад гэтым, на II з'ездзе прадстаўнікоў мясцовых аддзяленняў былога Таццянінскага камітэта 16–19 красавіка 1917 г., у адпаведнасці з тагачаснай палітычнай атмасферай у краіне, падкрэслівалася, што «ўсе аддзяленні камітэта павінны былі кіравацца выбарным пачаткам для камплектавання сваіх прэзідыумаў і прынцыпам дэмакратызацыі сваіх устаноў»¹ [2, с. 34].

З 19 па 25 лістапада 1917 г. у Маскве праходзіў II Усерасійскі з'езд бежанцаў, дэлегаты якога накіравалі губернскім Саветам дэпутатаў рэзалюцыю з прапановамі «правільнай» арганізацыі дапамогі бежанцам. На месцах з'явіліся губернскія (потым – павятовыя, валасныя) Саветы бежанцаў. Гэтыя органы разглядалі ўсе актуальныя праблемы штодзённага жыцця бежанцаў. Але з 1 ліпеня 1918 г. павятовыя Саветы бежанцаў былі ліквідаваны [3, с. 281, 285, 289, 291]. У складзе Наркамата па ваенных справах РСФСР у красавіку 1918 г. была створана Цэнтральная калегія па справах ваенна-палонных і бежанцаў (Цэнтрпалонбеж), якая ўжо ў маі 1919 г. перадавалася ў падпарадкаванне Наркамата ўнутраных спраў РСФСР [4]. Па распараджэнні Цэнтрпалонбежа адпаведныя дзеянні выконвалі такія арганізацыі і ўстановы, як Галоўнае ваенна-санітарнае ўпраўленне, Расійскае таварыства Чырвонага Крыжа, аб'яднаныя Усерасійскі земскі і гарадскі саюзы, органы Народнага камісарыята аховы здароўя². З пачатку 1920 г. справай вымуша-

¹Тут і далей пераклад наш. – В. К.

²Дзяніца. 1918. 25 кастр. (№ 35).

ных мігрантаў кіравала Цэнтральнае ўпраўленне па эвакуацыі насельніцтва (Цэнтрэвак) [3, с. 292].

Такое рэфармаванне сістэмы дапамогі вымушаным мігрантам пацягнула пераразмеркаванне не толькі маёмасці ранейшых арганізацый, але і іх функцый. Падчас гэтага рэфармацыйнага працэсу ў каардынацыю рээвакуацыі бежанцаў паспрабавалі ўключыцца розныя грамадскія нацыянальныя арганізацыі. Сярод іх былі і тыя, што арыентаваліся найперш на велізарную масу бежанцаў з Беларусі.

Аб тым, што ў 1917 г. бежанскае пытанне бачылася беларускім палітыкам прыкрытэтым, сведчыць той факт, што ўжо на другі дзень працы I Усебеларускага кангрэса па патрабаванні А. Цвікевіча яно разглядалася другім па чарзе пасля пытання пра палітычнае становішча краіны і лёс Беларусі. Пры гэтым кірункі актыўнага ўдзелу ў бежанскім пытанні беларускага боку, акрэсленыя ў прамове А. Цвікевіча «Стан рэчаў дапамогі бежанцам і задачы з'езда ў гэтай справе», былі цалкам слушнымі і практычнымі і пацвярджалі, што беларускія палітычныя лідары мелі рацыянальнае бачанне вырашэння дадзенай праблемы¹.

Бежанцы ў сваім руху дадому чуйна рэагавалі на ўсе крокі розных арганізацый і ўстаноў, уключаных у працэс рээвакуацыі. З верасня 1917 па люты 1918 г. тэрыторыі Мінскай, Віленскай і Магілёўскай губерняў, не акупаваныя немцамі, знаходзіліся ў штучным часовым ваенна-палітычным аб'яднанні, якое называлася «Заходняя вобласць», з цэнтрам спачатку ў Мінску, а з лютага – у Смаленску [5, с. 59]². Паўднёвыя землі Беларусі – Брэсцкі, Кобрынскі, Пінскі, Мазырскі, Рэчыцкі і часткова Пружанскі паветы – трапілі пад адміністрацыйны ўплыў Украінскай Народнай Рэспублікі пры фактычным кантролі гэтых тэрыторый з боку акупаванай нямецкай адміністрацыі [6, с. 234]. У выніку 32 жыхары Кобрынскага павета, якія жылі ў бежанстве ў Мосальскім павеце, у лісце ў калужскае губернскае ўпраўленне па справах палонных і бежанцаў (губпленбеж) у маі 1918 г. папрасілі, каб іх адправілі або дадому, або ў адну з паўднёвых губерняў, населеных «аднаплямённымі братамі Маларосіі», такімі ж, як яны «па веры і нацыянальнасці», і спасылаліся на факт адыходу па міжнародных пагадненнях іх родных зямель да Маларосіі³. У сувязі з гэтым узнікае пытанне: якая на-

цыянальная арганізацыя павінна была ўключыцца ў справу вяртання гэтых людзей – беларуская, украінская альбо руская? Кожная мела свае падставы праявіць актыўнасць у гэтай справе. З трыбуны Усерасійскага з'езда бежанцаў з Беларусі ў Маскве, які адбыўся 15–21 ліпеня 1918 г., З. Жылуновіч прамовіў: «Раней мы не ведалі, што мы беларусы...». Тым не менш вымушаных беларускіх мігрантаў адпаведныя арганізацыі і ўстановы працягвалі бачыць рускімі або палякамі⁴. У такіх абставінах тыя грамадскія і палітычныя дзеячы, якія спрабавалі вырашаць праблемы бежанцаў, мусілі імкнуцца да палітычнага кампрамісу і мець палітычную празорлівасць ды гнуткасць. Адметным ў гэтым плане з'яўляецца прыклад дзейнасці А. Цвікевіча ў маскоўскім аддзяленні арганізацыі «Беларуская народная грамада». Нягледзячы на істотную розніцу ў палітычных поглядах яе членаў, палітык здолеў ажыццявіць пэўныя крокі з мэтай практычнай дапамогі бежанцам-беларусам, якія апынуліся ў адной са сталіц Расіі⁵. Па звестках газеты «Дзянніца», якая выступала як сродак асветы найперш маскоўскай часткі беларускіх бежанцаў, пра іх заўважную культурную актыўнасць сведчылі перыядычныя зборы беларусаў у Маскве, стварэнне беларускага хору, завязванне кантактаў больш чым з 60 культурна-асветніцкімі беларускімі арганізацыямі па ўсёй Расіі⁶.

Таму, стоячы на трыбуне I Усебеларускага кангрэса, А. Цвікевіч разумеў тое, да чаго заклікаў стракатую масу дэлегатаў. Менавіта на такую комплексную, апэратыўную і, разам з тым, палітычна карэктную дзейнасць накіроўваў ён сваіх калег-палітыкаў пазней, настойваючы на стварэнні Беларускага краёвага эканамічнага савета з «маёмасцю і капіталамі ваенна-грамадскіх, тэхнічных і санітарных арганізацый, якія знаходзіліся ў межах Беларусі»⁷. Такая пазіцыя па пытанні бежанцаў пераклікаецца са зместам звароту да ўдзельнікаў з'езда беларусаў-інвалідаў і бежанцаў, які адбыўся 28–29 лістапада 1917 г. у зале Цэнтральнай вайскавай беларускай рады (ЦВБР). У гэтай адозве можна адзначыць такія акцэнтны, як заклік да аб'яднання намаганняў, гуртавання вакол Вялікай беларускай рады (ВБР) як «адзінага правамочнага органа ўсёй Беларусі». Акрамя таго, фармулявалася абяцанне ад імя ВБР і ЦВБР «выкарыстаць усе магчымасці, каб вярнуць бежанцаў на свае папалішчы»⁸. Разгон

¹Беларуская Рада. 1917. 17 снеж. (№ 11).

²Резолюция II съезда Советов Западной области о создании области (г. Смоленск, 11 апреля 1918 г.) // Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов : в 2 т. Минск : БГУ, 2012. Т. 1 : Март 1917 – ноябрь 1926 / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. С. 33–34.

³Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-3333. Оп. 7. Ед. хран. 8. Л. 128–128 об.

⁴Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве 15–21 июля 1918 года. М. : Издательство Белорусского Национального комиссариата, 1918. С. 17.

⁵От собственного корреспондента // Белорус. эхо. 1918. 3 июня (№ 2). С. 2.

⁶Дзянніца. 1918. 7 чэрв. (№ 15). С. 4.

⁷К съезду инвалидов и беженцев // Великая Рада. 1917. 27 нояб. (№ 2). С. 3.; 30 нояб. (№ 3). С. 3.

⁸Беларуская Рада. 1917. 17 снеж. (№ 11).

кангрэса не дазволіў рэалізаваць абвешчаныя на ім планы вырашэння бежанскага пытання. Бальшавіцкія органы ўлады не збіраліся аб'ядноўваць намаганні з беларускімі некамуністычнымі лідарамі.

Аднак своеасаблівым прыкладам такога аб'яднання намаганняў быў створаны 31 студзеня 1918 г. Беларускі нацыянальны камісарыят (Белнацкам), пры якім функцыянаваў аддзел па пытаннях бежанцаў на чале з І. Яхімовічам. Аддзел праводзіў актыўную працу па арганізацыі адпраўкі бежанцаў, вёў перапіску з бежанскімі арганізацыямі на месцах і асобнымі бежанцамі, ажыццяўляў перапіс вымушаных мігрантаў. Вядома, што розныя адміністрацыйныя ўлады – савецкая, нямецкая, літоўская, украінская, польская – патрабавалі ад мігрантаў шмат дакументаў для перасячэння мяжы¹. Структуры Белнацкама імкнуліся дапамагчы у гэтым бежанцам-беларусам. Толькі за адзін месяц з 21 мая па 20 чэрвеня 1918 г. аддзелам па пытаннях бежанцаў Белнацкама пры Народным камісарыяце па справах нацыянальнасцей РСФСР былі выдадзены 434 пасведчанні бежанцаў з аднакай у кожным з іх нацыянальнасці «беларус»². Былі і іншыя паспяховыя вынікі працы камітэта ў справе рээвакуацыі: яго намаганнямі ў Мінск вярнуўся мясцовы настаўніцкі інстытут, мужчынская казённая гімназія, інвентар рамеснай школы [7, с. 212].

Аднак, па словах В. Утгаф, камітэт, «апынуўшыся паміж варожымі грамадска-палітычнымі і дзяржаўнымі арганізацыямі... імкнуўся абараніць інтарэсы беларускіх бежанцаў, і на старонках свайго друку заклікаў іх ствараць свае нацыянальныя бежанскія камітэты, якія былі прызначаны абараніць нацыянальныя і палітычныя правы беларусаў на тэрыторыі Расіі» [1, с. 104]. Рабілася гэта супрацоўнікамі Белнацкама ў тым ліку агітацыйнымі, асветніцкімі сродкамі з мэтай «абудзіць інертную масу, унесці ў яе розумы хаця б прабліскі грамадзянскай і нацыянальнай самасвядомасці» [1, с. 105]. Адным з органаў друку, на старонках якога бежанская тэма знайшла заўважнае месца, была газета «Дзянніца», што выходзіла намаганнямі З. Жылуновіча. Гэты штотыднёвік інфармаваў беларускую масу бежанцаў на іх роднай мове пра важныя для іх арганізацыйныя мерапрыемствы, якія праводзілі бежанскі аддзел Белнацкама і розныя іншыя беларускія арганізацыі³. На старонках газеты друкаваліся аб'явы пра падрыхтоўку агульнага беларускага бежанскага з'езда, паведамлялася пра магчымасць звароту да афіцыйных прадстаўнікоў камітэта ў розных гарадах Расіі і Беларусі⁴.

Ацэньваючы дзейнасць Белнацкама ў каардынацыі бежанскага руху, адзначым, што беларускі змест у ёй пераплятаўся з камуністычным светапоглядам. Як слушна заўважыў В. Скалабан, дзейнасць Белнацкама была «значнай агітацыйна-палітычнай і арганізацыйнай <...> па прывабліванні беларусаў на тэрыторыі Савецкай Расіі, найперш сярод бежанцаў, на бок савецкай улады» [8, с. 15]. Такі падыход знаходзіў паразуменне ў значнай часткі бежанцаў з Беларусі, аднак не ва ўсіх. Белнацкам быў структурай савецкага дзяржаўнага органа і дзейнічаў як частка апарату ўлады – з адпаведнымі паўнамоцтвамі і адміністрацыйнымі магчымасцямі. Аднак праз адсутнасць адзінства поглядаў у кіраўніцтве Белнацкама на праблему беларусізацыі школы беларускамоўных адукацыйных асяродкі, якімі ён апекаваўся, дзейнічалі толькі ў Петраградзе. У той жа час 100 тыс. руб., выдаткаваных Народным камісарыятам асветы РСФСР у маі 1918 г. на арганізацыю пазашкольнага навучання сярод бежанцаў-беларусаў, пайшлі на правядзенне прапагандысцкіх акцый, стварэнне нагляднай агітацыі і выданне бальшавіцкай палітычнай літаратуры [3, с. 212–213]. Савецкім зместам дзейнасці Белнацкама можна патлумачыць тое, што 60 няўрадавых беларускіх арганізацый, большасць з якіх падтрымлівалі ВБР і выступалі супраць разгону I Усебеларускага кангрэса, былі ліквідаваныя як «класава варожыя ў дачыненні да савецкай улады» [3, с. 214].

Газета «Дзянніца» як орган Белнацкама, мэтанакіравана спрыяла «адукацыйным і культурным патрэбам бежанцаў», якія прыхільна ставіліся да сацыялістычных ідэй [1, с. 106]. Аднак са зместу бежанскіх зваротаў і лістоў у розныя арганізацыі і ўстановы, у тым ліку структуры Белнацкама, мы бачым, што асноўнымі патрэбамі вымушаных мігрантаў, пра якія ідзе гаворка ў гэтых дакументах, былі харчаванне, адзенне, прытулак і магчымасць руху ў зваротным напрамку – дадому. Такі змест зваротаў спалучаўся са скаргамі бежанцаў на сваё гаротнае жыццё, якое стала яшчэ больш складаным з 1917 г.⁵ Красамоўным прыкладам з'яўляецца ліст дыякана Іаана (Жыцінца), які служыў у кобрынскім саборы Святога Аляксандра Неўскага: «Звяртаемся да мясцовага насельніцтва за пакупкай хлеба, атрымліваем рашучую адмову. “Няма жыта, вы прыехалі – нас аб'елі”, – вось такі адказ», – чытаем у яго лісце⁶.

Натуральнае імкненне бежанцаў вярнуцца на сваю гаспадарку знаходзіць адлюстраванне ў фактах страхавання імі нерухомасці на праця-

¹Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-3333. Оп. 7. Ед. хран. 10. Л. 286 об.

²Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-3333. Оп. 2а. Ед. хран. 19. Л. 39, 58, 62, 63, 91, 142, 187, 236, 241, 313, 394, 409.

³Дзянніца. 1918. 7 чэрв. (№ 15). С. 1.

⁴Дзянніца. 1918. 25 кастр. (№ 35). С. 1.

⁵Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-3333. Оп. 7. Ед. хран. 10. Л. 96-97, 128-128 об., 182, 193, 229–229 об.

⁶Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 6978. Оп. 1. Ед. хран. 750. Л. 112.

гу ўсяго перыяду вымушанай міграцыі. Так, згодна з ведамасцю страхавання, за 1916–1918 гг. у Вярховіцкім валасным праўленні Брэсцкага павета ў в. Калінкавічы 1843 гаспадары выплацілі 7814 руб. 41 кап. страхавых узносаў за 5018 сялянскіх пабудоў агульным коштам 882 129 руб. За той жа перыяд гаспадары Гожскай воласці Гродзенскага павета застрахавалі 2719 пабудоў агульным коштам 17 429 391 руб.¹ Аднак у абсалютнай большасці бежанцы ўсведамлялі, што будуць вяртацца, як трапіна на заўважыў адзін з іх, «на голы камень» [9, с. 265]. Адукацыя і культура ў такіх абставінах рээвакуацыі вельмі рэдка сустракаюцца ў ліку патрэб бежанцаў, адлюстраваных на старонках архіўных дакументаў. Выключэнні, вядома, ёсць: часам для абгрунтавання неабходнасці ў пайку ці іншай матэрыяльнай дапамозе ў бежанскім хадайніцтве вялася гаворка пра вучобу дзяцей і патрэбу яе працягваць². Вось толькі для вырашэння сацыяльна-эканамічных праблем Белнацкам не меў ні дастатковых эканамічных, ні дыпламатычных паўнамоцтваў. Слабым звязом гэтай адміністрацыйнай структуры была таксама «тэхнічная непрыстасаванасць апарату камісарыяту... недахоп супрацоўнікаў і адсутнасць матэрыяльнай падтрымкі» [1, с. 108–109]. Вызначаная Аблвыкамзахам «абмежаванасць дзейнасці Белнацкама тэрыторыяй Савецкай Расіі і немагчымасць уплываць на насельніцтва этнічна беларускіх зямель», пра якую казаў У. Ляхоўскі, істотна змяншала ўплыў дадзенай арганізацыі на працэс рээвакуацыі беларускіх бежанцаў [7, с. 214].

Такую функцыянальную непрыстасаванасць галоўнай савецкай беларускай установы таго часу да бежанскага пытання імкнуліся выкарыстаць іншыя арганізацыі.

Прыкладам паралельнай актыўнасці розных устаноў можна лічыць дзейнасць гродзенскага аддзялення Усерасійскага камітэта дапамогі ахвярам вайны – спадкаемцу Таццянінскага камітэта. Яно аб'ядноўвала вакол сябе самыя розныя арганізацыі, якія, у сваю чаргу, злучалі грамадскія структуры розных груп насельніцтва губерні³. Згаданая разнастайнасць арганізацый сведчыць пра складанасць каардынацыі дзеянняў паміж імі. Існавала таксама Аб'яднанне грамадскіх арганізацый і прадстаўнікоў грамадскіх груп Гродзенскай губерні пад кіраўніцтвам актывіста А. Бахановіча. Узнікненне такой арганізацыі было заканамерным: сярод 224 дэлегатаў Усерасійскага з'езда бежанцаў

з Беларусі, які праходзіў з 15 па 21 ліпеня 1918 г., 70 % складалі дэлегаты – жыхары Гродзенскай губерні⁴. Адзначым, што А. Бахановіч не вызначаў якой-небудзь нацыянальнай адметнасці сваёй арганізацыі, падкрэсліваючы, што яна аб'ядноўвае ўсіх выхадцаў з Гродзеншчыны. Гэта магло дэарыентаваць тую частку ўцекачоў, якая арыентавалася на нацыянальныя бежанскія структуры. З другога боку, на той час у названае аб'яднанне ўваходзілі такія разнастайныя па складзе і ідэйных поглядах сваіх членаў арганізацыі, як, напрыклад, «Воінскі саюз Гродзенскай губерні» і «Таварыства аб'яднання і ўзаемнай дапамогі насельніцтва Гродзенскай губерні», прадстаўніцтва Выканкама Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў, з'езда духавенства Гродзенскай губерні, Саюза Грамадзян Гродзенскай губерні, Саюза чыноўнікаў Гродзенскай губерні⁵. У задачах іх дзейнасці падкрэслівалася шмат для каго прывабная грамадская пазіцыя: дзейнасць без уліку нацыянальнасцей і класаў дзеля аказання ўсебаковай дапамогі сем'ям таварыстваў і падрыхтоўкі іх да вяртання на родныя месцы⁶. Разумеючы неабходнасць у большай колькасці паўнамоцтваў для ўсталявання стасункаў з расійскімі і нямецкімі ўладамі, А. Бахановіч 4 жніўня 1917 г. абвясціў аб стварэнні Губернскага цэнтральнага камітэта па аказанні дапамогі насельніцтву, які павінен быў аб'яднаць прадстаўнікоў выканкамаў Расійскага Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў і Усерасійскага Савета сялянскіх дэпутатаў з ліку жыхароў Гродзенскай губерні «без выключэння ніякіх класаў насельніцтва губерні, без усялякіх абмежаванняў саслоўяў»⁷. Аднак насамрэч такая арганізацыя не была створана, і А. Бахановіч ад імя згаданага аб'яднання прыняў удзел у спробе стварэння чарговай супольнай грамадскай установы.

Па ініцыятыве Польскага таварыства вяртання ў Літву і Беларусь прапаноўвалася стварыць камітэт аб'яднаных нацыянальных і грамадскіх арганізацый вяртання ў Літву і Беларусь. Удзельнікамі спробы такой кансалідацыі былі акрамя прадстаўнікоў таварыства члены татарскіх, яўрэйскіх, рускіх і літоўскай аргаізацый. Але на працягу чатырох пасяджэнняў з 15 сакавіка па 3 красавіка 1918 г. іх удзельнікі не здолелі дамовіцца ні пра аб'яднанне намаганняў, ні нават пра найменне самой арганізацыі⁸. Красамоўнымі выглядаюць прапановы назваў, якія адлюстроўвалі ўстойлівыя палітычныя

¹ Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 736. Воп. 1. Адз. зах. 1. Арк. 232 адв. Ф. 196. Воп. 2. Адз. зах. 1.

² Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 1213. Воп. 1. Адз. зах. 2. Арк. 35, 102, 111, 113, 125, 260, 265.

³ Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 1622. Воп. 3. Адз. зах. 1. Арк. 3–5.

⁴ Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве 15–21 июля 1918 года. М. : Издательство Белорусского Национального комиссариата, 1918. С. 4–10.

⁵ Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 1622. Воп. 3. Адз. зах. 1. Арк. 31.

⁶ Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 1213. Воп. 1. Адз. зах. 1. Арк. 29.

⁷ Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 1213. Воп. 1. Адз. зах. 1. Арк. 33–33 адв.

⁸ Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 5115. Оп. 4. Ед. хран. 1. Л. 7–7 об. 8, 13.

і культуралагічныя вызначэнні: «Заходні (Паўночна-Заходні) край», «Беларускія і літоўскія губерні (вобласці)». Найменне «Беларусь» як адметная назва краіны выключалася. Аднак усе прапановы былі непрымальнымі то для адной, то для другой групы нацыянальных прадстаўнікоў¹. Літоўцы ўвогуле не пагадзіліся паслаць афіцыйных прадстаўнікоў ні на адно з пасяджэнняў, спаслаўшыся на «цёмныя палітычныя акалічнасці», а іх грамадскае аб'яднанне «Грудас» хаця і прысутнічала на пасяджэннях, але не мела патрэбнага прадстаўнічага статусу. Характар абмеркавання, рэплікі, спрэчкі ўдзельнікаў пасяджэнняў адлюстроўвалі ўзаемны недавер, падазронасць удзельнікаў. Усё закончылася фармальным рашэннем аб стварэнні інфармацыйнага бюро з перыядычнымі зборамі прадстаўнікоў усіх арганізацый². Такі вынік сведчыў пра галоўнае: аб'яднанне грамадскімі намаганнямі ва ўмовах грамадзянскага і нават ваеннага супрацьстаяння было маладасягальным.

Магчымаць аб'яднання і каардынацыі бежанскага руху ў такіх умовах мела толькі ўладная структура. Пра гэта сведчаць звароты А. Бахановіча зімой 1918 г. у Петраградскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў з пытаннямі аб прыняцці рашэння пра бежанцаў з Гродзенскай губерні, якія рушылі саствамі з Калужскай губерні, Уфы і Ніжняга Ноўгарада, галадалі і не мелі магчымасці ехаць далей праз забарону перамяшчэння па прыфрантавой тэрыторыі³.

Яшчэ адным магчымым каардынатарам бежанскага зваротнага руху маглі выступаць адпаведныя структуры Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР), ўтварэнне якой было вынікам усяго працэсу беларускага нацыянальнага адраджэння. Яе палітычныя лідары не пакідалі па-за ўвагай бежанскую праблему. Прадстаўнікі БНР ў Оршы прымалі ўдзел у пропуску бежанцаў на тэрыторыю, акупаваную нямецкімі войскамі [6, с. 213]. Ёсць звесткі пра тое, што кіраўнікі БНР вялі працу па магчымым вяртанні асобных груп бежанцаў-беларусаў з Сербіі і Балгарыі. Ажыццяўлялася гэта дзейнасць у 1921 г., калі кіраўніцтва рэспублікі ўжо знаходзілася ў эміграцыі, а асноўная маса бежанцаў з беларускіх зямель ішла з усходняга, расійскага, кірунку⁴. На лідараў БНР арыентаваліся і з імі кантактавалі разнастайныя грамадскія беларускія арганізацыі ў Калужэ, Варонежы, Туле, Яраслаўлі, аднак кіраўнікі рэспублікі ніякіх рэальных рычагоў уздзеяння з канца 1918 г. ужо не мелі [7, с. 214].

У навуковай літаратуры даюцца розныя ацэнкі гэтых падзей. Напрыклад, В. Утгаф мяркуюе, што

беларускі ўрад сапраўды імкнуўся наладзіць працу сярод бежанцаў у Расіі. На прыкладзе дзейнасці Беларускага таварыства «Гай» даследчыца робіць выснову пра тое, што «пры стварэнні бежанскіх арганізацый на месцах паралельна афармляліся і дзяржаўныя прадстаўніцтвы БНР» [1, с. 90]. Аднак гэта дзейнасць насіла дэкларатыўны характар [1, с. 91]. Роля і магчымасці прадстаўніцтваў цалкам залежалі ад палітычнага ўплыву кіруючых органаў гэтага дзяржаўнага ўтварэння. У выніку ваенная і палітычная рэчаіснасць 1918–1921 гг. прывяла да таго, што гэтыя планы ажыццяўляліся зусім не ў тых памерах, якія адпавядалі колькасці рэпатрыянтаў у Беларусь.

Фактычна ўвесь механізм вяртання бежанцаў ажыццяўляўся структурамі, якія падпарадкоўваліся новым бальшавіцкім дзяржаўным органам. Апошнія пакідалі пэўную долю ўплыву ў сферы культуры таму ж камуністычнаму Белнацкаму, усе астатнія пытанні трымалі на ўласным кантролі, бо ад пачатку «імкнуліся сканцэнтравать усю ўладу над бежанцамі» [1, с. 134]. Пра суцэльны кантроль нагадваюць радкі з ліста старшыні Цэнтрпалонбежа ў СНК ад 26 лютага 1918 г. з настойлівай прапановай забароны «ўсялякага самавольнага ўмяшальніцтва асобных арганізацый у паўнамоцтвы цэнтральнай калегіі без прамой на тое задачы... а ўсялякае аматарства і саматужную дзейнасць прыпыняць паўнамоцтвамі, прадстаўленымі ёй Саўнаркамам»⁵. Можна пагадзіцца ў мэтазгоднасці такой жорсткай устаноўкі на парадак каардынацыі бежанскай рээвакуацыі ў тых умовах дыпламатычнай і ваеннай нявызначанасці 1918 г. і палітычнага супрацьстаяння савецкай улады з усімі астатнімі палітычнымі сіламі, у тым ліку беларускімі.

Каб паўней ацаніць крызіснае становішча, у якім апынуліся беларускія палітыкі ва ўмовах фактычнага дыпламатычнага непрызнання беларускай дзяржавы ніводнай з памежных краін (беларускі ўрад, які, па словах А. Луцкевіча, «памяшчаўся ў вагонах скорых паяздоў Еўропы», марна шукаў падтрымкі на міжнародных канферэнцыях і перамовах, бо нікому не быў патрэбны), варта згадаць і насцярожанае стаўленне бежанцаў да нацыянальных беларускіх палітычных лозунгаў [10, с. 105, 122]. З аднаго боку, бежанцы з 1917 г. усё часцей называлі сябе беларусамі: з лістоў у германскае консульства на дазвол выезду груп бежанцаў вынікае, што праз германа-расійскую мяжу з 1 жніўня па 31 кастрычніка 1918 г. рушыла не менш за 61 884⁶ тых, хто пазначаў сябе ў дакументах як «бежанцы-беларусы»¹. З другога боку, гэтыя вымушаныя

¹Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 5115. Оп. 4. Ед. хран. 1. Л. 7–7 об.

²Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 5115. Оп. 4. Ед. хран. 1. Л. 13.

³Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хран. 265. Л. 2, 10.

⁴Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 5782. Оп. 1. Ед. хран. 5. Л. 9–12 об.

⁵Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хран. 144. Л. 77 об.

⁶Падлік наш. – В. К.

мігранты казалі пра сябе як пра расійскіх грамадзян². Ісці за незалежнымі нацыянальнымі лідарамі яны не былі гатовыя і не хацелі. «Беларусь павінна быць непадзельнай краінай і ўваходзіць у склад Расійскай Федэратыўнай Рэспублікі», – чытаем у рэзалюцыі ад 28 студзеня 1918 г. бежанцаў-беларусаў у Адэсе [6, с. 229].

Па сутнасці, магчымасць уздзеяння, хаця б мінімальную, на вымушаных мігрантаў з беларускіх губерняў у прадстаўнікоў БНР была толькі на акупаваных немцамі, а пазней палякамі, тэрыторыях, калі туды ўжо вярталіся бежанцы, пазначаныя ў польскіх дакументах як «рэпатрыянты». І тут кіраўніцтва БНР звязвала з іх вяртаннем вырашэнне розных, у тым ліку дыпламатычных, праблем (напрыклад, для высвятлення беларуска-літоўскіх

адносін у дачыненні да тэрыторый Гродзеншчыны і Віленшчыны). Але адлегласць паміж дэклараваннем значнасці бежанскага пытання і яго практычным вырашэннем была істотная³. Нягледзячы на наяўнасць дасведчаных, энергічных, здольных беларускіх палітыкаў-арганізатараў, такіх як А. Цвікевіч ці З. Жылуновіч, накіраваных на практычную працу з бежанцамі з Беларусі, іх палітычная размежаванасць, з аднаго боку, і поўная адсутнасць дзеючых эканамічных і палітычных рычагоў БНР – з другога, не дазвалялі беларускім лідарам максімальна ўздзейнічаць на працэс рээвакуацыі гэтай катэгорыі насельніцтва, якое ў абсалютнай большасці было заклапочана пытаннямі ратавання сябе, сваякоў і найхутчэйшага вяртання дадому.

Высновы

Такім чынам, бежанцы з Беларусі вярталіся дадому, абапіраючыся на ўсе магчымасці і прапановы, у тым ліку з боку беларускіх арганізацый, якія спрабавалі ўздзейнічаць на бежанцаў як маглі. Гэта, безумоўна, мела свой плён. Сам факт прысутнасці дзясяткаў і соцень беларускіх актывістаў рознастайных арганізацый у ажыццяўленні рээвакуацыі было новым нацыятворчым фактарам уздзеяння на мігрантаў з Беларусі.

Аднак бежанцы патрабавалі ад палітыкаў вырашэння комплексу бытавых праблем, якія

з'яўляліся прыярытэтнымі для іх у параўнанні з пытаннямі палітычнага ўплыву і нацыянальнага асветніцтва. Беларускія нацыянальныя палітычныя дзеячы хоць і займаліся бежанскім пытаннем і добра разумелі яго ролю і значэнне, аднак не мелі палітычных і эканамічных магчымасцей ні комплексна вырашыць бежанскія штодзённыя праблемы, ні каардынаваць працэс рээвакуацыі. Гэта было адной з ключавых прычын аслаблення іх пазіцыі сярод велізарнай масы бежанцаў-беларусаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Утгоф В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2003.
2. Бахурин Ю. А. Татъининский комитет. 1914–1917 // Старый Цейхгауз. 2013. № 8. С. 48–53.
3. Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М. : АИРО-XXI, 2014.
4. Саматъя В. Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 2. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=631&Itemid=5 (дата обращения: 05.05.2016).
5. Кукса А. Н. Западная область: минский период (март 1917 – февраль 1918 г.) // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 11-й Междунар. науч.-техн. конф. : в 4 т. (Минск, 27–29 ноября 2013 г.). Минск, 2013. Т. 4. С. 59.
6. Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики. (На пути провозглашения республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918). Минск : Наука и техника, 1975.
7. Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915–1918 гг. Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства ; Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2010.
8. Скалабан В. В. Белорусский Национальный комиссариат (январь 1918 – март 1919) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1982.
9. Prymaka-Oniszk A. Biezenstwo–1915. Zapomniani uchodzy. Wolowiec : Wydawnictwo Czarne, 2016.
10. Чарнякевіч А. М. Чужы сярод сваіх: Павел Аляксук і беларускія «паланафілы». Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017.

¹Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-3333. Оп. 7. Ед. хран. 20. Л. 46, 47, 49, 55, 66–66 об., 78, 84, 122, 123, 127, 128, 142, 152, 172, 173, 181, 184, 185, 196, 201–201 об., 205, 206, 208, 209, 214, 226, 233, 240, 247, 251, 257–257 об.

²Постановление Общего Собрания белорусов-беженцев – жителей Казанской губернии о сохранении Белоруссии в составе РСФСР. От 23 апреля 1918 г. // Государственные границы Беларуси : сб. док. и материалов : в 2 т. Минск, 2012. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост. : В. Е. Снапковский [и др.].

³Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 5782. Оп. 1. Ед. хран. 1. Л. 107.

References

1. Utgoff V. S. [Belarusian refugees of the First World War, 1914–1922] : thesis of diss. ... PhD (history) : 07.00.02. Saint Petersburg, 2003 (in Russ.).
2. Bachurin J. A. [Committee by Tatyana. 1914–1917]. *Staryi Tseikhgauz* [Old Zeughaus]. 2013. No. 8. P. 48–53 (in Russ.).
3. Belova I. B. [Forced migrants: refugees and prisoners of war of World War I in Russia 1914–1925]. Moscow : AIRO-XXI, 2014 (in Russ.).
4. Samatya V. [The problem of refugees in Belarus during the World War I]. *Beloruss. zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Belarus. j. of int. law and int. relat.]. 2003. No. 2. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=631&Itemid=5 (date of access: 05.05.2016) (in Russ.).
5. Kuksa A. N. [Western region: Minsk period (March 1917 – February 1918)]. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike* [Science – society, production and economy] : materials of the 11th int. sci.-techn. conf. : in 4 vol. (Minsk, 27–29 Novemb., 2013). Minsk, 2013. Vol. 4. P. 59 (in Russ.).
6. Krutalevich V. A. [The birth of the Belarusian Soviet Republic. (On the way of proclamation of the Republic. October 1917 – December 1918)]. Minsk : Nauka i tekhnika, 1975 (in Russ.).
7. Ljahowski V. [School education in Belarus during the German occupation of 1915–1918]. Białystok : Belaruskae gis-tarychnae tavarystva ; Vilnius : Instytut belarusistyki, 2010 (in Belarus.).
8. Skalaban V. V. [Belarusian National Commissariat] : thesis of diss. ... PhD (history) : 07.00.02. Minsk, 1982 (in Russ.).
9. Prymaka-Oniszk A. [Refugees 1915. Memories of a migrant]. Wolowiec : Wydawnictwo Czarne, 2016 (in Pol.).
10. Charniakov A. M. [Stranger among his own: Pawel Aleksyuk and Belarusian «polonofils»]. Minsk : A. M. Yanush-kevich, 2017 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 18.09.2017.
Received by editorial board 18.09.2017.

УДК 94(476)«1921/1939»

ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)

Д. В. МОРОЗОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются ключевые законодательные акты, ставшие правовой основой охраны памятников на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Рассматривается структура польских государственных органов, ответственных за охрану культурного наследия. Утверждается, что благодаря данным законам и действиям окружных консерваторов Виленского, Новогрудского, Полесского и Белостокского воеводств многие архитектурные объекты, поврежденные в ходе Первой мировой войны, были сохранены до наших дней.

Ключевые слова: Западная Беларусь 1921–1939 гг.; охрана памятников; консервация; реставрация; съезды консерваторов; Виленский округ по консервации; Варшавский округ по консервации; Белостокский округ по консервации; Полесский округ по консервации.

LEGAL BASIS AND ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE MONUMENTS PROTECTION IN WESTERN BELARUS (1921–1939)

D. V. MAROZAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author in the article is analyzing key legislative acts, which were the basis for cultural heritage protection on the territory of Western Belarus in the period of 1921–1939. The structure of Polish state bodies responsible for the protection of monuments is reviewed. Because of these laws and actions of local monument conservators on the territory of Wilno, Novogrudok, Polesje and Białystok voivodships, many architectural objects of Western Belarus, damaged during the World War I were preserved and survived until now.

Key words: Western Belarus 1921–1939; heritage protection; conservation; restoration; convents of conservators; Vilno conservation district; Warsaw conservation district; Białystok conservation district; Polesje conservation district.

Введение

На территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Этот факт впервые запустил механизмы комплексного распространено действие польских законов, ной инвентаризации, изучения, консервации и реставрации белорусских памятников архитектуры регламентирующих вопросы охраны памятников¹.

¹ Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 26 września 1921 r. w przedmiocie rozciągnięcia na województwa: nowogródzkie, poleckie i wołyńskie oraz na powiaty: grodzieński, wołkowyski i białowiecki województwa białostockiego mocy obowiązującej dekretu z dnia 31 października 1918 roku o opiece nad zabytkami sztuki i kultury [Электронный ресурс]. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19210830585+1921%2410%2420&min=1> (дата обращения: 04.06.2017).

Образец цитирования:

Морозов Д. В. Правовая основа и организационная структура охраны памятников в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 50–56.

For citation:

Marozau D. V. Legal basis and organizational structure of the monuments protection in Western Belarus (1921–1939). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 50–56 (in Russ.).

Автор:

Дмитрий Викторович Морозов – аспирант кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор А. А. Гужаловский.

Author:

Dzmitry V. Marozau, postgraduate student at the department of ethnology, museology and art history, faculty of history.
dzmitry_marozau@yahoo.com

(хотя и в рамках идеологической политики, направленной на усиление символов присутствия польской культуры в регионе).

Благодаря активной позиции и целенаправленным действиям ряда польских чиновников и общественных деятелей разрозненные действия по охране памятников приобрели системный характер. Также был выработан механизм взаимодействия между государственными, общественными и духовными организациями, налажен межнациональный и межкультурный диалог в области охраны памятников. Эти события привели к накоплению в межвоенный период богатого массива информации о западнобелорусском историко-культурном наследии и, самое главное, обеспечили физическое сохранение ряда ключевых архитектурных объектов, которые находились в аварийном состоянии после окончания Первой мировой войны.

В польской историографии вопросы законодательства, касаемые охраны культурного наследия, были рассмотрены в серии работ Яна Петра Прушинского. Первая из них, «Правовая охрана памятников в Польше», была издана в 1977 г. [1]. Один из разделов монографии целиком посвящен межвоенному периоду. В дальнейшем автор развил данную тему в более полной монографии «Охрана памятников в Польше: становление, организация, право» [2], а также в отдельной статье по юридической проблематике «Охрана памятников во Второй Речи Посполитой – правовые вопросы» [3].

Законодательным актам, регулирующим охрану памятников, а также государственным органам, непосредственно ее осуществляющим, посвящена статья Каролины Зимна-Кавецкой «Охрана памятников и организация консерваторских управлений в Польше в межвоенный период на примере Поморского воеводства» [4]. В данной работе автор

подробно описывает историю организации консерваторских управлений, опираясь на законодательные акты того времени.

В белорусской историографии вопросы правовой охраны памятников затрагиваются в работе Л. М. Нестерчука «Охрана историко-культурного наследия Беларуси» [5]. Исследователь дает краткую характеристику этапов становления системы охраны памятников в 1921–1939 гг., перечисляет профильные государственные и общественные организации, а также основные законодательные акты, касающиеся данной проблемы. Тему, поднятую Л. М. Нестерчуком, развил А. М. Загидулин в статье «Реставрация и консервация памятников архитектуры в Западной Беларуси (1921–1939 гг.)» [6].

Необходимо отметить, что польские и белорусские исследования системы охраны памятников рассматривают данный вопрос в самых общих чертах. Это вызвано в первую очередь небольшим количеством опубликованных в межвоенный период материалов, касающихся процессов по консервации и реставрации архитектурных памятников на территории Западной Беларуси. Для углубления исследований необходим анализ большого массива неопубликованных документов, которые хранятся в фондах архивов Литвы, Польши и Беларуси.

Следует также учитывать, что в западной научной традиции термин «консервация» обозначает охрану, сохранение и защиту чего-либо от посторонних воздействий. Процесс консервации памятника в широком смысле подразумевает его изучение, описание и сохранение в хорошем состоянии. В этом контексте процессы реставрации и реконструкции могут выступать в качестве элементов консервации. О тесной связи консервации и реставрации пишет исследовательница из Беларуси И. Мартыненко [7].

Основная часть

Источники, на основании которых ведется изучение темы охраны памятников, принято разделять на несколько групп, дифференцированных по внутренним сущностным признакам: письменные, вещественные, изобразительные, кино-, фото- и фонодокументы. Самой разнообразной является группа письменных источников. К настоящему исследованию были привлечены законодательные документы (нормативно-правовые акты польского правительства), которые регламентировали действия по охране памятников. Все указанные материалы публиковались в межвоенный период в специализированных сборниках «Ежедневник законов» (*Dziennik Ustaw*) и «Польский монитор» (*Monitor Polski*).

В процессе написания настоящей статьи использовались специально-исторические методы. В частности, историко-генетический метод позво-

лил осуществить анализ деятельности польских законодателей по охране памятников. С помощью этого метода удалось выявить изменения, которые происходили в межвоенный период. Историко-системный метод позволил рассмотреть комплекс законов и мер, направленных на охрану памятников, как целостную систему, которая имеет совокупность характерных черт и занимает особое место в иерархии систем. Компаративный метод использовался для сопоставления и выявления сходств и различий в исторических событиях.

Буквально сразу после обретения независимости 11 ноября 1918 г. правительство молодого польского государства обратило внимание на вопрос охраны памятников. Регентский совет 31 ноября 1918 г. издал декрет «Об охране памятников искусства и культуры». Декрет содержал 35 статей, ставших после окончания Первой мировой войны

правовой основой защиты культурного наследия в стране. Декрет устанавливал степень ответственности за нанесение вреда охраняемым объектам; определял органы, отвечающие за охрану памятников, а также регламент работы этих органов; очерчивал критерии определения объекта в качестве памятника и делил их на типы (недвижимые, движимые, археологические и палеонтологические). Данная типология была обусловлена практическим удобством разделения памятников на группы, а не сущностными характеристиками охраняемых объектов. Необходимо рассмотреть основные детали этого фундаментального законодательного акта.

Согласно декрету «все памятники культуры и искусства, находящиеся в границах польского государства и внесенные в список памятников искусства и культуры, подлежат защите законом. Принадлежащие государству, его жителям или польским неправительственным организациям памятники истории и культуры, находящиеся за границей, могут быть предметом специальных действий по охране со стороны государственных польских властей и международных организаций, в соответствии с отдельными договоренностями в этой сфере»¹ [8].

На основании положений данного документа охрана памятников культуры и искусства поручалась Министерству вероисповеданий и народного просвещения, при нем работал департамент искусств, содержащий отдел памятников и музеев. Данное министерство на основании третьей статьи декрета получило право назначать сотрудников на должность консерваторов памятников искусства и культуры. На последних возлагались функции по охране объектов культурного наследия. Количество и границы округов по консервации должны были быть очерчены последующим министерским постановлением.

Приведем некоторые важные выдержки из Декрета Регентского совета:

1) «Министерство вероисповеданий и народного просвещения также наделяется правом издавать в рамках данного декрета распоряжения, касающиеся как учреждения Консерваторского управления, так и в целом вопросов охраны памятников, а также обязано составить список памятников искусства и культуры, находящихся в границах польского государства»;

2) «Специализированные правительственные органы наделяются правом изучения предметов, которые находятся в частной собственности физических или юридических лиц, с целью установления ценности памятника и принятия решения о целесообразности внесения его в список охраняемых объектов. В случае положительного решения,

хозяину объекта должно быть выдано специальное свидетельство. Собственник обязан предоставлять квалифицированным представителям властей доступ к памятнику для его изучения и оценки состояния»;

3) «Книги со списками памятников должны вести консерваторы, предоставляя к ним доступ всем заинтересованным. Статус памятников может быть дан движимым и недвижимым свидетельствам искусства и культуры прошлых эпох старше пятидесяти лет. Однако по специальному решению министерства в список памятников могут быть включены и более близкие по времени создания объекты» [8].

К недвижимым памятникам могли быть отнесены следующие объекты:

- памятники археологии: пещеры, городища, курганы, могилы, насыпи, кладбища, идолы, камни-следовики, камни с крестами, алтари и т. д.;
- архитектурные сооружения, как каменные, так и деревянные с прилегающей территорией, в том числе и перестроенные, но содержащие старинные элементы (пресбитерии, каплицы, башни, ворота, порталы, колонны, двери, каминны и т. д.), элементы декоративно-прикладного искусства (резьба, росписи стен и т. д.);
- отдельно стоящие памятники, надгробия, каплицы, фигуры, кресты, колонны, пограничные кресты и т. п.;
- руины строений и памятников;
- архитектурные группы, выдающиеся благодаря своим эстетическим характеристикам и значимые для городской или деревенской планировки;
- сохранившаяся планировка старинных городов и зданий вместе с историческими названиями улиц и площадей;
- декоративные ограды; аллеи вдоль дорог и вокруг кладбищ; старинные деревья, окружающие замчища; костелы; каплицы; фигуры; кладбища и т. д.

Декрет запрещал «разрушение, снос, перестройку, обновление, реконструкцию, украшение или дополнение недвижимых памятников без предварительного разрешения соответствующих консерваторских властей». Такие же требования распространялись и на прилегающие к памятникам территории. Все работы «должны проходить под надзором окружного консерватора, который имеет право их остановить в случае выявления нарушений, опираясь на местные административные органы» [8].

При этом конкретная площадь охранной зоны памятника не была обозначена. Как известно, сегодня это один из наиболее важных вопросов, требующих конкретики, для избегания спорных

¹ Здесь и далее перевод наш. – Д. М.

ситуаций. В соответствии с декретом «каждый собственник недвижимого памятника обязан сохранять его в надлежащем состоянии, гарантирующем его сохранность. Правительство при наличии исключительных поводов может оказывать собственнику помощь в содержании памятника. В случае существования угрозы уничтожения или повреждения объекта правительство имеет право экспроприировать памятник либо ограничить его использование, а также может пресечь возведение сооружений, заслоняющих вид на памятники или портящих вид, открывающийся с них» [8]. За нарушение статей декрета было предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до трех месяцев. В случае нанесения памятнику вреда с виновного должна была быть взыскана сумма в размере, равном стоимости ликвидации последствий ущерба, нанесенного охраняемому объекту. Решение о конкретной мере наказания выносил судья.

По мнению П. Прушинского, данный законодательный акт не только соответствовал международным аналогам своего времени, но в некоторых пунктах был даже более прогрессивен. Так, например, прогрессивной была идея контроля проведения застройки, которая в перспективе могла испортить открывающийся вид на памятник и прилегающую территорию [1, s. 27–28].

Необходимо отметить, что после инициирования создания Министерства искусства и культуры на основании декрета начальника польского государства Юзефа Пилсудского «Об учреждении Министерства искусства и культуры»¹ обозначился некоторый отход от положений декрета «Об охране памятников искусства и культуры». В 1919 г. Министерство вероисповеданий и народного просвещения оказалось загружено решением своих первоочередных задач по организации государственной системы образования, в связи с чем оно не могло справиться с возложенными на него обязательствами по охране памятников. По этой причине глава Министерства искусства и культуры 5 апреля 1919 г. издал положение «Об организации консерваторских управлений»². Такой шаг был попыткой найти оптимальную управленческую модель в области охраны памятников, однако согласно предписаниям декрета 1918 г. в дальнейшем эти задачи остались в ведении Министерства вероисповеданий и народного просвещения.

Важно отметить, что в соответствии с данным положением вся территория страны делилась на девять округов. В каждом округе формировалось управление по консервации в составе воеводского управления, во главе стоял окружной консерватор,

также учреждался общепольский консультативный орган – «Совет консерваторов». В него входили чиновники и специалисты, ответственные за охрану памятников. Руководил Советом консерваторов начальник отдела памятников и музеев, которого назначал непосредственно министр либо его заместитель.

На протяжении 1921–1923 гг. количество округов выросло до 13. Однако уже в 1923 г. было проведено их слияние и укрупнение. В рамках Варшавского округа были объединены территории Варшавского и Белостокского воеводств, а Полесское воеводство оказалось в составе Люблинского округа. Памятники Новогрудского воеводства были переведены в зону ответственности Виленского округа по консервации [5, с. 87].

В сферу ответственности Совета консерваторов входила разработка методов защиты культурного наследия, регулирования вопросов консервации памятников, формирование заключений и рекомендаций. Последние утверждались министром вероисповеданий и народного просвещения. Непосредственные функции Совета консерваторов, возлагаемые на него властями, заключались в следующем:

1) выдача заключений, касающихся проектов перестройки, реставрации, изменения важнейших культовых и светских строений, а также заключений по иным делам, представленным для рассмотрения;

2) выражение мнения в случаях, когда владелец памятника либо орган, управляющий памятником, протестует против включения объекта в список охраняемых государством памятников.

В декрете от 5 апреля 1919 г. конкретизировались также и функции окружных консерваторов. Среди основных задач, поставленных перед этими чиновниками, были следующие:

1) ознакомление с максимально возможным количеством памятников, находящихся на территории округа, проведение объездов округа с этой целью;

2) формирование местного архива памятников (списки, описи, фотографии, планы, рисунки и т. п.);

3) наблюдение за состоянием памятников, а также работам и по их консервации;

4) подготовка рекомендаций и экспертных заключений;

5) предоставление в министерство списка объектов, которые по мнению окружных консерваторов достойны внесения их в список памятников;

¹ Dekret o utworzeniu Ministerstwa Sztuki i Kultury [Электронный ресурс]. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=W-DU19180190052> (дата обращения: 04.06.2017).

² Rozporządzenie Ministra Sztuki i Kultury z dn. 5 IV 1919 r. w przedmiocie organizacji urzędów konserwatorskich // Monitor Polski. 1919. № 81.

6) составление общедоступного списка памятников, внесенных в инвентарь¹.

Процесс инвентаризации памятников регулировался распоряжением министра искусств и культуры от 5 апреля 1919 г. «О внесении памятников искусства и культуры в инвентарь»².

После подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г.³, по условиям которого Западная Беларусь юридически входила в состав Польши, возник вопрос относительно распространения действия законов по охране памятников на новые территории. С целью решения этого вопроса Советом Министров было издано специальное распоряжение от 26 сентября 1921 г. «О распространении на воеводства: Новогрудское, Полесское и Волыньское и на поветы Гродненский, Волковысский и Беловежский Белостокского воеводства обязующей силы декрета от 31 ноября 1918 г. об охране памятников искусства и культуры»⁴.

Территория, которая позже стала Виленским воеводством, в этот момент формально являлась независимым от Польши государством Срединная Литва. Официально это государство вошло в состав II Польской Республики весной 1922 г. на основании решения сейма⁵. После этого и на территорию Виленского воеводства распространилось действие декрета 1918 г. «Об охране памятников искусства и культуры».

Взаимоотношения между костелом и государством регулировал конкордат между Польшей и Ватиканом, подписанный 10 февраля 1925 г. в Риме. На основании этого документа движимые памятники, принадлежавшие костелу, контролировались смешанными комиссиями, в которые входили окружные консерваторы и представители костела. На недвижимые религиозные памятники распространялось традиционное законодательство⁶.

Данные договоренности между светскими и духовными властями подтверждались Распоря-

жением Министра вероисповеданий и народного просвещения в деле смешанных консерваторских комиссий для охраны памятников искусства и культуры, находившихся в католических костелах и на прилегающих территориях⁷.

Министерство вероисповеданий и народного просвещения 17 мая 1924 г. издало постановление «Об учреждении окружных комиссий по консервации» в центрах соответствующих округов. В состав окружных комиссий должны были входить следующие постоянные члены: главный консерватор округа, воевода, по два представителя от местных научных учреждений и общественных научно-культурных объединений, четыре представителя духовенства. В состав комиссий могли быть включены также и члены-корреспонденты. Данные органы должны были давать заключения о строительных планах, решать вопросы по инвентаризации, реставрации и консервации памятников своего округа⁸.

Президент Игнатий Мостицкий 16 февраля 1928 г. издал распоряжение «О строительном праве и строительстве», согласно которому ограничивались возможности строительства каких-либо сооружений в пределах охранной зоны памятников⁹. Данный законодательный акт стал первым из числа новых документов, завершивших в Польше формирование правовой базы в сфере охраны памятников в межвоенный период.

Самым важным документом, регулирующим вопрос охраны памятников на территории Западной Беларуси и Польши в межвоенный период, являлась новая редакция закона об охране памятников, принятая спустя десять лет после официального начала формирования в Польше правовой базы в этой области. Соответствующее распоряжение президента вышло 6 марта 1928 г. и состояло из 47 статей¹⁰. Данное распоряжение было призвано усовершенствовать предыдущий законода-

¹ Rozporządzenie Ministra Sztuki i Kultury z dn. 5 IV 1919 r. w przedmiocie organizacji urzędów konserwatorskich // Monitor Polski. 1919. № 81.

² Rozporządzenie Ministra Sztuki i Kultury z dn. 5 IV 1919 r. w przedmiocie wpisywania zabytków sztuki i kultury do inwentarza // Monitor Polski. 1919. № 81.

³ Рижский договор между РСФСР и Польшей 18 марта 1921 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brestobl.com/nasel/naselen/dok/1921/index.html> (дата обращения: 26.08.2017).

⁴ Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 26 września 1921 r. w przedmiocie rozciągnięcia na województwa: nowogrodzkie, poleckie i wołyńskie oraz na powiaty: grodzieński, wołkowyski i białowiecki województwa białostockiego mocy obowiązującej dekretu z dnia 31 października 1918 roku o opiece nad zabytkami sztuki i kultury [Электронный ресурс]. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19210830585+1921%2410%2420&min=1> (дата обращения: 04.06.2017).

⁵ Ustawa sejmowa z 6 kwietnia 1922 roku o objęciu władzy państwowej nad Ziemią Wileńską // Dziennik Urzędowy Tym. Komisji Rz. 1922. № 7. Uchwała № 486.

⁶ Konkordat pomiędzy Stolicą Apostolską a Rzeczpospolitą Polską, podpisany w Rzymie dnia 10 lutego 1925 r. [Электронный ресурс]. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19250720501> (дата обращения: 04.06.2017).

⁷ Rozporządzenie Ministra WRiOP z dn. 19 XII 1925 r. w sprawie mieszanych Komisji Konserwatorskich dla ochrony zabytków sztuki i kultury, znajdujących się w katolickich kościołach i lokalach kościelnych // Dziennik Ustaw. 1926. № 6, poz. 35.

⁸ Rozporządzenie Ministra WRiOP z dn. 17 V 1924 r. o utworzeniu okręgowych komisji konserwatorskich // Monitor Polski. 1924. № 135, poz. 391.

⁹ Rozporządzenie Prezydenta RP z dn. 16 II 1928 o prawie budowlanym i zabudowaniu osiedli // Dziennik Ustaw. 1928. № 23, poz. 202.

¹⁰ Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 6 marca 1928 r. o opiece nad zabytkami [Электронный ресурс]. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19280290265+1928%2403%2429&min=1> (дата обращения: 04.06.2017).

тельный акт, опираясь на иностранные аналоги и опыт, полученный за первые годы независимости Польши. В качестве образцов рассматривались закон об охране памятников Италии, принятый в 1909 г. и аналогичный закон Австрии 1923 г. При этом была проигнорирована передовая французская система классификации, предусматривавшая разделение объектов на категории согласно их исторической и эстетической ценности [1, s. 29]. По австрийскому примеру в Польше была введена должность Генерального консерватора памятников, которую занял виленско-новогрудский окружной консерватор Ежи Ремер. Учреждался также и новый орган – Центральное бюро инвентаризации памятников [9, s. 50].

Первая статья нового закона конкретизировала понятие «памятник», понимая под ним каждый недвижимый или движимый предмет определенной эпохи, который заслуживает защиты по той причине, что он представляет художественную, культурную, историческую, археологическую или палеонтологическую ценность, подтверждаемую заключением государственной власти. В новом распоряжении отсутствовало обязательное требование к объекту для внесения его в список охраняемых (например, минимальный возраст – 50 лет). Изменилось и название списка памятников, вместо термина «инвентарь» вводится термин «реестр». Договоренности с духовными властями, зафиксированные в конкордате 1925 г., закреплялись в статьях 5, 7 и 13 нового закона. Статья 28 наделяла государство правом временно изымать земли у частных собственников с целью проведения научного исследования, при этом исключение делалось лишь в отношении земель, принадлежащих католическому костелу. Документ более детально, чем его предшественник, устанавливал размеры штрафов и сроки лишения свободы за нарушение определенных статей, а также определял механизмы рассмотрения судебными инстанциями дел, связанных с охраной памятников.

Положительную оценку польских исследователей получил и пункт, который предусматривал применение защитных мер по отношению к потенциальным памятникам с целью не потерять их во

время бюрократических процессов оценки и внесения объектов в список охраняемых [4, s. 125].

В целом рассматриваемый законодательный акт можно охарактеризовать как достаточно прогрессивный, он являлся подходящим для реального применения в области охраны культурного наследия. При этом распоряжение не было совершенным и полностью не учитывало все важные международные наработки в этой области.

Новая редакция закона была подкреплена Распоряжениями президента об административных процедурах от 22 марта 1928 г.¹ и распоряжением министра вероисповеданий и народного просвещения о ведении реестра памятников от 17 июля 1928 г.²

После принятия нового закона во время работы окружных консерваторов нередко возникали спорные ситуации в плоскости взаимодействия с воеводскими управлениями. По этой причине 2 июня 1930 г. Министерство вероисповеданий и народного просвещения издало Инструкцию о правах и обязанностях консерваторов³. Для привлечения внимания общественности к делу охраны памятников министр вероисповеданий и народного просвещения совместно с министром внутренних дел издал Распоряжение о создании окружных комиссий по консервации⁴, которое по сути являлось дополненной редакцией аналогичного акта 1924 г. С целью обеспечения лучшей сохранности памятников, которые находились в собственности государства, Совет Министров 23 сентября 1932 г. издал Распоряжение о способе хранения памятных предметов, находящихся в собственности государства⁵.

Все дополнения к закону 1928 г. и накопившийся опыт правоприменения в области охраны культурного наследия актуализировали вопрос принятия очередного главного законодательного акта. Проект нового закона об охране памятников рассматривался во время XX съезда Совета консерваторов 5–6 октября 1934 г. в Кракове. Однако до начала Второй мировой войны проект так и не был принят⁶. В предвоенное время вопросы охраны памятников не являлись приоритетными для польских законодателей, в итоге закон 1928 г. остался без изменений вплоть до 1962 г. [1, s. 27–28].

Заклучение

Таким образом, можно утверждать, что в рассматриваемый период польским государством была проведена значительная законотворческая работа.

В результате сформировалась эффективная правовая база, на основании которой была создана организационная структура по регулированию вопроса

¹ Rozporządzenie Prezydenta RP z dn. 22 III 1928 r. o postępowaniu administracyjnym // Dziennik Ustaw. 1928. № 36, poz. 341.

² Rozporządzenie Ministra WRiOP z dn. 17 VII 1928 r. o prowadzeniu rejestru zabytków // Dziennik Ustaw. 1928. № 76, poz. 675.

³ Instrukcja MWRiOP z dn. 2 VI 1930 r. o prawach i obowiązkach konserwatorów // Monitor Polski. 1930. № 156, poz. 239.

⁴ Rozporządzenie Ministra WRiOP i Ministra Spraw Wewnętrznych z dn. 15 I 1931 r. o utworzeniu okręgowych komisji konserwatorskich // Dziennik Ustaw. 1931. № 16, poz. 84.

⁵ Rozporządzenie Rady Ministrów z dn. 23 IX 1932 r. o sposobie chronienia przedmiotów zabytkowych będących własnością państwa // Dziennik Ustaw. 1932. № 89, poz. 750.

⁶ Archiwum Akt Nowych w Warszawie. F. 2. Zesp. 14. Sygn. 7030. S. 95–111.

охраны памятников, не уступавшая иностранным аналогам. Польские законы по охране культурного наследия с 1922 г. действовали на всей территории Западной Беларуси, что позволило ответственным чиновникам вести работу по выстраиванию реальной системы охраны памятников, опираясь на

закон, вплоть до сентября 1939 г. Благодаря правовым актам, польским консерваторам межвоенного периода удалось замедлить процесс разрушения значительного количества архитектурных памятников Западной Беларуси, в противном случае они могли не сохраниться до нашего времени.

Библиографические ссылки

1. Pruszyński J. P. Prawna ochrona zabytków w Polsce. Warszawa : Naukowe, 1977.
2. Pruszyński J. P. Ochrona zabytków w Polsce geneza, organizacja, prawo. Warszawa : Naukowe, 1989.
3. Pruszyński J. P. Ochrona zabytków w II Rzeczypospolitej – zagadnienia prawne // Konserwator i zabytek. In mem. Jerzego Remera. Warszawa : PWN, 1991. S. 111–128.
4. Zimna-Kawecka K. Ochrona zabytków i organizacja urzędów konserwatorskich w Polsce okresu międzywojennego (na przykładzie woj. pomorskiego) a unormowania Ustawy z dn. 23 VII 2003 r. o ochronie zabytków i opiece nad zabytkami // Wiad. Konserwatorskie. 2010. № 27. S. 123–144.
5. Несцяркуч Л. М. Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: асноўныя этапы фарміравання, сучасны стан і перспектывы. Мінск : Белта, 2003.
6. Загідулін А. М. Рэстаўрацыя і кансервацыя помнікаў архітэктуры ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) // Гістарычная ўрбаністыка: асновы метадалогіі і крыніцазнаўчая база : зб. навук. арт. / пад. рэд. І. В. Соркіна. Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. С. 359–363.
7. Мартыненко И. О соблюдении международно-правовых требований // Каштоўнасьці мінуўшчыны. № 5. Рэстаўрацыя і выкарыстанне помнікаў гісторыі і культуры : матэрыялы канф. (Мінск, 17 крас. 2001) / пад агул. рэд. С. В. Марцэлева. Мінск, 2001.
8. Dekret Rady Regencyjnej o opiece nad zabytkami sztuki i kultury. Internetowy System Aktów Prawnych. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19180160036> (дата обращения: 04.06.2017).
9. Dettloff P. Odbudowa i restauracja zabytków architektury w Polsce 1918–1939. Teoria i praktyka. Kraków : Universitas, 2006.

References

1. Pruszyński J. P. [Legal basis of monument protection in Poland]. Warszawa : Naukowe, 1977 (in Pol.).
2. Pruszyński J. P. [Monument protection in Poland genesis, organization, law]. Warszawa : Naukowe, 1989 (in Pol.).
3. Pruszyński J. P. [Monument protection in the Second Polish Republic – legal issues]. In: J. Remera (ed.). *Konserwator i zabytek*. Warszawa : PWN, 1991. P. 111–128 (in Pol.).
4. Zimna-Kawecka K. Monument protection and organisation of conservation offices during the interwar period in Poland (on the example of Pomeranian Voivodeship) and the norms in the Act from 23 July 2003 concerning monument protection and care for monuments. *Conserv. news*. 2010. No. 27. P. 123–144 (in Pol.).
5. Nesciarchuk L. M. [Cultural heritage protection in Belarus: major stages of genesis, current condition and perspectives]. Minsk : Belta, 2003 (in Belarus.).
6. Zahidulin A. M. [Restoration and conservation of architectural monuments in Western Belarus (1921–1939)]. In: I. V. Sorokin (ed.). *Gistarychnaja wrbanistyka: asnovy metadalogii i krynicaznawchaja baza : collect. of sci. articles*. Hrodna : Yanka Kupala State Univ. of Grodno, 2011. P. 359–363 (in Belarus.).
7. Martynenko I. [On compliance with international legal requirements]. In : S. V. Martselev (ed.). *Kashtounasci minushchyny*. No. 5. *Restauracyja i vykarystanne pomnikau historyii i kultury : mater. conf.* (Minsk, 17 April, 2001). Minsk, 2001 (in Russ.).
8. [Decree on the Regenci Council on the protection of monuments of art and culture]. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19180160036> (date of access: 04.06.2017) (in Pol.).
9. Dettloff P. [Reconstruction and restoration of architectural monuments in Poland in 1918–1939. Theory and practice]. Kraków : Universitas, 2006 (in Pol.).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2017.
Received by editorial board 18.09.2017.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(37)+94(38)

СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ПОЛИСНЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ (конец XX – начало XXI в.)

О. И. ХАНКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы формирования первичных государств греко-римской классической Античности, особенности политической и социальной организации полиса и *civitas*, проявление общинных традиций в частной и общественной жизни полисного государства, способы интеграции греков и римлян в частные коллегии и союзы, сущность персональных отношений патроната – клиентелы и гостеприимства, а также религиозно-обрядовое и правовое оформление указанных институтов. Сделан вывод об историческом значении полисного государства, которое сохранило и развило общинные начала самоорганизации и самоуправления. Отмечается, что политико-правовые концепты Античности «демократия» и «республика» отразили эту идею народовластия в качестве основополагающего принципа жизнедеятельности греческого классического *полиса* и римской республиканской *civitas*.

Ключевые слова: первичное государство; *полис*; *civitas*; демократия; республика; магистратура; коллегия.

Образец цитирования:

Ханкевич О. И. Социальное устройство полисных государств европейской Античности в концепциях советского и постсоветского антиковедения (конец XX – начало XXI в.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 57–63.

For citation:

Khankevich O. I. The social structure of *polis* states of European Antiquity in the concepts of Soviet and post-Soviet antiquity studies (late XX – early XXI centuries). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 57–63 (in Russ.).

Автор:

Ольга Ивановна Ханкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Olga I. Khankevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
olgakhankevich.bsu@gmail.com

THE SOCIAL STRUCTURE OF *POLIS* STATES OF EUROPEAN ANTIQUITY IN THE CONCEPTS OF SOVIET AND POST-SOVIET ANTIQUITY STUDIES (late XX – early XXI centuries)

O. I. KHANKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the problems of formation of the primary states of Greco-Roman classical Antiquity, the peculiarities of political and social organization of *polis* and *civitas*, the manifestation of communal traditions in the private and public life of a *polis* state, the ways of integrating Greeks and Romans into private *collegium* and unions, the essence of inter-personal relationships of patronage, *clientela* and hospitality, religious and legal formalization of these private institutions. The author assesses the historical significance of the *polis* state, which preserved and developed the communal principles of self-organization and self-government. Ancient political and legal concepts «democracy» and «republic» expressed the idea of the rule of the people as the fundamental principle of the vital activity of the Greek classical *polis* and the Roman republican *civitas*.

Key words: primary state; *polis*; *civitas*; democracy; republic; magistracy; *collegium*.

Процесс возникновения и становления в разных регионах древней ойкумены государственности (политогенез) изначально осуществлялся в форме небольших по территории и численности населения урбанизированных центров, составлявших с окрестными сельскохозяйственными угодьями единое экономическое и политическое целое. Подобная модель раннего государства зафиксирована исследователями в Южной Месопотамии (IV–III тыс. до н. э.), Восточном Средиземноморье (III–II тыс. до н. э.), Юго-Восточной Европе (I тыс. до н. э.) и Мезоамерике (I тыс. н. э.). Формирование в каком-то регионе одного городского поселения влекло за собой появление другого. В итоге, по словам американского исследователя Э. Саутхолла, возникал «пучок равноуровневых политий» с идентичными органами управления, языком и письменностью, пантеоном богов и сказаний о них. Взаимодействие таких автономных и вместе с тем родственных общественных структур происходило «на основе принципов позитивных обратных связей» [1, с. 132]. Данную модель политогенеза, многократно повторившуюся в Старом и Новом Свете, современные ученые считают магистральным путем возникновения первичного государства. Востоковеды называют его номовым государством (греч. *nomos* – область), в антиковедении утвердился идущий от Аристотеля термин «полития» (греч. *polis* – город). Исследователи И. М. Дьяконов и В. А. Яковсон так определяют номовое государство: сама община и есть государство, функционировавшее на основе равенства его членов [2, с. 26]. Элементарная соседская община – форма объединения группы индивидуальных домохозяйств, жизнь которых строилась на принципах самоорганизации и уравнительного землепользования, – в догосударственную эпоху являлась, по словам В. А. Яковсона, «практически единственной формой политической организации свободного

населения и единственным средством обеспечения экономической взаимопомощи» [3, с. 15].

Принадлежность к коллективу равных по статусу людей выступала способом самоидентификации и членов вторичной, интегрированной, общины, что зафиксировано в клинописных документах Двуречья (Южная Месопотамия), где археологически изучено более десяти номовых политий. В разнообразных по характеру текстах встречается устойчивое понятие «человек города» в значении «полноправный член городской общины» – Урука, Ниппура, Лагаша, Эриду и т. п. В городах-государствах европейской Античности была выработана своя социальная лексика, полноправные общинники стали называться в них гражданами (греч. *polites*; лат. *cives*). Главная же особенность всех первичных государств заключалась в их уподоблении общине, что выразилось в сохранении и развитии общинных потестарных органов управления. С образованием централизованных территориальных держав начался процесс отчуждения от общины функций управления, а сама она стала превращаться в низовую административную и фискальную единицу. Однако выработанные в ходе естественной эволюции общинные потестарные институты также присутствовали (пусть и в урезанном виде) в развитых государствах древности. И если на Востоке община была деформирована многоступенчатыми государственными структурами, в городах-государствах европейской Античности она сохранялась «в химически чистом виде» – как сообщество равных по статусу людей [2, с. 26]. Греки называли такой коллектив равноправных людей *полисом*, римляне – *цивитас* (*civitas*), в современной науке они объединены понятиями «античная гражданская община» и «государство полисного типа». При этом собственно термин «государство» для обозначения сформировавшейся в Юго-Восточной Европе территориальной и политической общности

в письменных памятниках Античности отсутствуют. Суть этого понятия мыслители древности воплотили в учении о формах власти и той пользе, которую она несет своим подданным и гражданам. Так, Аристотель (IV в. до н. э.) к справедливым (в оригинале – правильным) формам власти, существующим ради общего блага, относил монархию, аристократию и демократию, которую он назвал *политией*. Перерождаясь, монархия становится тиранией, аристократия – олигархией, а демократия – охлократией, т. е. властью толпы, по своему произволу устанавливающей общественный порядок (Аристотель. Политика, III, 5) [4]. В мировом антиковедении для обозначения полисной общины-государства используется английское выражение *face-to-face society*. Город и в данном случае выполнял функции политического, административного и культового центра, являясь вместе с тем средоточием ремесла и совокупного материального продукта. Рост товарности производства и активная морская торговля в бассейне Средиземноморья привели к утверждению в европейских городах-государствах частнособственнических отношений и рыночной формы хозяйства, на страже которых стояли, по замечанию Л. С. Васильева, «вся структура полисов и выработанная в них система частного права» [5, с. 104].

Город – нелинейная среда расселения и коммуникации людей. Территориальный фактор становится в нем ведущим, перекрывая прежние родовые и племенные связи. Это способствовало концентрации политической жизни в рамках гражданского коллектива при сохранении традиционных для общины форм самоорганизации и самоуправления, что и является изначальной сущностью политико-правовых концептов «демократия» (греч. *δημοκρατία*) и «республика» (лат. *res publica*), в основе которых лежит идея народовластия в качестве базового политического принципа. Однако собирательное понятие «народ» (греч. *demos*, *laos*; лат. *plebs*, *populus*) древние авторы относили только к полноправным членам полиса и *civitas* – носителям гражданского статуса. И хотя степень демократичности афинского полиса, олигархической Спарты и аристократической римской *civitas* была разной, всех их роднит выборная и коллегиальная форма власти, а также то, что их социальную базу составляли политически равноправные и юридически полноправные граждане-общинники.

Сохранялась в полисном государстве и характерная для общины трехчастная система управления: народное собрание, совет старейшин в качестве правительственного органа (*Совет пятисот* в Афинах, *герусия* в Спарте, *сенат* в Риме) и ежегодно переизбираемые должностные лица – носители исполнительной власти (*архонты* (греч.), *магистраты* (лат.)). Народное собрание (*эκκλησία*,

апелла и *комиции* соответственно) как главный законодательный и избирательный орган выражало коллективное мнение граждан, обязанных лично участвовать в голосовании (прямая демократия, прямое народовластие). Термин «гражданин», отражающий политико-правовую ипостась личности, определяется в современном праве через принадлежность человека к конкретному государству. Специфическим проявлением данного статуса в Античности стало то, что гражданами в полисе и *civitas* являлись только лица мужского пола, участвовавшие в ополчении и владевшие на территории своей общины земельным наделом (основой производства и состояния в эпоху древности служила земля, а также ее обработка). В контексте древнеримских социальных и правовых реалий слово «гражданин» обозначало и политического, и частного человека, т. е. под ним подразумевался как член общины полноправных и свободных римлян (лат. *civitas*), так и субъект внутреннего права этой общины. Данным обстоятельством и объясняется наличие у *ius civile* второго названия – *ius privatum*. Благодаря рецепции латинское название «гражданское право» вошло в международную юридическую лексику (цивильное право, цивилистика).

Непосредственное участие всех граждан в общественной и политической жизни, формирование из их числа ополченческого войска и подотчетных народному собранию органов управления обусловили, по наблюдению Г. С. Кнабе, отсутствие в полисе и *civitas* «отчужденной от повседневного существования граждан, от их непосредственных интересов» государственной сферы. Политика носила в тех исторических условиях не персональный, а групповой характер, воплощаясь, по словам этого ученого, «в прямых, внятных каждому, очевидно мотивированных формах» [6, с. 15–16]. Постоянного аппарата управления со специализированными ведомствами в полисном государстве не было, исполнительная власть принадлежала коллегиям выборных должностных лиц, избиравшимся из числа граждан. В Римской республике исполнение магистратур не оплачивалось, что позволяло представителям нобилитета регулярно выдвигать из своей среды кандидатов на высшие должности претора и консула. В Афинах же должностной оклад архонта приравнивался к заработку ремесленника, хотя требовал немалых денежных затрат и личных усилий. Это делало государственную службу недоступной людям, вынужденным своим трудом добывать средства к существованию. Поэтому при отсутствии в полисе и *civitas* социального и имущественного ценза в магистратские коллегии обычно избирались состоятельные граждане. Механизм действия такой коллективной власти опирался на принцип консенсуса: если одного из членов

решение по каким-либо причинам не устраивало, он блокировал его словом *veto* («я протестую»).

Еще одна особенность общественного устройства античных политий связана с формами интеграции и коммуникации их населения, способами регулирования личностно-гражданственной сферы взаимодействия. По мнению В. А. Якобсона, не следует сводить государство к механизму функционирования его институтов и учреждений и забывать о том, что «государство – это прежде всего люди, определенным образом организованный человеческий коллектив» [7, с. 75]. В городской общине, ставшей структурообразующей основой не только полисного государства, но и всех крупных держав Античности, преобладали горизонтальные, партнерские формы взаимосвязей и отношений. В эпоху же расцвета полисной государственности (классическая Античность) широкое распространение получило такое выходящее за рамки политической жизни явление, как частные союзы и коллегии (*гетерии*, *фиасы*, *симпосионы*, *сисситии* (греч.); *коллегии*, *товарищества*, *корпорации*, *братства* (лат.)). Анализируя социальный срез развития античной культуры, Г. С. Кнабе подчеркивает, что человек рассматриваемого времени никогда не выступал как изолированный индивид, самостоятельно определявший свое жизненное и общественное поведение, он всегда принадлежал к небольшому человеческому единству – семье, местной общине, дружескому кружку, деловой, ремесленной или религиозной коллегии [8, с. 139]. Характеризуя родную для него *civitas*, Цицерон (I в. до н. э.) говорит о том, что она является соединением тех, кого связывают не только форум и святилища, гражданские права и обязанности, но и дружеские, родственные отношения, дела, предпринимаемые сообща, и выгоды, из них проистекающие (Цицерон. О законах, I, 7, 23; О государстве, I, 25, 39) [9]. Полисный социум фактически представлял собой сеть пересекавшихся родственных, патрон-клиентских, профессиональных и соседских связей, а также отношений деловой и политической дружбы (*amicitia*), облекавшихся в форму персональных союзов. Существование на всех уровнях общественной системы полисного государства подобных микрообществ во многом объясняется психологической потребностью человека в общении, поддержке и защите.

Частные союзы и деловые товарищества выполняли в античной гражданской общине и такие функции, которые в будущем станут прерогативой государства. При отсутствии в полисе и *civitas* административного аппарата широкое распространение получили коммерческие и профессиональные корпорации частных лиц. К примеру, и в Афинах, и в Риме на общеполисном уровне действовала система откупов в целях передачи приватным лицам права сбора разнообразных пошлин и податей,

проведения крупных строительных работ, управления общественным имуществом (разработка каменоломен и рудников, эксплуатация *ager publicus*). Римское гражданское право классифицирует коллегии откупщиков (публиканов) как товарищества (*societas*), четко регламентируя правовой режим их деятельности. В Афинах занятие откупами считалось, по словам Л. М. Глускиной, недостойным для граждан, однако «доходы были столь значительными, что это позволяло преодолеть существующие предубеждения» [10, с. 67]. Действительно, судебные ораторы и писатели классической эпохи свидетельствуют о неблагоприятных формах торгов при сдаче на откуп доходных отраслей полисного хозяйства. Для жителей же римских провинций публиканы являлись настоящим бичом, что потребовало учреждения в Риме специальных судов для рассмотрения жалоб провинциалов на зарвавшихся наместников и сборщиков податей. Хорошо известны обвинительные речи Цицерона против наместника Сицилии Верреса, который за годы своего хозяйничанья так разорил этот процветающий остров, что восстановить его в прежнем состоянии стало, по словам оратора, невозможным. Обвинения Цицерона оказались столь убедительными, что Веррес, возместив убытки, вынужден был добровольно удалиться в изгнание (Цицерон. Против Верреса, I, 12; II, 5) [11]. Показательно и наличие в среде городской бедноты многочисленных *collegia tenuiorum*, образованных в целях взаимной материальной поддержки, а в случае необходимости – погребения члена коллегии в соответствии с требованиями обычаев того времени.

В отличие от афинского полиса формированию развитой демократии в римской *civitas* воспрепятствовала не только узурпация нобилитетом доступа к магистратуре, но и прочность традиционных вертикальных связей внутри самого социума. Речь идет об объеме полномочий (*potestas*) глав патриархальных семейных общин и отношениях патроната – клиентелы. Гражданская правоспособность (*caput*) предполагала наличие у римского гражданина трех статусов: свободы (*status libertatis*), гражданства (*status civitatis*) и семейного статуса (*status familiae*). Полноправными гражданами являлись только главы индивидуальных домохозяйств в звании *pater familiae*. Подчинение семьи гражданской общине свидетельствует о существовании иерархии названных статусов: с утратой статуса гражданства, т. е. членства в общине, терялся и семейный статус. Патриархальная семья (*familia*) – естественный микросоциум, характеризовавшийся устойчивыми личными связями, общностью имущества и совместным трудом. В рамках семьи определялся и социальный статус индивида, поскольку наследникам передавались сословная принадлежность отца и, как правило, его профессия.

Один из сыновей наследовал звание домовладыки, что превращало его в собственника фамильного имущества, главу домашнего суда и культа. Индивидуальное домохозяйство (греч. *oikos*; лат. *domus, villa*) являлось основой материальной самостоятельности граждан античного государства. Романист Д. В. Дождев, подчеркивая сопряженность собственности с гражданской правосубъектностью, пишет: «Собственность конституирует субъекта правового общения – свободного индивида, предоставляя его воле сферу непосредственного воплощения и обеспечивая ему материальную независимость и самостоятельность» [12, с. 389]. Юридический институт собственности (лат. *dominium, proprietas*), который римские юристы относили к области частного права, изначально возник в рамках семьи, что нашло отражение в ее названии – *familia pecuniae*. Данный бином охватывал и подвластных домовладыке членов семьи, и совокупное богатство семьи, главной ценностью которой были земля и домашние животные (*pecus*) (Дигесты Юстиниана, 50, 16, 192) [13]. Описание же данного института и связанных с ним прав сделали на римском материале уже византийские правоведы при подготовке Кодекса Юстиниана (VI в. н. э.). Они определили *proprietas (dominium)* как абсолютное право лица на собственное имущество с широкими распорядительными полномочиями и возможностью защиты в судебном порядке своих прав собственника. В патриархальной семье только ее глава имел такие абсолютные полномочия, что и превращало его в «человека своего права» (*persona sui iuris*). Все подвластные домовладыки квалифицировались как «лица чужого права», они обладали в сфере частного права отраженной правосубъектностью (Дигесты Юстиниана, 50, 16, 39) [13].

Несмотря на то, что в полисном государстве была одержана полная победа права и закона над родовыми и племенными обычаями, частная жизнь граждан в значительной степени определялась нормами религии (*fas*) и правилами национальной традиции, именуемой «заветами предков» (*mores maiorum*). По сути, это был глубоко укорененный в сознании людей неписанный кодекс жизненных установок, которые народ утверждал своими «практическими делами и действиями» (Дигесты Юстиниана, I, 3, 32, 35) [14]. Отношения политической и деловой поддержки (*amicitia*), личного покровительства (*patronatus, tutela*) и персонального гостеприимства (*hospitium*) основывались на предписаниях этой традиции, идущей от предков. Дело в том, что в условиях натурального хозяйства, а также отсутствия социальных программ и действенной правовой защиты отдельной личности разорившиеся общинники, чужаки-переселенцы и лица вне семьи подвергались нещадной эксплуатации и нередко становились обреченными на

гибель изгоями. Чтобы избежать подобной участи, такие люди вынуждены были искать покровительства у состоятельного родственника или представителя какого-либо знатного рода. Это являлось характерной для древности практикой формирования патрон-клиентских отношений господства и подчинения, инструментом регулирования которых выступала священная клятва (*ius iurandum fidei*) о добросовестности намерений участников подобного неформального союза. Содержание священной клятвы сводилось к тому, что произносивший ее брал на себя обязательство придерживаться предписанных богами и заветами предков правил. Антиковед Е. М. Штаерман подчеркивает исключительное значение, которое придавалось в древности клятве и идущим от предков обычаям, объясняя этот феномен «свойством общинных отношений», традиции и установки которых сохранялись и «во все позднейшие времена» [15, с. 211]. Доверие (*fides*) Цицерон называет сущностью богини Юстиции (в языческом пантеоне она символизировала справедливость), «стоящей на страже истинности и неизблемости слов и договоров» (Цицерон. О законах, II, 8, 22) [9]. Нарушение патроном обязательств в отношении клиента предполагало санкцию в виде *инфамии*, т. е. гражданского бесчестия, связанного с редукцией гражданского статуса. По мере развития обязательственных правоотношений, главным источником которых стали частные договоры (*contractus*), обязанности сторон и в этом случае строились на основе принципа добрых намерений (*bona fidei*), в современном понимании – деловой порядочности.

Простота заключения частных соглашений обусловила то обстоятельство, что самые разнообразные персональные союзы облекались в форму патроната. На этой основе образовался особый институт под названием *hospitium*. Чужеземец, находившийся на территории римской общины, прибегал к покровительству какой-либо знатной семьи, содействовавшей деловым интересам гостя, а в случае необходимости – защищавшей его интересы в суде. С возникновением в III в. до н. э. новой подотрасли римского гражданского права – *ius gentium*, т. е. права народов, – союзы гостеприимства получили юридическое оформление и стали фиксироваться письменно. В тексте договора (*foedus*) оговаривались условия беспрепятственного и безопасного пребывания его участников на территории друг друга, что превращало частные соглашения в институт межгосударственных отношений [16]. Контроль за соблюдением норм права народов входил в компетенцию жреческой коллегии фециалов, которые, как и все другие служители языческого культа, отвечали за сохранение мира с богами (*pax deorum*). Действия гражданина, нарушавшие этот мир, создавали, по представлению

римлян, угрозу благополучию всего коллектива общины. Поэтому «веления богов» (*ius divinum*) должны были, отмечает Цицерон, соблюдаться так же тщательно, как и предписания светского *ius*. «Как во внутренних делах, так и во внешних, – восклицал оратор, – никому не может представляться законным то, что магистрат предпринял без одобрения авгуров» (Цицерон. О законах, II, 31) [9]. Право жрецов-гадателей узнавать путем публичных гаданий (*sacra publicum*) отношение языческих богов к земным делам являлось, по сути, религиозной экспертизой: сославшись на неблагоприятные небесные знамения (по словам немецкого ученого Й. Рюпке, «божественное нет»), авгуры могли приостановить голосование в комициях или вообще отменить его результаты [17, с. 34, 42]. Возможность совершать ауспиции и тем самым влиять на политику имели и высшие магистраты Римской республики, что свидетельствует о сакральной основе их власти. Наконец, ритуально-сакральное оформление, сопровождавшее дипломатические действия, присутствовало и при заключении межполисных союзов.

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о частноправовой природе полисного государства европейской Античности. Это проявилось, во-первых, в деятельности институтов управле-

ния, основанной на устной традиции и разрозненных законодательных актах (условно – неписаная конституция). Во-вторых, сама власть по ряду показателей носила общественный характер, что нашло отражение в ее названии – *honor* (в значении «почетная обязанность, доверенная магистрату гражданским сообществом»). И в-третьих, те социальные функции, которые станут прерогативой развитого государства, в полисе и *civitas* были рассредоточены между главами патриархальных семейств, приватными коллегиями и союзами, разного рода микросообществами, деятельность которых регулировалась нормами частного права. Историческое значение полисного государства (в Греции – несколько сотен городов-государств, включая колонии, в Римской республике – десятки италийских общин под властью гегемонии Рима) состоит в том, что оно сохранило и развило общинные принципы самоорганизации и самоуправления. Это и является изначальной сущностью терминов «демократия» и «республика», подразумевавших прямое народовластие. При этом специфика понятий «гражданин» и «народ» относительно исторических реалий рассматриваемой эпохи заключалась в их восприятии и как политической, и как этносоциальной общности, противопоставленной варварам-чужакам.

Библиографические ссылки

1. Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М. : Логос, 2000. С. 130–136.
2. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. Гражданское общество в древности // Вестн. др. истории. 1998. № 1. С. 22–30.
3. Якобсон В. А. Возникновение писаного права в древней Месопотамии // Вестн. др. истории. 1981. № 4. С. 9–20.
4. Аристотель. Политика. Афинская полиция. М. : Мысль, 1997.
5. Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М. : Логос, 2000. С. 96–114.
6. Кнабе Г. С. Проблема Цицерона // Грималь П. Цицерон : пер. с фр. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 5–20.
7. Якобсон В. А. Государство и социальная психология // Вестн. др. истории. 1989. № 4. С. 75–78.
8. Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность. М. : Искусство, 1986.
9. Цицерон Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Наука, 1966.
10. Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.
11. Цицерон Марк Туллий. Речи : в 2 т. М. : Издательство АН СССР, 1962. Т. 1.
12. Дождев Д. В. Римское частное право. М. : Норма, 2011.
13. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2005. Т. 7, полутом 2.
14. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1.
15. Штаерман Е. М. Римское право // Культура Древнего Рима : в 2 т. М. : Наука, 1985. Т. 1. С. 210–247.
16. Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов Древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М. : ИВИ РАН, 1999. С. 49–58.
17. Рюпке Й. Дивинация и принятие политических решений в эпоху Республики // Вестн. др. истории. 2005. № 1. С. 34–48.

References

1. Southall A. [On the emergence of states]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. Moscow : Logos, 2000. P. 130–136 (in Russ.).
2. Dyakonov I. M., Yakobson V. A. [Civil society in the Ancient world]. *Vestnik drevnei istorii*. 1998. No. 1. P. 22–30 (in Russ.).
3. Yakobson V. A. [The emergence of written law in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevnei istorii*. 1981. No. 4. P. 9–20 (in Russ.).
4. Aristotle. [Politics. Athenian politia]. Moscow : Mysl', 1997 (in Russ.).
5. Vasil'ev L. S. [East and West in history (basic parameters of the problematic)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. Moscow : Logos, 2000. P. 96–114 (in Russ.).

6. Knabe G. S. [Problem of Cicero]. In: P. Grimal'. Tsitseron. Moscow : Molodaya Gvardiya, 1991. P. 5–20 (in Russ.).
7. Yakobson V. A. [State and the social psychology]. *Vestnik drevnei istorii*. 1989. No. 4. P. 75–78 (in Russ.).
8. Knabe G. S. [Ancient Rome – history and everyday life]. Moscow : Iskusstvo, 1986 (in Russ.).
9. Cicero Mark Tullii. [Dialogues. On the commonwealth. On the laws]. Moscow : Nauka, 1966 (in Russ.).
10. Gluskina L. M. [Problems of social and political life of Athens in IV century BC]. Leningrad : A. I. Gertsen LGPI, 1975 (in Russ.).
11. Cicero Mark Tullii. [Orations] : in 2 vol. Moscow : Publishing house USSR Academy of Sciences, 1962. Vol. 1 (in Russ.).
12. Dozhdev D. V. [Roman private law]. Moscow : Norma, 2011 (in Russ.).
13. Digesta Iustiniani : in 7 vol. Moscow : Statut, 2005. Vol. 7, half 2 (in Russ.).
14. Digesta Iustiniani : in 7 vol. Moscow : Statut, 2002. Vol. 1 (in Russ.).
15. Shtaerman E. M. [Roman law]. *Kul'tura Drevnego Rima* : in 2 vol. Moscow : Nauka, 1985. Vol. 1. P. 210–247 (in Russ.).
16. Kolosovskaya Y. K. [Hospitality as a law of nations of the Ancient Rome]. *Zakon i obychai gostepriimstva v antichnom mire*. Moscow : IVI RAN, 1999. P. 49–58 (in Russ.).
17. Ryupke J. [Divination and political decisions in Roman Republic]. *Vestnik drevnei istorii*. 2005. No. 1. P. 34–48 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 09.09.2017.
Received by editorial board 09.09.2017.

УДК 930(410)«086»+94(363.2)

ОТРАЖЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ ЖЕНЩИН В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ АНГЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. В. МАТВЕЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются и изучаются основные историографические англоязычные работы, связанные с местом и ролью женщины в раннесредневековой Англии. Рассмотрены статьи, написанные в период с 1950-х гг. и вплоть до настоящего времени. При анализе данных работ была выявлена и обоснована необходимость написания общей работы, которая будет способна вобрать в себя достижения последних лет и свести их в единую систему, так как единственная вышедшая за этот период полноценная обобщающая работа по теме – монография Кристины Фелл «Женщины в англосаксонской Англии» – не соответствует требованиям современной медиэвистики, а работы, увидевшие свет позже, имеют очень узкую направленность избираемых тем.

Ключевые слова: женщины в истории; раннесредневековая Англия; средневековая историография.

REFLECTION OF THE PLACE AND ROLE OF WOMEN IN THE EARLY FEUDAL SOCIETY OF ENGLAND IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

М. V. MATVEENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes and studies the main historiographical English-language works related to the place and role of women in early feudal England. There are considered articles written in the period from the 1950s up to the present time. In the analysis of these works has been identified the necessity of writing a general work, able to absorb the achievements of recent years and combine them in a single system, because the only published during this period full generalizing work on the subject, the monograph of Christina Fell «Women in Anglo-Saxon England» does not meet the requirements of modern Medieval studies, and the works that appeared after Fell's monograph have a very narrow focus on the chosen topics.

Key words: women in history; early feudal England; Medieval historiography.

Ранний период в истории развития королевства Англии известный советский медиэвист Клара Федоровна Савело в монографии «Раннефеодальная Англия» определила промежутком от VII в. до начала XI в., опираясь при этом на этапы становления государственности [1, с. 3]. Анализируя вопросы соци-

ально-экономического и политического развития, современный российский исследователь Андрей Германович Глебов в монографии «Англия в раннее Средневековье» несколько раздвигает временные рамки. В труде ранним периодом назван промежуток V–XI вв. [2, с. 5]. Стоит отметить, что в обеих

Образец цитирования:

Матвеенко М. В. Отражение места и роли женщин в раннесредневековом обществе Англии в современной англоязычной историографии // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 64–70.

For citation:

Matveenko M. V. Reflection of the place and role of women in the early feudal society of England in modern English-language historiography. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 64–70 (in Russ.).

Автор:

Майя Владимировна Матвеенко – аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук И. А. Евтухов.

Author:

Maya V. Matveenko, postgraduate student at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history. maya1992@tut.by

монографиях рассмотрению роли женщины в развитии общества отведено неоправданно мало места.

Женщины в экономической, социальной и политической жизни общества раннесредневековой (раннефеодальной) Англии играли не менее значимую роль, чем мужчины. Без учета их вклада в развитие государства анализ жизни общества не даст полной картины.

Исходя из этого, в настоящей статье проводится обзор основных историографических англоязычных работ, связанных с местом и ролью женщины в раннесредневековой Англии.

В классической монографии Дорис Стентон «Английская женщина в истории» (1957) глава, посвященная англосаксонской женщине, занимает всего 28 страниц [3, р. 1–28]. Столь же незначительное место отведено англосаксонскому материалу в сборнике «Женщины Англии: от англосаксонских времен до современности. Прокомментированные библиографические очерки» [4, р. 32–56].

О женщинах англосаксонского периода и их правовом статусе пишет Анна Клинк в статье «Англосаксонские женщины и закон», где автор ставит целью продемонстрировать ошибочность мнения о том, что ухудшение правового положения женщин началось только после нормандского завоевания. А. Клинк приходит к выводу о том, что изменения протекали в течение всего англосаксонского периода, а ситуация, сложившаяся после нормандского завоевания, была лишь продолжением этого процесса. Более того, исследователь считает, что изменения, произошедшие в сфере правового положения женщин до завоевания, вопреки общепринятому мнению, были гораздо более значительными, чем после него [5, р. 108].

В монографии Кристины Фелл «Женщины в англосаксонской Англии» (1984) были подведены итоги исследований предшествующих десятилетий, а также открыт новый этап изучения данной темы. Отметим, что две заключительные главы (из девяти), содержащие материал о положении женщин после 1066 г., были написаны Сесилией Кларк и Элизабет Вильямс [6, р. 42]. Появление обобщающей монографии К. Фелл, основанной на широком круге письменных и археологических источников, фиксирует значимый рубеж в изучении проблемы.

В исследовании К. Фелл пришла к выводу о том, что женщины в англосаксонской Англии имели достаточно много прав в самых разнообразных сферах, в том числе экономической или управленческой. В качестве одного из доказательств этому факту она приводит примеры различных англосаксонских терминов из исследованных документов. Эти термины долгое время вводили некоторых историков в заблуждение. Так, К. Фелл рассматри-

вает ситуацию с двумя древнеанглийскими глаголами *bicgan* и *agan*, которые традиционно переводятся как «покупать» и «владеть». При этом слово *bicgan* часто используется в различного рода брачных договорах, например: *cyning sceal mid ceape swene gebiegan* («Королю следует покупать королеву с имуществом»¹). По такому использованию глагола некоторыми исследователями был сделан вывод о том, что брак в англосаксонской Англии сводился к простой покупке жены у ее отца. Однако изучение источников показывает, что деньги, которые платились за жену, выплачивались ей самой, а не родственникам (*morgengifu*), что гарантировало финансовую защищенность и некоторую независимость женщин после свадьбы. Термин *bicgan* в данном случае означает скорее «платить за возможность жениться».

Что касается второго слова, *agan*, и производного от него *agend* («владелец»), то оно означает не «владеть женщиной как рабой», а скорее «отвечать за женщину», так как этот глагол в источниках применяется в отношении самых разных людей (как мужчин, так и женщин), земель и монастырей. Это не означает «право собственности» в нашем понимании и не подразумевает, что зависимый имел статус подчиненного. К. Фелл отмечает, что «в обществе, в котором не было профессиональных юристов, страховых агентов, представителей профсоюзов и так далее *agend* был человеком, который, с одной стороны, должен был взять на себя ответственность перед остальным миром за преступления нанимателя, а с другой – получал возмещение, если *agend(y)* был нанесен вред» [6, р. 17].

Первая глава монографии посвящена женщинам из древнегерманских мифов и легенд, начиная со времен Тацита. С точки зрения К. Фелл особого внимания заслуживает тот факт, что приход богини, именуемой Мать-Земля, «ассоциировался с миром. Только священник знал время, когда она присутствовала на земле, <...> и в это время все оружие должно было быть отложено в сторону» [6, р. 26].

Кроме того, подчеркивается, что в англосаксонских текстах присутствует слово *Wyrd*, что означает «Судьба, фортуна» (женский род, в ряде случаев используется во множественном числе). Это позволило К. Фелл предположить, что словом *Wyrd* обозначались языческие богини, связанные с судьбой, удачей, фортуной. Кроме того, само слово *Wyrd* является родственным древнескандинавскому слову *Urðr*, обозначающему богиню, ткающую на станке судьбы. Связь с ткачеством сохраняется и в других цитатах [6, р. 27]. Наблюдения указывают на применение древнескандинавского перифраза (кенинга) – наименование женщины: «пряхой мира».

¹ Здесь и далее перевод наш. – М. М.

Вторая глава монографии посвящена повседневной жизни англосаксонских женщин, их ежедневным занятиям и профессиям. Само слово *wif* («женщина»), по мнению К. Фелл, постепенно преобразовалось от *weaving* («ткать»), так как женские обязанности по изготовлению одежды наиболее последовательно прослеживаются в источниках среди всех женских занятий. Мужчины же часто назывались словом *weapman* (фраза «мужчины и женщины» встречается в виде *weapman and wifman* во множественном и *wer and wif* в единственном числе) [5, р. 39], образованном, по предположению К. Фелл, от *weaponed* («носящий оружие, вооруженный»).

Самыми важными и распространенными занятиями женщин в англосаксонской Англии, по мнению исследовательницы, были различные работы, связанные с изготовлением одежды. Второй основной областью бытовой деятельности, в которую были вовлечены женщины, являлось приготовление еды и обеспечение семьи продовольствием. Кроме того, некоторые данные указывают на профессии женщин, принадлежащие к артистическому виду деятельности. В древнеанглийском языке присутствуют существительные со значениями «скрипач», «танцор» и «певец» как в мужской, так и в женской форме (*fithlestere*, *hleapestre* и *sangestre*). Однако эти слова встречаются в основном в глоссарии в переводе с латинского. Существительное *wifhearp* («арфистка») встречается только один раз [6, р. 54].

Третья глава труда К. Фелл посвящена брачным отношениям между мужчиной и женщиной, их правам и обязанностям внутри семьи, юридической защищенности каждого из ее членов после заключения брака. Исследовательница показывает, что женщина в браке была хорошо защищена как с юридической, так и с финансовой сторон. Например, в законах ясно указывается, что муж должен дать своей жене *morgengifu* («утренний подарок»), в качестве которого могла выступать весьма существенная денежная сумма или земля, предназначавшаяся не родителям девушки, а ей самой. Землей жена могла распоряжаться по своему усмотрению: продавать, дарить, завещать. К. Фелл устанавливает, что следы этой традиции сохранились в некоторых английских топонимах, на это указывают такие названия полей, как *Mayfield*, *Morgay Farm*, *Morgay Wood*, содержащие в себе первоначальное сложносоставное слово *morgengifu* [6, р. 57].

В четвертой главе монографии рассматриваются вопросы взаимодействия женщины внутри семьи – с мужем и детьми. Здесь К. Фелл также подчеркивает особую законодательную защищенность женщины. Например, автор утверждает, что отсутствуют какие-либо записи, свидетельствующие об отвержении женщины, если та оказывалась бесплодной

или не могла родить сына, поскольку в обществе не было четко установлено право первородства, а значит, не было и необходимости в прямом наследнике мужского пола [6, р. 75]. Если женщина умирала бездетной, то ее наследником становился не муж, а ближайшие родственники. Мужчины не имели преимущественного права наследования.

Шестая глава исследования касается религиозной жизни, в которой мужчины и женщины одинаково принимали участие. К. Фелл указывает на то, что монахи и монахини получали одинаковое образование, совершали паломничества, переписывали книги, вели тонкую работу со сложным синтаксисом [6, р. 110].

В седьмой главе К. Фелл обращается к месту женщины в обществе викингов, осевших в Британии.

Как можно видеть, книга К. Фелл охватывает большое количество материала (от германцев, описанных Тацитом, до викингов) и содержит смелые предположения, на многие годы сделавшие монографию краеугольным камнем для любого исследования места женщины в раннесредневековой Англии. Вместе с тем книга имеет и некоторые недостатки, к числу которых может быть отнесена малая аргументированность высказанных предположений лингвистического характера. В исследовании предлагается широкое толкование слов *mann* («человек») *hlaford* («лорд»): «Древнеанглийское слово *mann*, тем не менее, может быть равно использовано для обозначения женщин». <...> «Есть общее слово, регулярно обозначающее ребенка, независимо от пола. Такие мужские слова как *hlaford* “лорд” использовались по отношению к женщинам, что может быть показано в каждом конкретном случае» [6, р. 17, 19]. Данное предположение приводит к расширению круга источников. Однако подобная операция представляется не совсем оправданной, ибо в древнеанглийском языке для обозначения лорда женского пола использовалось слово *hlæfdige*. То есть речь идет о единичных случаях перехода функциональной границы, пролегающей в обществе, между женским полом и мужским. То, что К. Фелл описывает как распространенное явление, скорее можно понять как явление уникальное. В этом случае предположение обретает более прочную опору на источники.

Отсутствие точных ссылок на источники является еще одним недостатком рассматриваемой книги. Если приводится ссылка на экстерские гномы, то указание на строку отсутствует [6, р. 40], если же цитируется хартия, то не указывается ее номер [6, р. 41]. Таких примеров достаточно много, так как данный подход применен ко всей книге. Целью К. Фелл становится рассмотрение места женщины в повседневной жизни англосаксонцев, то есть автор ориентируется на сбор и описательную подачу материала.

Монография К. Фелл до настоящего времени остается единственным обобщающим исследованием, посвященным месту и роли женщины в обществе раннесредневековой Англии. Однако это не означает, что тема исчерпана. Отдельные аспекты, сюжеты и направления в указанном проблемном поле продолжают достаточно активно развиваться.

Исследованием положения женщины в обществе в раннем Средневековье занималась также Стефания Холлис. Ее основная работа – «Англосаксонские женщины и церковь» – вышла в 1992 г. В своем исследовании С. Холлис на основе церковных источников, которые были посвящены или адресованы женщинам, показывает, что положение женщины ухудшилось еще до нормандского завоевания. Такое утверждение противоречит общепринятому научному взгляду. По мнению исследовательницы, в источниках еще в VIII–IX вв. прослеживается взгляд со стороны церкви на роль женщины в качестве подчиненного мужчине создания [23]. Однако работа С. Холлис немного выходит за рамки темы настоящего исследования: церковь является отдельной сложной структурой, живущей по своим законам и правилам, женщины в границах этого мира в нашей статье не рассматриваются [23].

В 1990 г. была опубликована статья профессора Иллинойского университета Меган МакЛаухлин «Женщина-воин» [7, р. 193–209], в которой исследовательница подробно рассмотрела относящийся к заявленной теме материал времен средневековой Европы. При этом автор сразу определила стержневую сюжетную линию статьи: воинственное поведение женщины является аномальным, а значит, необходимо выяснить причины толерантного к нему отношения со стороны общества.

Ирландский исследователь Петер Лукас дал своей статье вполне нейтральное название: «Юдифь и женщина-герой» [8, р. 17–27]. Однако по тексту прослеживается желание автора поставить в конце заглавия знак вопроса. Автор решил рассмотреть героиню поэмы через парадигму германской героической традиции. Первая же оценка делается не в пользу Юдифи: «Будучи героем древнеанглийской поэмы, Юдифь не является женщиной-воином» [8, р. 21]. Автор отмечает, что у нее для этого просто мало физических сил. Кроме того, «будучи женщиной, Юдифь не может даже приказать мужчинам подготовиться к битве, как смог бы командир-мужчина; она просит об этом» [8, р. 22].

Однако, несмотря на такой «негероизм» Юдифи, в поэме присутствует противопоставление «герой – антигерой». Раскрывается оно Петером Лукасом через слово *beoden* («господин, правитель»), которое соотносится и с Олоферном, и с богом. Также к обоим относится эпитет *hehstan* («высочайший»). Автор исследования делает вывод о том, что Юдифь выступает представительницей бога, что вполне

соотносится с германской традицией (о женщинах-пророчицах писал еще Тацит) [8, р. 25].

Кроме того, статья П. Лукаса интересна тем, что в ней сделана попытка четко зафиксировать границу между функциями мужчин и женщин в рамках германского общества: «Как женщина Юдифь не может быть германским вождем со своими дружинниками (*with his comitatus*)» [8, р. 27].

Проблему границы между функциями женщин и мужчин затронула также и Карма Лочри, которая пришла к выводу, что провал плана Олоферна изнасиловать Юдифь, а также его последующая декапитация привели ассирийское войско к неспособности исполнять свою мужскую роль, т. е. воевать. Автор пишет: «Взаимосвязанные (*twin*) категории “мужское” и “женское” лежат в основе большинства иерархических структур (командир/подчиненный) и войны (победитель/побежденный, сексуальное насилие/военное насилие). Когда эти категории перечеркиваются или не исполняются, как это случилось при декапитации Олоферна, наступает кризис индивидуальной и групповой идентичности» [9, р. 16].

В 1995 г. были опубликованы две близкие по теме статьи: «Права женщин в ранней Англии» Кристины Кларк [10, р. 207–236] и «Вдовы в англосаксонской Англии» Рольфа Бреммера [11, р. 58–88].

Первая из указанных статей интересна своей симметричной структурой. Сперва рассматривается место в обществе англосаксонских женщин по следующим параметрам: право на владение землей, законы о семье, занятия женщин, политическое лидерство, юридическая система. После чего делается вывод о высокой самоопределенности англосаксонских женщин. Анализ литературы и источников, как показывают ссылки, идет в русле монографии К. Фелл.

По тем же параметрам рассматриваются женщины периода после нормандского завоевания (1066 г.). К. Кларк приходит к выводу о значительном сужении для женщин того времени спектра возможностей по каждому из предложенных параметров, исследовательницу интересует не место и роль женщины в раннесредневековой Англии, а причины столь резких изменений.

Вторая из названных статей посвящена хорошо разработанной в историографии проблеме особого положения вдов в англосаксонском обществе. В качестве примера можно привести вышедшую двадцатью годами ранее достаточно полную и практически исчерпывающую статью Теодора Риверса «Права вдов в англосаксонском праве» [12, р. 208–215]. Новизна подхода Р. Бреммера заключается в расширении источниковой базы за счет включения в нее наряду с законодательными церковными памятниками – канонического права и проповедей, имеющих отношение к вдовам.

Весьма ценной для формирования более полного представления о месте женщины в обществе раннесредневековой Англии представляется написанная в 1998 г. небольшая (объемом в три страницы) статья Майкла Райта из Окленда, посвященная акушерскому делу указанного периода [13, р. 3–5].

Новые грани изучения места и роли женщины в обществе раннесредневековой Англии открывает статья профессора Мэри Докрэй-Миллер из университета Лесли «Женское сообщество в древнеанглийской “Юдифи”» [14, р. 172]. В центре внимания автора находятся отношения между Юдифью и ее служанкой, не названной в поэме по имени. На то, что они составляют единый коллектив, по мнению автора указывает слово в строке 132 *ba* («обе») [14, р. 168].

Основной функцией женского коллектива является сохранение семьи. Именно это подчеркивает М. Докрэй-Миллер: «Они убивают Олоферна, чтобы сохранить свой дом, а не для того, чтобы покрыть себя самих славой (это был вторичный эффект). Юдифь не является ни образом целомудренной церкви, ни мужским героем в платье; она участвует в героическом сообществе, основанном на материнской опеке и женском сотрудничестве» [14, р. 170]. Материнскую опеку автор также усматривает и в отношениях Юдифь – служанка. Первая из них играет ведущую роль [14, р. 168]. Дискурс о материнской опеке, начатый М. Докрей-Миллер в указанной статье, перерос в монографию «Материнство и материнская забота в англосаксонской Англии» [15]. Следует отметить, однако, что с учетом специфики университета (у истоков его находится частная школа, где готовили гувернанток для девочек), в котором преподает профессор М. Докрэй-Миллер, монография носит характер более приближенный к серии из четырех эссе (по числу глав), чем к строгому историческому исследованию.

В 2006 г. свет увидела обобщающая монография профессора Стаси Кляйн «Правящие женщины» [16]. Следует признать, однако, тот факт, что обобщение не выходит за рамки памятников древнеанглийской литературы, так как профессор С. Кляйн является специалистом именно в этой области. Годом ранее статья, посвященная поэме «Елена» [17, р. 47–89], была отмечена специальной наградой биеннале международного общества англосаксонистов.

Во введении к монографии профессор С. Кляйн обозначила свою цель следующим образом: «Фокусируя внимание на пяти главных работах донормандского периода – “Церковной истории” Беды, “Елене” Кюневульфа, “Беовульфе” и Эльфриковых ритмизированных прозаических версиях Ветхого Завета (книга Царей и Эсфирь) – я доказываю, что англосаксонские писатели используют (образы) легендарных королевских жен для моделирования

культурных идеалов правления королей (*queenship*) в течение исторического периода, когда само правление королей переживало глубинные (*profound*) изменения» [16, р. 4].

В упомянутой выше статье С. Кляйн указывает на важность образа императрицы – матери Елены – для общей оценки места и роли облаченной властью женщины в англосаксонской Англии, ибо именно с нее папа римский Григорий Великий советовал кентской королеве Берте брать пример [17, р. 47].

В поле научных интересов профессора университета Луисвилля Андрию Рабина, специалиста по деятельности епископа Вульфстана, в 2009 г. попала судьба королевы Эльфрит, которой он посвятил отдельную статью [18, р. 261–288]. История англосаксонского права была показана с совершенно новой точки зрения: через призму опеки и судебной защиты, предоставленной королевой своим приближенным. Наряду со сборниками законов источником для исследователя послужила судебная практика, зафиксированная в хартиях, содержащих протоколы разбирательств в собраниях шайров [18, р. 274].

Особый интерес для темы работы представляет очерк Трайси-Анн Купер «Юдифь в поздней англосаксонской Англии» [19, р. 169–196]: первая часть очерка посвящена проповеди Эльфрика по библейской книге «Юдифь», вторая – англосаксонской поэме, третья – соответствующей миниатюре в «Винчестерской Библии» (XII в.). Сравнивая образ Юдифи в проповеди и поэме, автор приходит к выводу в том, что оба произведения были призваны побудить англосаксов к борьбе с викингами, но в проповеди акцент был сделан на духовный отпор, а в поэме – на военный [19, р. 184].

В 2012 г. Кэтрин Притцель, (сейчас доктор исторических наук в Оксфордском университете, а в то время – независимый исследователь Королевского университета в Белфасте), выступила со статьей «Аппетит к власти: англосаксонская королева милостью божьей» [20, р. 549–558]. Первой англосаксонской королевой милостью божьей стала Кюнетрит, супруга короля Мерсии Оффы. К. Притцель показала, что власть королевы имела прерывистый характер. Если король получал власть от своего предшественника по наследству, то «королевы должны были выстраивать (дословно – выкраивать: *to carve out*. – М. М.) свою роль заново» [20, р. 549].

В этом же году вышел в свет сборник с многообещающим названием: «Справочник по англосаксонским исследованиям» [21]. Издание продолжило начатую издательством «Вайлей-Блэквелл» серию сборников с теоретическими статьями по отдельным историческим периодам. Два раздела книги тесно связаны с проблемой роли и места женщин в англосаксонском обществе: «Гендер» С. Кляйн и «Женщины» Е. Шек и В. Блантан. Оба дискурса обращены к актуальным сюжетам современной

англосаксонистики и никоим образом не связаны с обобщением. В первом случае рассматривается вопрос о женщине-воине на примере Юдифи, во втором описывается деятельность наиболее известных аббатисс того времени. Основное внимание при этом уделено Хильде.

В 2013 г. Меган Кавелл из университета Дарэма (города, в котором было записано последнее стихотворное произведение на древнеанглийском языке) вновь обратилась к интерпретации слова *wundenlocc* [22, p. 119–125], оспорив тем самым выводы, предложенные К. Фелл тридцать лет назад. В отличие от К. Фелл, косвенно опирающейся на археологические данные, М. Кавелл расширила базу лингвистических данных. Предложенная в новом исследовании система аргументов выглядит убедительно, но не в достаточной степени, чтобы поколебать позиции К. Фелл.

Проведенный обзор научных публикаций последних трех десятилетий, посвященных изучению места и роли женщин в обществе раннесредневековой Англии, позволяет сформулировать следующие выводы.

Единственная вышедшая за этот период полноценная обобщающая работа по теме – монография

К. Фелл «Женщины в англосаксонской Англии» – не соответствует требованиям современной медиавистики. В работе нет точных ссылок на использованные источники, аргументация отдельных положений не выглядит достаточной, общий подход к решаемым проблемам является описательным, а системный подход отсутствует.

Работы, увидевшие свет после монографии К. Фелл, лишены главного недостатка – отсутствия ссылок, снабжены современным научно-справочным аппаратом, широко используют обращение к интернет-ресурсам. Главным достоинством этих работ является тщательная разработка отдельных сюжетов.

Однако с этим же связан и главный недостаток исследований последнего времени – узкая направленность избираемых тем (рассмотрение роли акушеров в обществе, скрупулезный анализ отдельных терминов), а также их повторяемость (множество работ посвящено правлению королевы Эммы и эпической Юдифи).

Таким образом, приобретает актуальность написание общей работы, способной вобрать в себя достижения последних лет и свести их в единую систему.

Библиографические ссылки

1. Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л. : Издательство ЛГУ, 1977.
2. Глебов А. Г. Англия в раннее Средневековье. СПб. : Евразия, 2007.
3. Stenton D. M. The english woman in history. New York : Macmillan, 1957.
4. Dietrich Sh. An introduction to. Women in Anglo-Saxon society // The women of England: from Anglo-Saxon times to the present: interpretive bibliographical essays : coll. art. London : Mansell, 1980. P. 32–56.
5. Anne L. Klinck Anglo-Saxon women and the law // J. Mediev. Hist. 1982. Vol. 8. P. 107–121.
6. Fell C., Clarc C., Williams L. Women in Anglo-Saxon England and the impact of 1066. London : British Museum Publications, 1984.
7. McLaughlin M. The woman warrior: gender warfare and society in Medieval Europe // Wom. Stud. 1990. Vol. 17. P. 193–209.
8. Lucas P. J. 'Judith' and the woman hero // Yearb. Eng. Stud. 1992. Vol. 22. Mediev. Narrat. Special Number. P. 17–27.
9. Lochrie K. Gender, sexual violence, and the politics of war in the Old English Judith // Class and Gender in early English literature: Intersections / ed. by B. I. Harwood, G. R. Overing. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1994. P. 16.
10. Clark C. G. Women's rights in Early England // Brigh. Young Univ. Law Rev. 1995. Vol. 1995, issue 1. P. 207–236.
11. Bremmer R. H. Widows in Anglo-Saxon England // Between Poverty and the pyre: moments in the history of widowhood. London : Routledge, 1995. P. 58–88.
12. Rivers T. J. Widows' rights in Anglo-Saxon law // Am. J. Leg. Hist. 1975. Vol. 19, No. 3. P. 208–215.
13. Wright M. J. Anglo-Saxon midwives // ANQ: A Quarterly J. Short Artic., Notes Rev. 1998. Vol. 11, issue 1. P. 3–5.
14. Dockray-Miller M. Female community in the Old English Judith // Stud. Neophilol. 1998. Vol. 70. P. 165–172.
15. Dockray-Miller M. Motherhood and mothering in Anglo-Saxon England. Springer, 2000.
16. Klein S. S. Ruling women: queenship and gender in Anglo-Saxon literature. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 2006.
17. Klein S. S. Reading queenship in cynewulf's Elene // J. Mediev. Early Mod. Stud. 2003. Vol. 33 (1). P. 47–89.
18. Rabin A. Female advocacy and royal protection in tenth-century England: the legal career of queen Ælfthryth // Speculum. 2009. Vol. 84, № 2. P. 261–288.
19. Cooper T.-A. Judith in late Anglo-Saxon England // The Sword of Judith / ed. by K. Brine, H. Laehnemann. Cambridge : Open Books, 2010. P. 169–196.
20. Prietzel K. Appetite for power: the Anglo-Saxon regina gratia dei // Engl. Stud. 2012. Vol. 93, № 5. P. 549–558.
21. A handbook of Anglo-Saxon studies / ed. by J. Stodnick, R. Renée. Trilling. Chichester ; West Sussex : Wiley-Blackwell, 2012.
22. Cavell M. Old English 'Wundenlocc' hair in context // Medium Ævum. 2013. Vol. 82. P. 119–125.
23. Hollis S. Anglo-Saxon women and the church: sharing a common fate. Woodbridge ; Suffolk ; Rochester ; New York : Boydell, 1992.

References

1. Savelo K. F. [Early feudal England]. Leningrad : Publish house LSU, 1977 (in Russ.).
2. Glebov A. G. [England in the early Middle Ages]. Saint Petersburg : Eurasia, 2007 (in Russ.).
3. Stenton D. M. The english woman in history. New York : Macmillan, 1957.
4. Dietrich Sh. An introduction to. Women in Anglo-Saxon society. *The Women of England: from Anglo-Saxon times to the present: interpretive bibliographical essays* : coll. art. London : Mansell, 1980. P. 32–56.
5. Anne L. Klinck Anglo-Saxon women and the law. *J. Mediev. Hist.* 1982. Vol. 8. P. 107–121.
6. Fell C., Clarc C., Wiliams L. Women in Anglo-Saxon England and the impact of 1066. London : British Museum Publications, 1984.
7. McLaughlin M. The woman warrior: gender warfare and society in Medieval Europe. *Wom. Stud.* 1990. Vol. 17. P. 193–209.
8. Lucas P. J. 'Judith' and the woman hero. *Yearb. Engl. Stud.* 1992. Vol. 22. Mediev. Narrat. Special Number. P. 17–27.
9. Lochrie K. Gender, sexual violence, and the politics of war in the Old English Judith. In: B. I. Harwood, G. R. Overing. *Class and Gender in early English literature: Intersections*. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1994. P. 16.
10. Clark C. G. Women's rights in early England. *Brigh. Young Univ. Law Rev.* 1995. Vol. 1995, issue 1. P. 207–236.
11. Bremmer R. H. Widows in Anglo-Saxon England. *Between poverty and the pyre: moments in the history of widowhood*. London : Routledge, 1995. P. 58–88.
12. Rivers T. J. Widows' Rights in Anglo-Saxon law. *Am. J. Leg. Hist.* 1975. Vol. 19, No. 3. P. 208–215.
13. Wright M. J. Anglo-Saxon midwives. *ANQ: A Quarterly J. Short Artic. Notes Rev.* 1998. Vol. 11, issue 1. P. 3–5.
14. Dockray-Miller M. Female community in the Old English Judith. *Stud. neophilol.* 1998. Vol. 70. P. 165–172.
15. Dockray-Miller M. Motherhood and mothering in Anglo-Saxon England. Springer, 2000.
16. Klein S. S. Ruling Women: queenship and gender in Anglo-Saxon literature. Notre Damei : University of Notre Dame Press, 2006.
17. Klein S. S. Reading queenship in cynewulf's Elene. *J. Mediev. Early Mod. Stud.* 2003. Vol. 33 (1). P. 47–89.
18. Rabin A. Female advocacy and royal protection in tenth-century England: the legal career of queen Ælfthryth. *Speculum*. 2009. Vol. 84, No. 2. P. 261–288.
19. Cooper T.-A. Judith in late Anglo-Saxon England. *The sword of Judith*. Cambridge : Open Books, 2010. P. 169–196.
20. Prietzel K. Appetite for power: the Anglo-Saxon regina gratia dei. *Engl. Stud.* 2012. Vol. 93, No. 5. P. 549–558.
21. Stodnick J., Trilling R. R. (eds.). A handbook of Anglo-Saxon studies. Chichester ; West Sussex : Wiley-Blackwell, 2012.
22. Cavell M. Old English 'Wundenlocc' hair in context. *Medium Ævum*. 2013. Vol. 82. P. 119–125.
23. Hollis S. Anglo-Saxon women and the church: sharing a common fate. Woodbridge ; Suffolk ; Rochester ; New York : Boydell, 1992.

Статья поступила в редколлегию 16.05.2017.
Received by editorial board 16.05.2017.

УДК 94(476)«1914/1918»

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 1917 г.

Э. В. СТАРОСТЕНКО¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Рассматривается работа проведенного в июле 1917 г. в Могилёве Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства. Раскрываются причины проведения съезда, особенности его организации. Устанавливается, как повлияли на повестку дня революционные события, произошедшие в феврале 1917 г. (например, внедрение принципа выборности в ведомстве военного и морского духовенства). Показана позиция духовенства армии по вопросам политической деятельности и поддержки политических партий и организаций. Раскрывается отношение духовенства к актуальным вопросам о войне, капитализме, труде, а также к оптимальным способам преподнесения этих вопросов в проповедях. Перечисляются проблемы, поставленные на рассмотрение съезда, дается анализ наиболее важных из них (благотворительная деятельность, знаки отличия и ношение светского платья, образование священников ведомства, кадровые вопросы, реорганизация «Вестника военного и морского духовенства» и др.). Дается оценка съезду, называются причины, по которым он не смог внести позитивные изменения в положение священника в армии.

Ключевые слова: Первая мировая война; Февральская революция; военное духовенство; православная церковь; Святейший синод; протопресвитер военного и морского духовенства.

THE SECOND ALL-RUSSIAN CONGRESS OF ORTHODOX MILITARY AND NAVY CLERGY OF 1917

E. V. STAROSTENKO^a

^aA. Kuleshov Mogilev State University, 1 Kasmanaŭtaŭ Street, Mogilev 212022, Belarus

The Second All-Russian Congress of military and navy clergy, which was held in July 1917 in the city of Mogilev is considered. The reasons of its carrying out and features of its organization are regarded. It is established how the revolutionary events of February 1917 influenced on the agenda of the congress (for example the introduction of the principle of election in the military and navy clergy department). In addition the position of the clergy of the army according to political activities and support of political parties and organizations is shown. The attitude of the clergy to current events and how to present these events in sermons is revealed. The questions which are put to the congress are listed and the analysis of the most important of them is given (for example questions of charity, charity activities and wearing of a secular dress, the education of a priest of the department, personnel issues, reorganization of the printed organ «Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva»). The author gives evaluation to the congress and the reasons why the congress could not make positive changes in the position of the priest in the army are called.

Key words: the World War I; The February Revolution; Orthodox military priesthood; Orthodox church; Department attached to Protopresbyter of military and navy priesthood; protopresbyter of military and naval clergy.

Образец цитирования:

Старостенко Э. В. Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства православной церкви 1917 г. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 71–75.

For citation:

Starostenko E. V. The Second All-Russian Congress of Orthodox military and navy clergy of 1917. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 71–75 (in Russ.).

Автор:

Элеонора Викторовна Старостенко – аспирантка кафедры истории Беларуси и восточных славян историко-филологического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Д. С. Лавринович.

Author:

Eleonora V. Starostenko, postgraduate student at the department of history of Belarus and Eastern Slavs, faculty of history and philology.
eleonorastarostenko@mail.ru

Введение

История Первой мировой войны долгое время была в тени изучения революционных событий в России 1917 г. Однако в последние годы возрастает интерес как к войне в целом, так и к отдельным ее аспектам. Война и религия, а также взаимодействие в годы Первой мировой войны православной церкви (в лице военного духовенства) и армии, а в особенности развитие их отношений после Февральской революции, представляют несомненный интерес. При этом следует отметить, что военному духовенству на территории Беларуси в настоящее время

не посвящено ни одного самостоятельного исследования. Целью настоящей статьи является анализ деятельности Второго Всероссийского съезда православного военного и морского духовенства, состоявшегося в июле 1917 г. в Могилёве. Для достижения этой цели был поставлен ряд задач. Во-первых, рассмотреть предпосылки и условия проведения съезда; во-вторых, проанализировать основные положения, вынесенные на рассмотрение делегатов, характер дискуссионных вопросов; в-третьих, выявить значение принятых съездом решений.

Основная часть

Смена власти в России в марте 1917 г. серьезно изменила положение священнослужителей в российской армии: пошатнулся их авторитет среди военнослужащих. В связи с этим ведомство военного духовенства признало необходимым созвать всероссийский съезд с целью решения поставленных революцией вопросов. К участию приглашались не только иереи и протоиереи, но и младшие клирики (псаломщики и диаконы), что соответствовало свободам, провозглашенным новой властью в России. Ведомство протопресвитера заявляло, что съезд организовывался для «более тесного пастырского объединения в переживаемый исторический момент, а также в целях коллективного разрешения некоторых существенных вопросов церковно-общественной жизни» [1, с. 34].

Местом проведения съезда первоначально назывался Петроград, позже – Витебск, но в итоге выбор пал на Могилёв¹. Военный фронт в то время располагался близко к городу. В Могилёве находились также Ставка Верховного главнокомандующего и протопресвитер с его полевой канцелярией. Кроме того, организовать собрание такого масштаба было намного дешевле в губернском городе, нежели в столице [2, с. 197–198]. Открытие съезда было назначено на 1 июля 1917 г., а местом заседания выбрано помещение женского духовного училища.

Вынесенные на обсуждение делегатов положения были подготовлены пастырской, реорганизационной, хозяйственно-благотворительной, правовой (затем вошла в состав реорганизационной) и издательско-просветительской предсъездовыми комиссиями. Еще две комиссии занимались вопросами Поместного собора и Учредительного собрания, устройством духовенства расформированных частей.

Для участия в съезде каждому фронту предлагалось прислать шесть делегатов, среди которых обязательно должны были быть главный священник, два представителя духовенства строевых частей,

один – санитарных и один – запасных. Балтийский флот избирал четырех делегатов, Черноморский – двух, духовенство Петрограда и его окрестностей – трех, Духовное правление – также трех. От младшего клира было приглашено девять представителей². Таким образом, предполагалось, что в съезде примут участие чуть более 50 человек. При проверке делегатских полномочий выяснилось, что только Западный и Румынский фронты выполнили требования по количеству делегатов. Северный и Юго-Западный фронты перевыполнили норму на два человека, а Кавказский, напротив, прислал на двух меньше. На одного представителя меньше прислал также и Балтийский флот. К участию были допущены все превысившие нормы делегации. На заседания также пригласили представителей Могилевского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Протопресвитер Г. Шавельский позже писал о том, что зал был переполнен, а места брались «с боя» [3, с. 449].

Почетным председателем съезда стал протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский, председателем – главный священник армий Румынского фронта протоиерей П. Лепорский. Были определены и полномочия съезда. Делегаты могли обсуждать вопросы, касающиеся военно-духовного ведомства на тех же условиях, что и епархиальные собрания. Проблемы, имеющие отношение к казенному финансированию, обсуждались лишь в контексте желательности их проведения.

Одним из важнейших оказался вопрос реорганизации ведомства в соответствии с принципом выборности, получившим повсеместное распространение после Февральской революции. В первую очередь речь шла о выборности должностных лиц (от благочинных до протопресвитера). Делегаты постановили, что все лица, находящиеся на названных должностях, после войны должны быть переизбраны. С целью решения возникающих в дальнейшем важнейших вопросов, а также для проведения выборов на руководящие должности

¹ Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 1. Л. 31 об.

² Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 151.

всероссийские съезды становились ежегодными. Глава военного духовенства (протопресвитер) избирался из числа священников, прослуживших в ведомстве не менее пяти лет и имеющих высшее богословское образование. Сменить главу можно было только в судебном порядке. На могилевском съезде было произведено досрочное переизбрание протопресвитера с закрытой баллотировкой, 45 голосов было «за» сохранение должности Г. И. Шавельским и всего 3 голоса оказалось «против» [1, с. 35]. Управление духовенством протопресвитер должен был осуществлять с помощью Протопресвитерского совета, образованного вместо Духовного правления¹. Состоял совет из двух отделений, в каждом служило по пять человек (три священника, диакон или псаломщик, мирянин). Все решения в этих отделениях принимались большинством голосов. Члены Протопресвитерского совета также избирались священниками на всероссийских съездах военного и морского духовенства, но за протопресвитером сохранялось право на отвод кандидатур. Выборными становились должности дивизионных благочинных, а также новые должности корпусных благочинных и окружных главных священников. Их избрание осуществлялось на соответствующих местных съездах духовенства.

Февральская революция и смена власти в России создала необходимость для духовенства в обсуждении дальнейших действий в связи со сложившейся общественно-политической обстановкой. Важно было определить единую позицию духовенства по вопросам участия в политической деятельности, отношению к Учредительному собранию. Также необходимо было решить, с какой позиции будут освещаться текущие события в проповедях.

При этом в виду возрастания политической активности всех слоев населения делегаты съезда заявили о необходимости определить для ведомства в целом и каждого священника в частности возможность участия в деятельности политических организаций и партий. Предсъездовая комиссия признала тот факт, что находиться в стороне от происходящего в государстве невозможно, так как «в настоящее время быть вне политики значит быть вне жизни»². Однако предложение комиссии встретило сопротивление со стороны ряда священников. Можно выделить две основные позиции по данному вопросу. Сторонники первой позиции выступали категорически против участия в политической борьбе и политических партиях. Они объясняли это тем фактом, что священник, как лицо духовное, должен быть вне политики. Хорошо передают эту точку зрения слова делегата И. Образцова: «Эта

борьба возбуждает страсти, которые поведут к разделению в приходе. Пастырь не может быть Павлов или Петров, или Аполосов, он Христов, и программа его – программа Христа: царство мое не от мира сего»³. Сторонники идеи участия в политической жизни спорили о том, какие силы и каким образом поддерживать. Только после вмешательства протопресвитера на голосование было поставлено следующее предложение: в будущем духовенство должно было организоваться в одну церковно-демократическую организацию с целью активно участвовать в общественной жизни. До этого момента предлагалось примкнуть к любой из существующих партий, согласуясь со своей пастырской совестью. Однако, даже когда большинство участников съезда поддержало это положение, делегаты Юго-Западного фронта заявили об особом мнении по данному вопросу ввиду того, что фронтовой съезд высказался за внепартийность священника.

Поскольку съезд принял решение о праве каждого священника принимать участие в деятельности политических партий и организаций, следующим шагом было определение действий в отношении Учредительного собрания. Предсъездовая комиссия постановила, что только Учредительное собрание «в состоянии вывести страну из разрухи, внутренней междоусобицы и безвластия, установить определенный государственный строй, закрепить его основными законами и создать твердую власть»⁴. В связи с этим крайне важным было то, кто войдет в состав Учредительного собрания и чье мнение парламент будет выражать. При обсуждении данного вопроса некоторые священники предлагали примкнуть к той партии, которая поддержит церковь в ее непрестом положении. Другие представители духовенства предлагали сотрудничать с одной из партий, чтобы взамен своих голосов провести некоторое число священников в Учредительное собрание. Но протопресвитер решительно отверг эту идею, назвав ее торгом: «За 2–3 голоса своих людей, мы соглашаемся провести Бог знает кого в Учредительное собрание. Это чести нам не делает»⁵. Третья сторона и вовсе была категорически против поддержки какой-либо партии на выборах в Учредительное собрание. В итоге съезд решил, что делегаты от военного духовенства на Всероссийском соборе предложат составить список кандидатов из числа сторонников церкви. За этих кандидатов будет голосовать само духовенство и агитировать к этому свою паству.

После Февральской революции в действующей армии отношение к священнослужителям изменилось. В частности, это проявилось в срыве

¹ Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 219.

² Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 161 об.

³ Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 163 об.

⁴ Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 162.

⁵ Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 175.

солдатами проповедей, попытках вступать со священниками в дискуссии. В связи с этим на съезде подробно обсуждался способ организации проповеднической деятельности, а также содержание этой деятельности. Делегаты согласились с тем, что священник не может проповедовать какую-либо определенную политическую программу. При этом оказалось невозможным не касаться политических и экономических вопросов, следовательно, их необходимо было объяснять с «евангельской» позиции. В помощь духовенству специальная комиссия разработала тезисы о труде, капитале, сословности, земле, войне, смертной казни, правах женщин, которые должны были лечь в основу проповеди. Делегаты голосовали по каждому из указанных тезисов, по возможности вносили свои правки. Так, труд был признан «благословением Божиим и необходимым условием нравственного совершенствования», в то время как капитализм – нехристианским явлением¹. Война должна была преподноситься в проповедях как неизбежный и необходимый шаг в борьбе за мир². Выработанные советы по основным общественно-политическим вопросам не выражали идеи отдельных партий, а согласовались с евангельскими нормами.

На съезде также обсуждались вопросы кадрового характера. За годы войны число военных священников увеличилось в несколько раз. Однако было ясно, что в ведомстве смогут остаться только лица, занимающие штатные должности, в то время как мобилизованные из епархий добровольцы и священники-беженцы окажутся без места службы. Съезд признавал тот факт, что, хотя некоторые нештатные священники смогли сохранить свои прежние места, в условиях повсеместно вводимого выборного начала паства может поддержать другого кандидата. Тем представителям духовенства, кто ушел с должности в надежде устроиться после войны, в реальных условиях найти новое место стало практически невозможно. Среди мер, рекомендованных съездом, была адресованная протопресвитеру просьба о назначении на освободившиеся штатные места беженцев и добровольцев, потерявших место в епархии, а также об обращении в Синод с просьбой предписать епархиальным преосвященным рекомендовать на вакантные места в епархиях в первую очередь военных священников.

Также обсуждалось злоупотребление отпусками и командировками. Главный священник армий Западного фронта К. Богородицкий сообщал, что такое явление было особо распространено. Например, в одной из дивизий фронта сразу после Пасхи в отпуск уехало практически все духовенство,

а единственный оставшийся священник всю дивизию обслужить не мог³. О схожих проблемах сообщали и другие главные священники и благочинные. В связи с этим съезд принял решение определить строгую очередь отпусков на братских собраниях духовенства с указанием времени для каждого. Теперь одновременно в дивизии уйти в отпуск мог только один священник.

Интерес представляют и другие вопросы съезда. В частности, о повышении уровня образованности священников, денежном довольствии, одежде и наградах, ликвидации института псаломщиков, благотворительности, реорганизации «Вестника военного и морского духовенства». Рассмотрим некоторые из них.

За годы войны ведомство протопресвитера пополнилось священниками, не имеющими необходимого образования. Для решения этой проблемы делегатами съезда было установлено ежегодно командировать в духовные академии за счет казенных средств четырех военных священников, имеющих среднее образование, с условием обязательной шестилетней службы по окончании обучения.

Обсуждался вопрос об особых знаках отличия для военных священников. Всем участникам войны было предложено носить наперсный крест на красной или темно-красной ленте (как знак крови). Эту инициативу заблокировал младший клир – диаконы и псаломщики, которые являлись равноценными участниками съезда, – так как им не полагались знаки отличия [4, с. 75]. Переголосовать по данному вопросу без участия младшего клира духовенство не смогло.

Дискуссия о ношении светского костюма превратилась в спор между молодыми и пожилыми священниками. Молодые выступали за право смены духовного платья, объясняя это общественной реакцией на рясу священника: «Идешь со святыми дарами, встречные плюют, говорят, что будет несчастье – попа встретили»⁴. Кроме того, ряса была неудобна в условиях полевой жизни. Этот вопрос было решено оставить на усмотрение каждого священника.

Благотворительная деятельность также не осталась без внимания делегатов. Участники съезда поддержали решение об открытии приюта-гимназии для детей-сирот военного духовенства. С этой целью было постановлено обложить каждого военного священника, диакона и псаломщика единовременным взносом в размере 10 руб., 7 руб. 50 коп. и 5 руб. соответственно; выделить не менее 10 руб. из сумм военных церквей и не более 20 тыс. руб. из сумм свечного завода; просить о финансовой поддержке у министра народного про-

¹Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 170 об.

²Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 171 об.

³Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 94.

⁴Рос. гос. истор. арх. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2. Л. 226.

свещения и военного министра [1, с. 36]. Также было принято решение об отчислении средств в пользу семей умерших и находящихся в плену священников. На съезде было утверждено положение о санатории в Ессентуках, на развитие которого военное духовенство жертвовало из личных средств, начиная с 1915 г. В санаторий на оздоровление могли приезжать священники и служащие ведомства, а также их семейства, вдовы и сироты. Эти меры должны были облегчить жизнь духовенства после войны. Но тем не менее следует признать тот факт, что воспользоваться собранными суммами ведомству так и не удалось.

На многих местных съездах было заявлено о необходимости реорганизовать «Вестник военного и морского духовенства». Делегаты были единодушны во мнении, что журнал не отвечает запросам времени. Кроме того, после революции издание вестника затруднилось: статьи поступали с опозданием, а стоимость выросла в 10 раз. Реформа журнала заключалась в изменении его структуры. Планировалось создать несколько отделов: церковно-общественный; по политическим, экономическим, общественным и философским вопросам; осведомительный; «за границей» (обозрение прессы); библиографический; «беседа с читателями».

Издавать журнал было решено в Киеве, так как стоимость типографских работ там была значительно ниже, чем в столице. Новый печатный орган стал называться «Церковно-общественная мысль: прогрессивный орган военного и морского духовенства».

Многие идеи, выдвинутые на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства, могли бы реорганизовать ведомство в соответствии с новой общественно-политической обстановкой в российской армии. Тем не менее ситуация, складывающаяся в российском обществе в целом и в армии в частности, сделала невозможным проведение такой реорганизации. Солдаты желали скорейшего завершения войны, а авторитет духовенства, которое призывало продолжать сражаться, быстро падал. Кроме того, провозглашение свободы совести обнажило реальную сравнительно невысокую религиозность военнослужащих, ввиду чего необходимость служения такого большого числа священников в армии отпадала. Г. И. Шавельский писал: «Никакими эффектами и никакими талантами духовных лиц уже нельзя было остановить охватившего армию безумия, принявшего характер стихийной силы. Общефронтовой съезд 1917 г. военного и морского духовенства был его последней лебединой песней» [3, с. 450].

Заключение

Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства был ответом на революционные события, произошедшие в феврале 1917 г. При участии широкого круга представителей ведомства протопресвитера были приняты решения об отказе от назначения работников на некоторые должности и о переходе к принципу выборности, учреждении новых должностей и советов, которые должны были улучшить работу священников в армии. Делегаты выработали единую политическую

платформу, а также сформулировали положения по важнейшим общественно-политическим вопросам с «евангельской» точки зрения. Решения съезда были призваны осуществить корректировку пастырской работы и решить ряд насущных хозяйственных, кадровых и благотворительных проблем. Но, несмотря на то, что решения были востребованы и опирались на объективные потребности, изменить положение военного духовенства они не смогли.

Библиографические ссылки

1. Всероссийский съезд военного и морского духовенства // Церковно-обществ. мысль: прогрессив. орган воен. и морск. духовенства. 1917. № 1. С. 34–39.
2. Старостенко Э. В. Всероссийский съезд военного и морского духовенства 1917 года в городе Могилёве // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац удзельнікаў X Міжнар. навук. канф. (Магілёў, 25–26 мая 2017 г.). Магілёў, 2017. С. 197–201.
3. Шавельский Г. Русская церковь пред революцией. М. : Артос-Медиа, 2005.
4. Капков К. Г. Памятная книга военного и морского духовенства XIX – начала XX в. Справочные материалы. М. : Летопись, 2008.

References

1. [All-Russian Congress of military and navy clergy]. *Tserkovno-obshchestvennaya mysl' : progressivnyi organ voennogo i morskogo dukhovenstva*. 1917. No. 1. P. 34–39 (in Russ.).
2. Starostenko E. V. [All-Russian congress of military and navy Clergy of 1917 in Mogilev]. *Gistoryja Magiljova: minulae i suchasnasc'* : collect of pap. of X int. sci. conf. (Mogilev, 25–26 May, 2017). Mogilev, 2017. P. 197–201 (in Russ.).
3. Shavel'sky G. [Russian church before the revolution]. Moscow : Artos-Media, 2005 (in Russ.).
4. Kapkov K. G. [Commemorative book of military and navy Clergy XIX – early XX centuries. Reference materials]. Moscow : Letopis', 2008 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.06.2017.
Received by editorial board 06.06.2017.

УДК 323.22/28

ВОЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ СТРАН ЗАПАДА И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ БИРМЫ/МЬЯНМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Д. А. БРОДЯК^{1), 2)}

¹⁾Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, пл. Свободы, 4, 61022, г. Харьков, Украина

²⁾Харьковская областная библиотека для детей, ул. Алчевских, 43, 61002, г. Харьков, Украина

Изучается важный аспект сотрудничества постколониальной элиты Бирмы/Мьянмы со странами Запада (после достижения в 1948 г. независимости Бирмы/Мьянмы), которое заключалось в установке контактов в военной сфере: закупке вооружения и военной техники, обучении бирманской армии, создании в Бирме автономных военных производств и т. д. Подчеркивается, что главную роль в перевооружении национальных вооруженных сил в послевоенные годы играла немецкая государственная оружейная компания *Fitz Werner GmbH (FWG)*, сотрудничество с которой бирманская сторона отметила возведенным в Германии «Мемориалом отношениям с любовью». Делается вывод о том, что военное сотрудничество стран Запада с постколониальной элитой Бирмы/Мьянмы облегчило победу местной правящей верхушки во внутрибирманском гражданском противостоянии и способствовало достижению долгосрочного компромисса между модернистским и консервативным крыльями последней. Отмечается, что умелое использование национальной элитой Бирмы/Мьянмы фактора военно-политического сотрудничества с Западом к началу XXI в. открыло перед страной новые перспективы.

Ключевые слова: Бирма/Мьянма; армия; оружие; Англия; Германия; военные контакты; конвергенция.

MILITARY COOPERATION OF THE COUNTRIES OF THE WEST AND POST-COLONIAL ELITE OF BURMA/MYANMAR IN THE SECOND HALF OF XX – EARLY XXI CENTURY

Д. А. BRODYAK^{a, b}

^aV. N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Square, Kharkiv 61022, Ukraine

^bKharkiv Regional Library for Children, 43 Alchevskich Street, Kharkiv 61002, Ukraine

After the independence of Burma/Myanmar in 1948, the country's development was accompanied by intense interaction between the local post-colonial elite and Western countries. The article examines an important aspect of this cooperation – contacts in the military sphere (the procurement of weapons and military equipment, the training of the Burmese army, the establishment in Burma of an Autonomous military production, etc.). It is emphasized that the main role in the rearmament of the National armed forces in the postwar years was played by the German the state arms company *Fitz Werner GmbH (FWG)*, the cooperation with which the Burmese side noted the «Memorial to Relations with Love», erected in Germany. As the author concludes, the military cooperation of the countries of the West and the post-colonial elite of Burma/Myanmar facilitated the victory in the intra-Birmingian civil confrontation of the local ruling elite and contributed to the achievement of a long-term compromise between the modern and conservative wings of the latter. It is concluded that the skilful use of the factor of military-political cooperation with the West by the national elite of Burma/Myanmar by the beginning of the 21st century, without exaggeration, opened up new prospects for the country.

Key words: Burma/Myanmar; army; weapons; England; Germany; military contacts; convergence.

Образец цитирования:

Бродяк Д. А. Военная кооперация стран Запада и постколониальной элиты Бирмы/Мьянмы во второй половине XX – начале XXI в. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 76–81.

For citation:

Brodyak D. A. Military cooperation of the countries of the West and post-colonial elite of Burma/Myanmar in the second half of XX – early XXI century. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 76–81 (in Russ.).

Автор:

Дмитрий Аркадьевич Бродяк – соискатель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета¹⁾; методист²⁾.

Author:

Dmitry A. Brodyak, doctoral candidate at the department of Modern and Contemporary history, faculty of history^a; methodist^b.
harrus777@gmail.com

Сложности и противоречия постколониального этапа истории развивающихся стран отразились в нелегкой судьбе Республики Союз Мьянма (Мьянма)¹ – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии. Средневековое имперское прошлое и колониальное господство англичан оставили Мьянме наследие, которое во многом предопределило полувекое правление в стране военных режимов в период после Второй мировой войны.

Стоит отметить, что до настоящего времени как российские [1; 2], так и западные [3, р. 54–76; 4] исследователи этапы межэлитного противостояния в послевоенной Бирме/Мьянме освещали преимущественно в парадигме борьбы армии с оппозицией, авторитаризма с демократией (как вариант – порядка с анархией), не останавливаясь на вопросах внутренней эволюции местных политических группировок. Вне поля внимания находились вопросы функционирования верхушки независимой Бирмы/Мьянмы как элемента структуры мировых, в том числе западных, элит.

Под эгидой сильного традиционалистского государства и под влиянием индийских и китайских образцов в Мьянме к моменту прихода англичан сложилась самобытная политическая культура, наложившая отпечаток на все отношения местного общества. Власть в традиционном мьянманском обществе, как и в ряде других стран Дальнего Востока, представляла собой прежде всего покровительство. Вместе с тем власть в политической традиции Мьянмы воспринималась и как способность элит приказывать, подчинять и требовать от граждан безоговорочного исполнения воли правящей верхушки [5, с. 322–323]. В колониальный период устоявшиеся представления о политической культуре временно потеряли актуальность и отошли на второй план на фоне бессилия Мьянмы в противостоянии европейскому натиску. В то же время традиционалистские черты бирманской политической культуры не исчезли и под властью англичан. Существование таких черт в новейший период истории страны зримо проявилось уже в том, что в период японской оккупации в годы Второй мировой войны в Бирме достаточно спонтанно сформировались мощные вооруженные силы, во главе которых встали патриотически настроенные молодые люди [6, с. 66–68].

Во время господства Японии вооруженные силы Бирмы входили в состав правительства адипади («верховного правителя») Ба Мо, а 27 марта 1945 г. эти силы подняли восстание против японской оккупации [7, с. 244]. Стоит отметить, что после победы над японцами отношения между бирманскими модернистами и британскими военными перешли в план тесного и разностороннего сотрудничества.

Особую роль в укреплении контактов с бирманскими патриотическими силами и в формировании бирманской постколониальной элиты сыграл выдающийся английский военный и государственный деятель, правнук королевы Виктории лорд Луис Маунтбеттен. В 1943–1946 гг. лорд занимал должность Верховного главнокомандующего силами союзников в Юго-Восточной Азии [8, р. 145–202]. В связи с этим не удивителен тот факт, что бирманцы, добившись от англичан в начале 1947 г. огласки сроков признания независимости, попросили на три года оставить в стране значительную британскую военную миссию. Главной целью этой миссии было создание профессиональной бирманской армии из разнообразных добровольческих формирований, возникших в период японской оккупации. После того как военная миссия в 1951 г. покинула Бирму, многие английские офицеры остались служить в бирманской армии в индивидуальном порядке, оказывая влияние на ее развитие. Дети британских офицеров стали бирманцами и получили национальные имена, однако даже в 1962 г. в официальном списке, состоящем из 17 членов Революционного совета, пришедшего к власти в результате военного переворота генерала Не Вина, встречается совсем не бирманское имя – главнокомандующий ВВС бригадный генерал Томас (Томми) Клифт (бывший британский боевой летчик, сын англичанина и шанки) [9, с. 88–94].

Еще один видный деятель первого поколения бирманских модернистов – соратник Аун Сана генерал У Лвин – продолжил свою карьеру в армии после обретения Бирмой независимости и был отправлен на обучение в Англию (закончил Королевскую военную академию Сандхерст), а позже – в Западную Германию. В 1959 г. У Лвина направили в качестве военного атташе в Вашингтон, где он установил контакты в американском военном и политическом истеблишменте. Важным аспектом работы генерала в США было курирование обучения бирманских офицеров. В период до военного переворота 1962 г. только в военно-учебных заведениях США учились 1200 курсантов из Бирмы. В дальнейшем в составе военного правительства, пришедшего к власти в 1962 г., У Лвин стал одним из лидеров Партии бирманской социалистической программы и последовательно занимал посты министра финансов, вице-премьер-министра и члена Государственного Совета социалистической Бирмы. В 1988 г. после прихода к власти военных консерваторов и формирования демократической оппозиции У Лвин долгие годы занимал должность казначея Национальной лиги за демократию (главной политической организации мьянманских модернистов) [10].

¹ До 1989 г. государство официально именовалось Социалистическая Республика Бирманский Союз (Бирма).

Во время правления Не Вина должность генерального директора Департамента поставок армии долгие годы занимал бригадный генерал католического вероисповедания Давид Абель (выпускник военной академии Сандхерст, сын индийца – христианина и английской еврейки). После военного переворота 1988 г. именно генерал Абель, войдя в состав обновленного военного руководства, предложил взять курс на построение рыночно ориентированной экономики. В связи с этим генерал получил прозвище «экономический царь Бирмы». В 1990-х гг. Давид Абель совмещал ключевые посты министра торговли, министра финансов и министра национального планирования и экономического развития [11; 12].

Зримым символом сотрудничества бирманских и западных политических элит стало величественное здание в бирманском стиле, построенное в малоприметном городке Гейзенхайм на западногерманской земле Гессен. Здание носит бирманское название «Мьита Паунку Бейкман» («Мемориал отношениям с любовью»). Такое восторженное наименование постройке дал лидер бирманских модернистов генерал Не Вин. Мемориал был сооружен на средства бирманского бюджета и 1 января 1971 г. передан в дар западногерманской компании *Fitz Werner GmbH (FWG)*.

Компания *FWG* была основана в 1896 г., ее специализацией являлось производство оружия и боеприпасов. После Второй мировой войны *FWG* стала полностью принадлежать правительству Федеральной Республики Германия (ФРГ) и находилась под юрисдикцией Министерства экономики. На протяжении десятилетий *FWG* культивировала «эксклюзивные» отношения с модернистской военной элитой Бирмы. Связи между двумя сторонами характеризовались надежностью и конфиденциальностью. Необходимо отметить тот факт, что первый проект *FWG* и вооруженных сил Бирмы относится еще к 1953 г. Этот проект был начат спустя всего пять лет после обретения Бирмой независимости от Великобритании. Речь шла о производстве автомата *BA52*, получившим неформальное название «Стэн Не Вина» (от имени главнокомандующего бирманскими вооруженными силами и общепотребительного названия британского пистолета-пулемета упрощенной конструкции времен Второй мировой войны). Именно с этого контракта начались «эксклюзивные» отношения руководства *FWG* с генералом Не Вином. Примечательно, что технические специалисты компании (прежде всего глава представительства инженер Фриц Вернер) с самого начала имели постоянный доступ к главнокомандующему, такой привилегии никогда ранее не удостоивались представители иностранных бизнес-структур в Бирме [13].

Стоит особо подчеркнуть военное сотрудничество бирманской и западногерманской элит даже

в условиях кровопролитной гражданской войны между бирманскими модернистами и левыми радикалами, сотрясавшей Бирму с марта 1948 г. Перевооружение бирманской армии, проходившее при посредничестве правительства Западной Германии (которое после Второй мировой войны находилось в сильнейшей зависимости от американского истеблишмента), стало одним из важных условий, приведших к перелому во внутрибирманском гражданском противостоянии, способствовало поражению бирманских коммунистов в борьбе с правительством страны.

Следующим этапом плодотворного сотрудничества *FMG* и бирманских модернистов после выпуска автомата *BA52* стало налаживание в Бирме производства западногерманских автоматических винтовок *G3*. Официальное объявление о начале производства было сделано в 1960 г., но ему предшествовала долгая подготовительная работа по согласованию всех (в том числе и политических) деталей. Изначально *FMG* была посредником при покупке властями Бирмы винтовок *G3* у концерна *Rheinmetall* (штаб-квартира в Дюссельдорфе). Концерн производил *G3* в кооперации с компанией *Heckler&Koch*, которая в 1957 г. получила лицензию на производство *G3*. В 1961 г. Министерство иностранных дел ФРГ разрешило экспортировать в Бирму 10 тыс. винтовок *G3*, а также 4 млн патронов, произведенных структурным подразделением *FWG Metallwerk Elisenhütte Nassau (MEN)*. Даже когда генерал Не Вин в марте 1962 г. сместил демократическое правительство У Ну и установил в стране военное правление, правительство ФРГ не имело «никаких возражений» по поводу поставок оружия в Бирму. В указанный период *Rheinmetall* получил разрешение от Бонна на продажу 12 тыс. винтовок *G3* и 800 пулеметов *MG42*, а *MEN* поставил бирманской армии 18 млн патронов. Затем, в 1969 г., Министерство иностранных дел ФРГ разрешило *FWG* экспортировать оборудование с целью изготовления взрывчатых веществ, а также постройки прокатного цеха полного цикла для производства листовой меди.

Результатом такого сотрудничества стало появление на севере Рангуна завода, в котором на западногерманском оборудовании изготавливались винтовки *G3*. За ним последовала организация еще двух производств в Рангуне и в Пьи. Эти заводы позволили бирманским модернистам обрести самодостаточность в производстве вооружений и боеприпасов для внутреннего использования [13].

Прогрессировавший в Бирме процесс урбанизации, а также расширение и реформирование системы современного образования страны в послевоенный период способствовали увеличению политического веса студенческих контрэлитных групп даже в условиях сохранения монополии на власть в руках армейского ядра национальной эли-

ты. Во второй половине XX в. радикалы из среды городской контрэлиты несколько раз громко заявляли о своей позиции во время волнений и демонстраций в 1962, 1974, 1976 и 1987 гг. [1, с. 306, 313–320]. Постоянно нараставшие экономические трудности режима генерала Не Вина весной–летом 1988 г. вызвали новые студенческие беспорядки. Политическая ситуация в стране начала выходить из-под контроля властей. Бирма постепенно погружалась в анархию и хаос.

В связи с нарастающей угрозой общей дезинтеграции страны 18 сентября 1988 г. с согласия командующего национальной армией генерала Не Вина произошел новый военный переворот. Впервые в истории независимой Бирмы у власти встали консервативно настроенные военные из командования сухопутных войск бирманской армии. В предыдущий период они получили вполне европеизированное военное образование в новой «кузнице кадров» мьянманской верхушки – Академии оборонных служб, чьи программы обучения составлялись по образцу европейских и американских военных учреждений высшего образования [9, с. 88–94]. Консервативное крыло национальной элиты, так же как и оттесненные от власти модернисты, было ориентировано на продолжение военно-политического сотрудничества с Западом (что не исключало резкого расширения контактов с Китаем). В связи с этим даже в самые сложные периоды политических отношений между западным миром и Мьянмой их контакты по военной линии (включая экономическое сотрудничество) практически никогда не прерывались. Так, в 1990–2000 гг. первые лица военного руководства Мьянмы периодически встречались с военными атташе посольства США, которые де-факто являлись главными людьми в дипломатическом представительстве (при наличии формальной фигуры временного поверенного). Несколько ранее 255 мьянманских офицеров, несмотря на господство в стране режима «бирманского социализма», прошли обучение в *American Staff College* в Форте Ливенворт, Форте Беннинг и ряде летних училищ. Офицеры и по сей день поддерживают дружеские отношения со своими товарищами, сделавшими хорошую военную карьеру в США [14, р. 138–139].

Тем не менее после кровавого подавления в 1988 г. массовых волнений в Бирме западные партнеры бирманцев, в том числе западногерманские власти и компания *FWG*, были вынуждены приостановить сотрудничество с новым руководством страны в военной сфере. Считается, что данное обстоятельство имело место не по воле сторон, а в связи с международным (прежде всего американским) давлением на правительство ФРГ. Однако даже в этот период власти ФРГ разрешили поставку в Бирму оборудования для производства боеприпасов, а в 1990 г. *FWG* создала очередное совместное

предприятие с мьянманскими военными. Это партнерство стало возможным благодаря старому займу размером в 500 млн долл., который ФРГ выдала Бирме еще в 1960-х гг. «Эксклюзивные» отношения продолжались. В 1999 г. (когда против Мьянмы уже были введены западные санкции) правительство Западной Германии разрешило военным властям Мьянмы провести ремонт здания «Мемориал отношениям с любовью» в Гейзенхайме [14].

На этом фоне после 27-летней борьбы лидера местных модернистов Аун Сан Су Чжи за укрепление политических позиций группировки ведомая ею Национальная лига за демократию одержала убедительную победу на очередных парламентских выборах 8 ноября 2015 г. Это был первый с 1990 г. открытый избирательный поединок оппозиции и правящей военной верхушки. По результатам выборов оппозиция Мьянмы оказалась способна самостоятельно, без коалиции с иными политическими силами, избрать нового президента и сформировать правительство страны [15]. Искусно разыгрывая востребованную в обществе роль «матери нации», Аун Сан Су Чжи укрепила свое политическое влияние на завершающих этапах борьбы с местными контрэлитами, а затем формализовала собственный неофициальный статус второго центра власти в национальной элите, заняв в апреле 2016 г. специально учрежденную для этого должность действительного государственного советника Мьянмы (при сохранении за собой портфелей министров иностранных дел и президентского офиса) [16]. Политические изменения в стране фактически были признаны военными консерваторами в лице действующего главнокомандующего вооруженных сил старшего генерала Мин Аун Хлайна. В частности, он, в отличие от своего предшественника Тан Шве, впервые в День памяти Аун Сана и его соратников (19 июля) возложил венки к мемориалу национального героя и нанес визит в дом его дочери – символический «храм династии» основателя независимой Бирмы [17]. Курс нового правительства соединил политические и экономические аспекты программ двух ведущих политических сил страны. В дальнейшем инициированное Аун Сан Су Чжи снятие американских санкций с ведущих мьянманских военных корпораций, произошедшее во время ее визита в США в сентябре 2016 г. [18], подчеркнуло достижение долгосрочного компромисса между центрами влияния в мьянманской элите – силами, воплощающими тесно связанные между собой покровительственное и авторитарное начала власти в бирманской политической традиции [5, с. 321–323].

Снятие американских санкций оказалось одним из факторов, вызвавших возобновление давних контактов мьянманцев с европейскими партнерами. Так, 23–28 апреля 2017 г. состоялся визит главнокомандующего вооруженными силами Мьян-

мы старшего генерала Мин Аун Хлайна в Австрию и Германию. Программа визита оказалась достаточно насыщенной, главнокомандующего принимали как долгожданного почетного гостя, он встретился с высшим руководством вооруженных сил двух европейских стран. Делегация из Мьянмы посетила военно-исторические музеи Австрии и Германии, дворец Шёнбрунн в Вене, Бранденбургские ворота, Берлинскую стену и Чекпойнт Чарли, а также ознакомилась с работой учебного центра бундесвера в Летцлингене. Главнокомандующий Мин Аун Хлайн и сопровождающие его высшие мьянманские военные помимо прочего посетили предприятия военно-промышленных комитетов Австрии и Германии, уделив особое внимание сфере самолетостроения. В обеих европейских странах старшему генералу предложили направлять к ним мьянманских офицеров на стажировку и обучение. На встрече в Фонде Фридриха Эберта высокопо-

ставленный гость рассказал о роли армии в демократическом транзите Мьянмы.

В ходе визита в Германию главнокомандующий Мин Аун Хлайн подчеркивал, что плодотворное взаимодействие между вооруженными силами двух стран длится уже много лет, и Мьянма стремится к расширению такого сотрудничества [19; 20].

В целом, как показала многолетняя политическая практика, военная кооперация стран Запада и постколониальной элиты Бирмы/Мьянмы облегчила победу во внутрибирманском гражданском противостоянии местной правящей верхушки и способствовала достижению долгосрочного компромисса между модернистским и консервативным крыльями правительства. В итоге умелое использование политической элитой Бирмы/Мьянмы фактора военно-политического сотрудничества с Западом к началу XXI в. открыло перед страной новые перспективы развития.

Библиографические ссылки

1. Васильев В. Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. М. : ИВ РАН ; Крафт +, 2010.
2. Симония А. А. Новый облик военного режима в Мьянме // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2011. № 16. С. 127–146.
3. Callahan M. The Endurance of Military Rule in Burma: Not Why, But Why Not? // Finding dollars, sense and legitimacy in Burma / ed. by S. L. Levenstein. Washington : Woodrow Wilson Int. Cent. for Scholars, 2010. P. 54–76.
4. Taylor R. The State in Myanmar. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2009.
5. Агаджанян А. С. Государство и традиционная политическая культура Бирмы // Государство в докапиталистических обществах Азии / отв. ред. Г. Ким, К. З. Ашрафян. М., 1987. С. 319–332.
6. Листопадов Н. А. Генерал Аун Сан // Восток. 2005. № 5. С. 66–77.
7. Можейко И. В., Узанов А. Н. История Бирмы (краткий очерк). М. : Наука, 1973.
8. Report of the Combined Chiefs of Staff by the Supreme allied Commander: South-East Asia 1943–1945. Vice-Admiral the earl. Mauntbatten of Burma. London : Military Affairs. 1951. Vol. 15, issue 3.
9. Козьма П. Н. Наш человек в Мьянме. М. : Алгоритм, 2014.
10. Wai Moe. NLD 'Guardian' U Lwin Dies Aged 88 [Electronic resource] // Irrawaddy. 2011. URL: http://www2.irrawaddy.com/article.php?art_id=22615 (date of access: 15.06.2017).
11. Burma's former «Economic czar» on a short leash [Electronic resource] // Irrawaddy. 2006. No. 11, vol. 14. URL: http://www2.irrawaddy.com/print_article.php?art_id=6439 (date of access: 12.06.2017).
12. «Don't be so impatient». A military leader asks for understanding [Electronic resource] // Asiaweek. 1998. URL: <http://www.cgi.cnn.com/ASIANOW/asiaweek/98/0403/nat6.html> (date of access: 13.06.2017).
13. Mahn Aung Lwin. The Military Ties That Bind [Electronic resource] // Irrawaddy. 2014. URL: <https://www.irrawaddy.com/from-the-archive/military-ties-bind.html> (date of access: 29.05.2017).
14. Maung Aung Myoe. Building the Tatmadaw. Myanmar Armed Forces since 1948. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2009.
15. Кирьянов О. Оппозиция одержала победу на выборах в Мьянме [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/11/22/myanma-site.html> (дата обращения: 03.07.2017).
16. Pang T. H. «State Counselor» bill signed, creating powerful position for Suu Kyi [Electronic resource] // Irrawaddy. 2016. URL: <http://www.irrawaddy.com/burma/state-counselor-bill-signed-creating-powerful-position-for-suu-kyi.html> (date of access: 13.06.2017).
17. Martyrs' Day makes strides for national reconciliation [Electronic resource] // Myanmar Times. 2016. URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/yangon/21470-martyrs-day-makes-strides-for-national-reconciliation.html> (date of access: 09.07.2017).
18. Obama pledges to remove nearly all remaining US economic sanctions [Electronic resource] // Myanmar Times. 2016. URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/22569-obama-pledges-to-remove-nearly-all-remaining-us-economic-sanctions.html> (date of access: 11.07.2017).
19. Burmese Military Delegation Continues European Goodwill Visit [Electronic resource] // Irrawaddy. 2017. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/burmese-military-delegation-continues-european-goodwill-visit.html> (date of access: 27.05.2017).
20. Parameswaran P. What's Behind Myanmar Military Chief's Europe Voyage? [Electronic resource] // Diplomat. 2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/04/whats-behind-myanmar-military-chiefs-europe-voyage/> (date of access: 26.05.2017).

References

1. Vasil'ev V. F. [The History Of Myanmar/Burma. XX century]. Moscow : IV RAN ; Kraft+, 2010 (in Russ.).
2. Simonia A. A. [The new face of the military regime in Myanmar]. *YUVA: aktual. probl. razvit. [South-East Asia: actual probl. of dev.]*. 2011. No. 16. P. 127–146 (in Russ.).
3. Callahan M. The Endurance of Military Rule in Burma: Not Why, But Why Not? In: S. L. Levenstein (ed.). *Finding dollars, sense and legitimacy in Burma*. Washington : Woodrow Wilson Int. Cent. for Scholars, 2010. P. 54–76.
4. Taylor R. The State in Myanmar. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2009.
5. Agadzhanyan A. S. [The state and the traditional political culture of Burma]. In: G. Kim, K. Z. Ashrafyan (eds). [The State in pre-capitalist societies of Asia]. Moscow, 1987. P. 319–332 (in Russ.).
6. Listopadov N. A. [General Aung San]. *Oriens*. 2005. No. 5. P. 66–77 (in Russ.).
7. Mozheiko I. V., Uzyanov A. N. [History of Burma (short essay)]. Moscow : Nauka, 1973 (in Russ.).
8. Vice-Admiral the earl. Mauntbatten of Burma. Report of the Combined Chiefs of Staff by the Supreme allied Commander, South-East Asia 1943–1945. London : Military Affairs. 1951. Vol. 15, issue 3.
9. Kozma P. N. [Our man in Myanmar]. Moscow : Algoritm, 2014 (in Russ.).
10. Wai Moe. NLD 'Guardian' U Lwin Dies Aged 88. *Irrawaddy*. 2011. URL: http://www2.irrawaddy.com/article.php?art_id=22615 (date of access: 15.06.2017).
11. Burma's former «Economic czar» on a short leash. *Irrawaddy*. 2006. Vol. 14, No. 11. URL: http://www2.irrawaddy.com/print_article.php?art_id=6439 (date of access: 12.06.2017).
12. «Don't be so impatient». A military leader asks for understanding. *Asiaweek*. 1998. URL: <http://www-cgi.cnn.com/ASIANOW/asiaweek/98/0403/nat6.html> (date of access: 13.06.2017).
13. Mahn Aung Lwin. The Military Ties That Bind. *Irrawaddy*. 2014. URL: <https://www.irrawaddy.com/from-the-archive/military-ties-bind.html> (date of access: 29.05.2017).
14. Maung Aung Myoe. Building the Tatmadaw. Myanmar Armed Forces since 1948. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2009.
15. Kiryanov O. [The opposition won the elections in Myanmar]. *Ross. gaz.* 2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/11/22/myanma-site.html> (date of access: 03.07.2017) (in Russ.).
16. Pang T. H. «State Counselor» bill signed, creating powerful position for Suu Kyi. *Irrawaddy*. 2016. URL: <http://www.irrawaddy.com/burma/state-counselor-bill-signed-creating-powerful-position-for-suu-kyi.html> (date of access: 13.06.2017).
17. Martyrs' Day makes strides for national reconciliation. *Myanmar Times*. 2016. URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/yangon/21470-martyrs-day-makes-strides-for-national-reconciliation.html> (date of access: 09.07.2017).
18. Obama pledges to remove nearly all remaining US economic sanctions. *Myanmar Times*. 2016. URL: <http://www.mmtimes.com/index.php/national-news/22569-obama-pledges-to-remove-nearly-all-remaining-us-economic-sanctions.html> (date of access: 11.07.2017).
19. Burmese Military Delegation Continues European Goodwill Visit. *Irrawaddy*. 2017. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/burmese-military-delegation-continues-european-goodwill-visit.html> (date of access: 27.05.2017).
20. Prashanth Parameswaran. What's Behind Myanmar Military Chief's Europe Voyage? *Diplomat*. 2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/04/whats-behind-myanmar-military-chiefs-europe-voyage/> (date of access: 26.05.2017).

Статья поступила в редколлегию 23.06.2017.
Received by editorial board 23.06.2017.

УДК 94(410)«20»+297(410)

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА И КРИЗИС БРИТАНСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В НАЧАЛЕ XXI в.

А. Е. ИГНАТОВИЧ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Рассматриваются проблемы развития мультикультурализма в Великобритании. Определяется роль мусульман в кризисе британского мультикультурализма в начале XXI в. Используются как общенаучные, так и специально-исторические (историко-системный и историко-генетический) методы. Отмечается, что беспорядки летом 2001 г. на севере Англии, а также теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и 7 июля 2005 г. в Лондоне стали поводом к началу дискуссии о пересмотре этноконфессиональной политики. Доказывается, что военные операции в Ираке и Афганистане, а также нерешенность иммиграционных и социально-экономических проблем внутри страны спровоцировали недовольство со стороны мусульман и рост исламофобии в принимающем обществе. Таким образом, кризис в отношениях мусульманской общины и принимающего общества стал восприниматься как кризис мультикультурализма. Показано, что британское правительство отказалось от политики мультикультурализма в феврале 2011 г. на волне усиления внимания принимающего общества к проблеме исламского радикализма. Констатируется, что дерадикализация была поставлена во главу внутренней политики по отношению к мусульманам. Обоснован вывод о том, что правительство Великобритании выступило в поддержку индивидуальной социально-экономической и культурной интеграции через деятельность на местном уровне, что исключило государственную поддержку мусульманских организаций, которые нередко имели связи с экстремистами. Описывается отсутствие целенаправленной политики по отношению к британским мусульманам.

Ключевые слова: британские мусульмане; мультикультурализм; принимающее общество; Великобритания; радикализация.

THE MUSLIM COMMUNITY AND CRISIS OF BRITISH MULTICULTURALISM AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

A. E. IGNATOVICH^a

^aMogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaŭtaŭ Street, Mogilev 212022, Belarus

The article is devoted to the development problems of multiculturalism in Great Britain. The purpose of study is defining a role of Moslems in crisis of British multiculturalism at the beginning of the 21st century. In the course of research both general scientific methods and special historical (historical-systems, historical-genetic) methods were applied. In article it is shown, that disorders in the summer of 2001 in the north of England, acts of terrorism on September, 11th in New York and on July, 7th, 2005 in London became an occasion to discussion about revision of ethnoconfessional policy. It is proved that military operations in Iraq and Afghanistan, pendency of immigration and social and economic problems in the country have provoked discontent from Muslims and growth of islamophobia in the host society. Thus, crisis in relations of a Muslim community and the host society began to be perceived as a crisis of multiculturalism. It is shown, that British government declared off multiculturalism in February, 2011 on a wave of strengthening of attention of the host society to a problem of Islamic radicalism. It is ascertained that deradicalization has been put in the chapter of interior policy with regard

Образец цитирования:

Игнатович А. Е. Мусульманская община и кризис британского мультикультурализма в начале XXI в. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 82–88.

For citation:

Ignatovich A. E. The Muslim community and crisis of British multiculturalism at the beginning of the XXI century. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 82–88 (in Russ.).

Автор:

Антон Евгеньевич Игнатович – старший преподаватель кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета.

Author:

Anton E. Ignatovich, senior lecturer at the department of world history, faculty of history and philology.
ignant@mail.ru

to Muslims. In the conclusion it is proved that the government of the Great Britain has supported individual social and economic and cultural integration through activity at local level. It has excluded the state support of the Muslim organizations which quite often had communications with extremists. But the purposeful policy concerning the British Muslims is absent.

Key words: British Muslims; multiculturalism; host society; Great Britain; radicalization.

Введение

Британское общество долгое время предпочитало не замечать присутствия в стране приверженцев ислама. Мусульмане в Британии традиционно рассматривались как «азиаты» и «иммигранты». Выходцев из стран, в которых ислам – преобладающая религия, стали воспринимать именно как «мусульман» только вследствие терактов, совершенных под лозунгами джихада.

События начала XXI в. многое изменили в жизни Великобритании. Беспорядки летом 2001 г. на севере Англии, а затем теракты 11 сентября того же года в Нью-Йорке и 7 июля 2005 г. в Лондоне стали поводом для начала дискуссии о пересмотре этноконфессиональной политики. Военные операции в Ира-

ке и Афганистане, нерешенность иммиграционных и социально-экономических проблем внутри Великобритании спровоцировали недовольство мусульман, а также рост исламофобии со стороны коренных британцев. Определенной точкой в обсуждении в 2011 г. стал декларируемый отказ главы правительства Великобритании от политики мультикультурализма, которая в конце XX – начале XXI в. определяла контекст взаимодействия мусульманской общины с принимающим британским обществом.

Цель настоящей статьи заключается в определении того, какую роль сыграло мусульманское общество в кризисе британского мультикультурализма в начале XXI в.

Основная часть

Британский мультикультурализм как теория появился в 1960-х гг., когда в Великобритании формировались афрокарибские и южноазиатские общины иммигрантов, являющихся по сути этно-религиозными мусульманскими сообществами. С конца 1970-х гг. правительством страны предполагалось, что в результате ассимиляции иммигрант должен полностью принять язык, культуру, обычаи и институты принимающего общества. Считалось, что именно такой итог взаимодействия принимающего общества и иммигранта является закономерным. Однако конкретные шаги к реализации этой стратегии не предпринимались. Уровень развития мусульманского сообщества в 1970–80-х гг. не позволял говорить об ассимиляции приверженцев ислама. В результате для достижения постепенной гармонизации отношений в обществе были признаны существующие этнокультурные различия. На этом и основывалась британская концепция мультикультурализма, которая активно реализовывалась с середины 1990-х гг. и оформилась как государственный курс лишь при лейбористских правительствах в 1997–2010 гг. [1, с. 221–222]. С одной стороны, община иммигрантов получала возможность сохранять традиции и культуру, в том числе и за счет субсидий, предоставляемых государством и поступивших в распоряжение тесно связанных с этническими диаспорами учебных, религиозных, культурных и спортивных центров на равных правах с соответствующими учреждениями коренных жителей. С другой стороны, предполагалось, что жизнь в демократической стране, а также государственные системы образования

и просвещения сумеют приобщить иммигрантов к ценностям западной цивилизации. Однако религиозные пристрастия мусульман оказались более устойчивыми.

Важно отметить тот факт, что иммигранты-мусульмане не спешат отождествлять себя с принимающим обществом и следовать принятым в нем правилам и традициям. Поиск исламской молодежью своей идентичности приводит к выдвиганию у некоторых из них на первое место именно религиозной составляющей в самом фундаменталистском виде. Однако заключается это не в сохранении устоев традиционного общества родной страны, а в конструировании новой идентичности в условиях принимающего общества.

Первым тревожным звонком для принимающего общества стали беспорядки на расовой почве, прошедшие в ряде северных английских городов весной и летом 2001 г. Причиной конфликта стало стремление молодых выходцев из Пакистана и Бангладеш закрыть территорию их общины для посещения белокожими людьми. Доклад Комиссии Кантла «Социальная связь общин», который последовал за беспорядками, описывает условия крайней расовой сегрегации [2, р. 9]. Посетив ряд городов, в которых имели место столкновения на расовой почве, эксперты пришли к выводу о том, что иммигранты живут «параллельной жизнью» в отдельных анклавах и не связаны с коренными британцами ни в бытовой, ни в культурной, ни в общественной сферах. По мнению исследователей, власти, а также политические партии и общественные организации не предпринимали

попыток наладить диалог между общинами в целях утверждения ценностей, которые должны были бы объединять граждан Британии. Доклад вызвал широкое обсуждение данной проблемы. Российский исследователь Ф. О. Плещунов считает, что фактически эти выводы послужили отправной точкой для начала действий лейбористского правительства вне рамок политики мультикультурализма [3, с.106].

После событий 11 сентября 2001 г. правящая лейбористская партия развернула дискуссию вокруг политики мультикультурализма. Данный вопрос был рассмотрен Министерством внутренних дел Великобритании в программе 2002 г.¹ В ней утверждается, что иммиграция должна зависеть от роста гражданской интеграции и «разделяемых общих ценностей» [4, р. 9]. Тем не менее конкретных шагов по пересмотру этноконфессиональной политики не последовало.

До 2005 г. правительственные чиновники Великобритании считали, что опасность исламского терроризма актуальна лишь для Израиля и арабских стран² даже несмотря на то, что в Лондоне обосновалось большинство западноевропейских исламских центров, которые активно поддерживают деятельность радикальных исламистских группировок. Великобритания дала убежище многим исламским фундаменталистам, которых во всем мире подозревали в терроризме. Одной из первых об этом в 2003 г. написала газета «Санди Телеграф»³. Зависимость Соединенного Королевства от Саудовской Аравии и других стран Персидского залива в вопросах поставки нефти заставила власти Великобритании не замечать радикального влияния извне. По мнению М. Филлипс, британская общественность была не в состоянии понять, что иммигранты, в первую очередь из Пакистана, радикализируются под влиянием идеологии ваххабизма, а исламские радикальные движения преследуют преимущественно политические цели [5]. Влияние лидеров общин во многом определяется тем, что они именуют себя выразителями «истинного» ислама. Имамы многих мечетей приезжали в Британию именно из Саудовской Аравии, откуда финансировались и образовательные программы для детей-мусульман. В связи с этим исследователи обращают внимание на развитие официальной идеи «хорошего имама» и ее значении в деле национальной интеграции [6].

Дальнейшие шаги США и других западных стран, в том числе и Великобритании, после терак-

тов 11 сентября 2001 г. заключались в проведении военных операций в Ираке и Афганистане, что обострило у части мусульманской молодежи чувство того, что правительство предало их интересы. Это подтолкнуло иммигрантов к радикальным альтернативам вне системы отношений государства и традиционных структур мусульманского сообщества [7, р. 87].

Однако приведенные факты вовсе не означают того, что большинство британских приверженцев ислама имеет отношение к террористической деятельности. Более того, опросы мусульман показывают, что их оценка ситуации в стране и за рубежом незначительно отличается от мнения большей части жителей страны. Большой интерес представляют результаты исследования, проведенного в 2003 г. Министерством внутренних дел Великобритании⁴. Данный опрос показал, что мусульмане и выходцы из Южной Азии почти так же, как и белокожие люди, чувствуют принадлежность к Великобритании. На вопрос «Насколько сильно вы чувствуете свою принадлежность к Британии?» ответ «Очень сильно» дали 53 % «белых» и 44,6 % мусульман (из них 44,8 % – пакистанцы). Результаты опроса не подтвердили предположение о том, что иммигранты и институты власти в более высокой степени отчуждены друг от друга. Если среди белокожих на вопрос «Насколько вы доверяете парламенту» большая часть опрошиваемых ответила «Не очень сильно» (44 %), то среди мусульман значительная часть дала ответ «Достаточно сильно» (39 %).

Ситуацию в стране обострили теракты в Лондоне 7 июля 2005 г., совершенные внешне интегрированными в британское принимающее общество выходцами из мусульманских стран. Для предупреждения новых терактов лейбористское правительство Э. Блэра в 2005–2006 гг. подготовило новые законы, которые предоставили полиции и спецслужбам расширенные полномочия и увеличили утвержденный законом 2001 г. список запрещенных экстремистских исламских организаций. [1, с. 231]. Тогда же премьер-министр Э. Блэр заявил, что «прибытие в Великобританию не право <...> проживание здесь влечет за собой обязанности, которые состоят в том, чтобы разделять и поддерживать ценности, основополагающие для британского образа жизни»⁵.

По существу полный отказ консерваторов и лейбористов от совместного подхода к проблеме мультикультурализма был обозначен в феврале 2008 г. в выступлении в Комиссии по равенству и правам

¹ Здесь и далее перевод англоязычных источников наш. – А. И.

² Bright M. The London Bombs: UK Policy // Obs. 2005. 17 July. P. 17.

³ Palmer A. We have made a paradise for terrorists in our own backyard // Sunday Telegr. 2003. 4 May. P. 23.

⁴ 2003 Home Office Citizenship Survey: people, families and communities. URL: <http://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/7943> (date of access: 09.10.2015).

⁵ PM's Press Conference. 5 Aug. 2005. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.number10.gov.uk/Page8041> (date of access: 11.02.2011).

человека «Экстремизм, права личности и верховенство закона в Британии» лидера Консервативной партии Д. Кэмерона. Опасение оратора было вызвано распространением ислама в Великобритании. В речи консерватор указывал: «В настоящем в нашей стране есть острая необходимость провести дебаты о месте религии в светском обществе. И это не тот вопрос, от которого мы должны уходить. Напротив, вопреки общественному мнению, Британия фактически становится более религиозной страной, чем предполагается. И это не связано с подъемом католицизма, вызванным прибытием иммигрантов из Восточной Европы и Африки, или ростом числа церквей пятидесятников, а с тем, что посещение мечетей иммигрантами растёт» [8].

Далее Д. Кэмерон сосредоточил внимание на двух проблемах: оценке политики мультикультурализма и опасности введения законов шариата. Следование политике мультикультурализма, как заявил Д. Кэмерон, превратило Британию в своеобразную гостиницу, где обособленно и независимо от общего течения жизни проживают этнические меньшинства со своей религией, культурой, обычаями и языком. В результате британская идентичность стала размываться, сформировались этнические монолиты, члены которых не ощущают себя личностью, возникла угроза культурного апартеида. Современный мультикультурализм Д. Кэмерон назвал ошибочной доктриной, имеющей катастрофические последствия. Политик заявил: «Сосредоточившись на поощрении различных культур, которые обосновались у нас и называют Британию своим домом, мы забыли о поддержке самой важной культуры – нашей собственной. Таким образом, мы столкнулись с ситуацией, когда дети первого поколения иммигрантов, родившиеся и выросшие здесь, чувствуют себя более оторванными от британской жизни, чем их родители. В Америке 47 % мусульман ощущают себя, прежде всего, мусульманами, а затем уже американцами. В Британии положение почти в два раза сложнее: 81 % мусульман считают себя, прежде всего, мусульманами, а затем – британцами» [8].

В своем выступлении лидер оппозиции коснулся также вопроса применения норм шариата для мусульман в рамках принимающего британского общества: «Идея о том, что люди, живущие в Англии и являющиеся членами религиозной общины или какой-либо другой группы, могут освобождать себя частично или полностью от юрисдикции англий-

ских судов и выбирать параллельную юрисдикцию, в любой форме и в любом случае не может быть реализована» [8]. Тем не менее в сентябре 2008 г. лейбористское правительство узаконило деятельность шариатских судов в качестве арбитражных для дел по разводам, опеке над детьми и финансовым спорам при согласии обеих сторон [1, с. 236].

Заметное влияние на итоги выборов 2010 г. оказал вопрос о мультикультурализме, хотя несмотря на его растущую актуальность, он и не был ключевым [1, с. 241–242]. Выступления всех политиков отличались политкорректностью, так как иммигранты, будучи британскими гражданами, составляли существенную часть электората. Национальная перепись 2011 г. показала, что половина мусульман в Англии и Уэльсе являются коренными жителями, и почти три четверти людей из их числа идентифицируют себя как британцы¹.

В лейбористском манифесте² предлагалось остановить иммиграцию неквалифицированной рабочей силы, также говорилось о введении более строгих стандартов при сдаче иммигрантами экзаменов по английскому языку и страноведению, приезд в Британию объявлялся не правом, а привилегией. Вносить какие-либо изменения в политику мультикультурализма не планировалось.

Консерваторы намеревались сократить численность иммигрантов с сотен до десятков тысяч человек в год, установив ежегодную максимальную квоту для иммигрантов и повысив требования к уровню их профессиональной подготовки³. Лидер партии Д. Кэмерон критиковал лейбористское правительство за ориентацию на концепцию мультикультурализма в ее односторонней версии, направленной лишь на поддержку этнических общин. По мнению Д. Кэмерона, подобный политический курс способствовал изолированному образу жизни азиатов, африканцев и латиноамериканцев, препятствовал их интеграции в новую жизнь, что в конечном итоге привело к отчуждению второго и третьего поколений мигрантов от британских традиций и демократических ценностей.

Либеральные демократы выработали особую позицию в отношении иммигрантов (в первую очередь – мусульман)⁴. После вступления лейбористского правительства в союз с администрацией США в войну в Афганистане, а позже – в Ираке, поддержка части мусульманских избирателей перешла от Лейбористской партии к Партии либеральных демократов (ПЛД). Объяснялось это тем, что ПЛД

¹ Full story: What does the Census tell us about religion in 2011? URL: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_310454.pdf (date of access: 14.09.15).

² 2010 The Labour Party Manifesto. URL: http://www.cpa.org.uk/cpa_documents/TheLabourPartyManifesto-2010.pdf (date of access: 09.10.2015).

³ 2010 Party Manifesto: The Conservative Party. URL: <http://conservativehome.blogs.com/files/conservative-manifesto-2010.pdf> (date of access: 09.10.2015).

⁴ 2010 Liberal Democrat Party Manifesto. URL: http://www.politicsresources.net/area/uk/ge10/man/parties/libdem_manifesto_2010.pdf (date of access: 09.10.2015).

выступала за отказ Британии от участия в войне с мусульманскими странами.

Большую активность в данной избирательной кампании, по сравнению с предшествующей, проявили националистические партии: Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК) и Британская национальная партия (БНП), как наследница другой расистской организации. Основным в программах партий был вопрос о «цветной» иммиграции (так называли новых граждан Британии члены указанных организаций). ПНСК предлагала на пять лет заморозить прием в страну претендующих на постоянное место жительства иммигрантов и выселить из Британских островов нелегальных переселенцев¹. В предвыборном манифесте БНП в 2010 г. («Демократия, свобода, культура и идентичность») говорилось о том, что главную угрозу для Британии представляют «цветные» иммигранты, исповедующие ислам, а также о необходимости восстановить «белое лицо» британского населения, о неприемлемости политики мультикультурализма и о решении задачи по депортации «чужеродной части населения»². В своей пропаганде БНП использовала необычные для политических партий образы и лексику, например, образ Христа и цитаты из Евангелия. Однако эти организации не были достаточно популярны среди населения, и на парламентских выборах 2010 г. ни одна из них не завоевала мандатов в палате общин.

На всеобщих парламентских выборах 2010 г. победу одержала Консервативная партия Великобритании и сформировала коалиционное правительство с либеральными демократами. В программе коалиционного правительства³, принятой сразу после выборов, говорилось о необходимости ликвидировать любую дискриминацию в отношении чернокожих жителей и азиатов, улучшить условия их жизни (это, однако, не исключало возможности депортирования из страны нарушителей закона по решению государственных органов). В специальном разделе по иммиграции констатировалось, что культура иммигрантов обогащает культуру Британии, а их трудовой вклад укрепляет экономику.

Речь Д. Кэмерона, премьер-министра Великобритании, на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2011 г. [9], несомненно, следует рассматривать как важную веху, поворотный пункт во взаимоотношениях между мусульманами и британским принимающим обществом.

На конференции по безопасности Д. Кэмерон должен был, прежде всего, обозначить те угрозы,

с которыми Великобритания сталкивается в последние годы. Самой большой из них, по мнению премьер-министра, являются террористические атаки на страну, которые осуществляют «собственные граждане Великобритании» [9]. Несмотря на то, что терроризм, по словам Д. Кэмерона, не связан исключительно с какой-либо одной религией или этнической группой, премьер-министр отметил, что «в Европе эта угроза исходит главным образом от молодых людей, которые руководствуются абсолютно неправильным, искаженным толкованием ислама и потому готовы взорвать себя и убить своих сограждан» [9].

При этом премьер-министр провел четкую границу между исламом как религией и исламским экстремизмом, назвав последний политической идеологией, которая привлекает к себе граждан, «оторванных от жизни» и лишенных корней в обществе. Д. Кэмерон заявил: «Мы должны ясно понимать, что корни проблемы терроризма кроются в идеологии, в исламском экстремизме. В Великобритании, также как и в других европейских странах, определенная часть молодых людей идентифицирует себя с традиционным исламом; они сохраняют верность обычаям и традициям, сохранившимся на родине их родителей. Они не идентифицируют себя с Великобританией, и потому в поисках своей идентичности некоторые молодые мусульмане становятся приверженцами экстремистских идеологий» [9]. По мнению Д. Кэмерона, причину этого следует искать в мультикультурной политике страны, приведшей к ослаблению коллективной британской идентичности: «Руководствуясь доктриной мультикультурализма, мы поощряли представителей различных культур жить обособленно, в отрыве друг от друга и от британского общества в целом. Более того, мы позволяли этим обособленным сообществам демонстрировать поведение, которое прямо противоречит нашим ценностям. <...> Если мы хотим победить терроризм, нам пора перевернуть страницу провальной политики и отказаться от государственного мультикультурализма» [9].

Премьер пообещал радикально пересмотреть такую политику: на смену «пассивной толерантности» должен прийти «либерализм с мускулами» [9]. Вместо поощрения раздельного проживания граждан в рамках своих субкультур Д. Кэмерон считал необходимой выработку некоего единого для всех граждан кода – «британскости».

Выступление премьер-министра означало, что консерваторы готовы отказаться от проводимой

¹ 2010 Party Manifesto: UKIP. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/ge10/man/parties/UKIPManifesto2010.pdf> (date of access: 09.10.2015).

² Democracy, freedom, culture and identity: The manifesto of the British national party, 6 May 2010. Welshpool, 2010.

³ The Coalition: our programme for government. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/78977/coalition_programme_for_government.pdf (date of access: 09.10.2015).

политики мультикультурализма и приступить к ее пересмотру. Впрочем, четкую программу обновления мультикультурализма, как и в 2008 г., Д. Кэмерон не предложил.

Речь Д. Кэмерона была неоднозначно воспринята британским обществом. Пресса увидела в заявлении премьер-министра прежде всего сигнал к началу широкого обсуждения проблемы¹.

В затруднительном положении оказался лидер либеральных демократов и заместитель премьер-министра Н. Клегг: мультикультурализм был одним из постулатов идеологической платформы его партии. В заявлении 3 марта 2011 г. в Лутоне² Н. Клегг сказал, что Д. Кэмерон «абсолютно прав в своем намерении утвердить в сознании людей активный и сильный либерализм», который, по мнению оратора, требуется для защиты либеральных ценностей. Однако в отличие от премьер-министра Н. Клегг подчеркнул, что политика мультикультурализма необходима для того, чтобы построить «открытое и стабильное общество». Либерал-демократ упрекнул бывшее лейбористское правительство в том, что политике мультикультурализма недоставало четкости.

В Лутоне, по случайному совпадению или в прямой связи с выступлением Д. Кэмерона, прошла демонстрация сторонников ультраправой организации «Лига английской обороны», образованной в 2009 г. с целью противодействовать распространению в Британии исламизма, экстремизма и законов шариата. Демонстранты требовали от правительства остановить рост экстремистских мусульманских организаций, запретить шариатские суды и строительство мечетей. Противостояла упомянутой демонстрации манифестация организации «Объединение против фашизма». Акции переросли в столкновения. Эти события свидетельствовали о наметившемся расколе в британском обществе [1, с. 250].

Практически одновременно с проведением в Мюнхене конференции по безопасности в Великобритании был опубликован доклад «Страх и надежда. Новая политика идентичности», посвященный проблеме национализма и экстремизма³. Как отмечали авторы доклада, тот факт, что лишь 8 % населения страны заявляют о своей твердой приверженности мультикультурализму, однозначно свидетельствует о том, что применявшаяся модель государственной политики в отношении этниче-

ских и религиозных меньшинств больше не работает. Сохранение политики в нынешнем виде таит большую опасность для британского общества, поскольку и без того напряженные отношения между коренными британцами и иммигрантами (в первую очередь мусульманами), будут все чаще проявляться в форме ожесточенных конфликтов.

Речь Д. Кэмерона вызвала очередную волну дебатов по вопросу о том, что следует понимать под термином «мультикультурализм»⁴. Британский исследователь Т. Модуд продолжал настаивать на преждевременности разговоров о смерти мультикультурализма как идеи. Утверждалось, что данная политика отстаивает интересы мусульман. Мультикультурализм был неправильно охарактеризован как способствующий терроризму: принадлежность к исламу равнозначна принадлежности к расе, а значит, приверженцы ислама имеют такие же основания для своего «особого» статуса [10, р. 10, 65]. Однако все эти споры можно воспринимать как попытку сместить акценты в восприятии заявлений премьер-министра от реальных проблем в сферу теории.

Новым вызовом для британцев стали так называемые «шариатские зоны» и «шариатские патрули». В июле 2011 г. в СМИ появилась информация о том, что исламские экстремисты пытаются создать «шариатские зоны» в районах крупных городов, населенных преимущественно иммигрантами. В «шариатских зонах» запрещались употребление алкоголя, азартные игры, ростовщичество, свободные сексуальные отношения – все то, что относилось, по мнению исламских экстремистов, к «плодам западной цивилизации». Предполагалось, что подобные зоны подготовят почву для создания в будущем Исламского Эмирата⁵.

Несмотря на существующие в обществе сомнения о том, что за словами Д. Кэмерона последуют конкретные действия⁶, правительство практически сразу прекратило поддерживать некоторые организации, подозреваемые в поддержке экстремистских идей⁷. При этом с сентября 2011 г. сократилось финансирование курсов английского языка для иммигрантов⁸, что напрямую противоречит содержанию мюнхенской речи премьер-министра.

В коллективной монографии «Дилеммы Британии: поиск путей развития» отмечается, что мультикультурализм «в современном его применении оказался несостоятельным» [1, с. 259]. Его оттор-

¹ Britishness and muscular liberalism: let the debate begin // Scotsm. 2011. 5 Feb. P. 30.

² Nick Clegg sets out vision of multiculturalism. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-12638017> (date of access: 23.09.2015).

³ Fear and HOPE 2011. The new politics of identity. URL: <http://www.fearandhope.org.uk/2011-report/> (date of access: 23.12.2011).

⁴ Multiculturalism: What does it mean? URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-12381027> (date of access: 06.09.2016).

⁵ Reid S. You are now entering Sharia Law Britain // Dly. Mail. 2011. 30 Jul. P. 34.

⁶ Fine words, Mr. Cameron, but what next? // Sunday Times. 2011. 6 Febr. P. 20.

⁷ Percival J. Cameron's crackdown under way as cash withheld from 'suspect' groups // Guard. 2011. 7 Febr. P. 4.

⁸ Helm T. Funding shake-up hits call to learn English // Obs. 2011. 13 Febr. P. 12.

жение наблюдалось как со стороны большого числа коренных жителей, так и со стороны части молодых мусульман, родившихся и выросших в Британии.

Авторы доклада «Страх и надежда. Новая политика идентичности» в 2016 г. провели повторный

опрос¹. Мусульмане, по-прежнему, хоть и в меньшей степени, чем в 2011 г., воспринимались как проблема для принимающего общества (45 % респондентов полагали, что мусульмане вызывают проблемы в Великобритании).

Заключение

Кризис в отношениях мусульманской общины и принимающего общества в Великобритании стал восприниматься как кризис мультикультурализма. Факты свидетельствуют, с одной стороны, о наличии правых настроений среди британцев, а с другой – об экстремизме мусульманской молодежи, воспитанной в условиях диаспоры. В феврале 2011 г. на волне усиления внимания принимающего общества к проблеме исламского радикализма был зафиксирован отказ британского правительства от политики мультикультурализма. Можно констатировать тот факт, что дерадикализация была постав-

лена во главу внутренней политики по отношению к мусульманам. Правительство Великобритании выступило в поддержку индивидуальной социально-экономической и культурной интеграции посредством актуализации деятельности на местном уровне, а не с помощью государственной поддержки мусульманских организаций, которые нередко имели связи с экстремистами. Однако факты говорят о том, что целенаправленная политика в отношении британских мусульман отсутствовала: действия властей были противоречивы и непоследовательны.

Библиографические ссылки

1. Дилеммы Британии: поиск путей развития / под ред. А. А. Громыко (отв. ред.), Е. В. Ананьевой. М. : Весь мир, 2014.
2. Home Office building a safe, just and tolerant society. Community cohesion: Report of the Independent Review Team Chaired by Ted Cante. London, 2001.
3. Плещунов Ф. О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация исламской молодежи страны // Восток. 2009. № 1. С. 100–108.
4. Home Office building a safe, just and tolerant society. Secure Borders, Safe Heaven: Integration with Diversity in Modern Britain. London, 2002.
5. Phillips M. Londonistan. New York : Encounter Books, 2006.
6. Birt J. Good Imam, Bad Imam: Civic Religion and National Integration in Britain post-9/11 // Muslim World. 2006. Vol. 96, issue 4. P. 687–706.
7. Hussain D. British Muslims in the Anti-Terror Age // Glob. Dialogue. 2007. Vol. 9, issue 3/4. P. 75–87.
8. Cameron D. Extremism, Individual Rights and the Rule of Law in Britain [Electronic resource]. URL: <http://conservative-speeches.sayit.mysociety.org/speech/599697> (date of access: 21.07.2016).
9. PM's speech at Munich Security Conference [Electronic resource]. URL: <http://www.number10.gov.uk/news/speeches-and-transcripts/2011/02/pms-speech-at-munich-security-conference-60293> (date of access: 11.02.2011).
10. Modood T. Multicultural Politics: Racism, Ethnicity, and Muslims in Britain. Minneapolis : Edinburg University Press, 2005.

References

1. Gromyko A. A., Anan'eva E. V. (eds). [Dilemmas of Britain: search of ways of development]. Moscow : Ves' mir, 2014 (in Russ.).
2. Home Office building a safe, just and tolerant society. Community cohesion: Report of the Independent Review Team Chaired by Ted Cante. London, 2001.
3. Pleshchunov F. O. [Policy of multiculturalism in Great Britain and radicalization of Islamic youth of the country]. *Vostok*. 2009. No. 1. P. 100–108 (in Russ.).
4. Home Office building a safe, just and tolerant society. Secure Borders, Safe Heaven: Integration with Diversity in Modern Britain. London, 2002.
5. Phillips M. Londonistan. New York : Encounter Books, 2006.
6. Birt J. Good Imam, Bad Imam: Civic Religion and National Integration in Britain post-9/11. *Muslim World*. 2006. Vol. 96, issue 4. P. 687–706.
7. Hussain D. British Muslims in the Anti-Terror Age. *Glob. Dialogue*. 2007. Vol. 9, issue 3/4. P. 75–87.
8. Cameron D. Extremism, Individual Rights and the Rule of Law in Britain [Electronic resource]. URL: <http://conservative-speeches.sayit.mysociety.org/speech/599697> (date of access: 21.07.2016).
9. PM's speech at Munich Security Conference [Electronic resource]. URL: <http://www.number10.gov.uk/news/speeches-and-transcripts/2011/02/pms-speech-at-munich-security-conference-60293> (date of access: 11.02.2011).
10. Modood T. Multicultural Politics: Racism, Ethnicity, and Muslims in Britain. Minneapolis : Edinburg University Press, 2005.

Статья поступила в редколлегию 20.09.2017.
Received by editorial board 20.09.2017.

¹ Ford R. Fear and HOPE 2011. The new politics of identity. Executive summary. URL: <http://www.fearandhope.org.uk/executive-summary/> (date of access: 14.08.2016).

КАФЕДРЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ БГУ – 25 ЛЕТ

КАФЕДРЫ

КРЫЊІЦАЗНАЎСТВА БДУ – 25 ГОД

THE SOURCE STUDY DEPARTMENT OF BSU CELEBRATES 25th ANNIVERSARY

КАФЕДРЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ БГУ – 25 ЛЕТ

THE SOURCE STUDY DEPARTMENT OF BSU CELEBRATES 25th ANNIVERSARY

Можно говорить о том, что изучение источниковедения в Белорусском государственном университете (БГУ) велось уже с первых шагов деятельности УВО. Необходимость в том, чтобы выпускники гуманитарных отделений БГУ (с 1934 г. – исторического факультета) владели основами источниковедения и смежных специальных исторических дисциплин, хорошо осознавалась первым ректором университета, выдающимся историком-славистом В. И. Пичетой. Как известно, путь Владимира Ивановича в большую науку начинался со скромных документальных публикаций, которые он подготавливал еще будучи студентом Московского университета. Эти труды были опубликованы в изданиях губернских ученых архивных комиссий. Именно В. И. Пичета стал автором одной из первых книг по источниковедению, историографии, архивоведению, археографии, увидевшей свет в 1923 г. Долгое время этот труд служил своего рода учебным пособием для начинающих историков, опираясь на который, в 1925–1926 гг. доцент БГУ Д. И. Довгялло разработал комплексный курс по источниковедению и специальным историческим дисциплинам. В течение нескольких лет этот курс читался студентам гуманитарных отделений университета. К сожалению, неблагоприятная общественно-политическая ситуация, сложившаяся в БССР в конце 1920-х гг. и затронувшая судьбы многих препода-

вателей БГУ, включая и его ректора, приостановила развитие в университете ряда специальных исторических дисциплин, в том числе и источниковедения. Это выразилось в ликвидации учебного курса по источниковедению, свертывании научных исследований, касающихся источниковедческой проблематики, и подобных обстоятельствах. Не были слишком успешными и предпринимавшиеся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. попытки возродить источниковедческие традиции на историческом факультете БГУ. Однако следует отметить позитивную роль, которую в это время сыграл профессор А. П. Игнатенко, подготовив и опубликовав в 1965 г. небольшую книгу источниковедческого характера, опиравшуюся на основные положения аналогичной работы В. И. Пичеты.

Начиная со второй половины 1980-х гг., в связи с усилившимся в стране и обществе интересом к политической истории и открывшимися возможностями доступа исследователей к ранее закрытым архивам, в БГУ вновь предпринимаются попытки обратиться к историческому источниковедению. На этот раз инициатива исходила от общеуниверситетской кафедры истории КПСС. На условиях штатного совместительства научным сотрудником Института истории партии при ЦК КПБ, кандидатом исторических наук М. Ф. Шумейко был разработан курс «Историко-партийное источни-

коведение». Дисциплина читалась для группы студентов, состоявшей из представителей ряда союзных республик (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия и др.) и специализировавшихся на изучении истории КПСС. Однако и эти попытки, в определенной степени носившие конъюнктурный характер, не сыграли существенной роли в деле возрождения источниковедческой традиции в Беларуси.

После распада СССР и начала разрушения ранее существовавших научных и образовательных связей архивная отрасль Беларуси, более других интегрированная в общесоюзное научно-образовательное пространство, одной из первых обратила внимание на необходимость развития в республике научных исследований в областях архивоведения, документоведения, археографии, источниковедения, а также на актуальность подготовки собственными силами специалистов-архивистов и документоведов. Возглавлявший Главархив БССР А. Н. Михальченко (1947–2012) в конце 1991 г. выступил инициатором создания отраслевого научно-исследовательского центра в области документоведения и архивного дела (ныне Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела). Им же был внесен существенный вклад в дело открытия на историческом факультете БГУ историко-архивного отделения, для курирования которого должна была быть создана соответствующая кафедра. Сама идея создания кафедры принадлежала Владимиру Никифоровичу Сидорцову, который в 1988 г. защитил докторскую диссертацию и успешно работал в области методологии истории и исторической информатики.

Решением ректората БГУ от 27 июня 1992 г. была создана кафедра источниковедения и музееведения, возглавил которую профессор В. Н. Сидорцов. В первый состав кафедры, помимо заведующего, входили старший преподаватель Елена Николаевна Балыкина; кандидат исторических наук, доцент Юрий Иосифович Драгун; кандидат исторических наук, доцент Александр Геннадьевич Кохановский. В первоначальном составе кафедры не было специалистов, целенаправленно работающих в сфере источниковедения, архивоведения и музееведения, читающих и разрабатывающих соответствующие общие и специальные курсы. В связи с этим к работе привлекались высококлассные специалисты-практики и ученые-исследователи, такие как Надежда Федоровна Высоцкая, Анна Вячеславовна Запартыко, Александр Николаевич Михальченко, Вячеслав Дмитриевич Селеменев.

Под руководством В. Н. Сидорцова кафедра преодолела трудности организационного роста и пополнялись новыми сотрудниками, в их числе кандидаты исторических наук, доценты Л. В. Берейшик, О. В. Горбачёва, А. А. Гужаловский, К. И. Ко-

зак, О. Л. Липницкая, С. Н. Ходин, Л. М. Хухлындина, М. Ф. Шумейко, О. М. Шутова; старшие преподаватели А. И. Кушнир, Е. Э. Попова; преподаватель С. Б. Каун.

Периодом не только активного кадрового становления, но и напряженной работы по созданию программ, курсов лекций, учебников по источниковедению, архивоведению, исторической информатике и другим направлениям явились 1993–1998 гг. Кафедра стала инициатором ряда конференций, симпозиумов и семинаров. Ежегодно с 1996–1998 гг. проводились конференции по источниковедению, исторической информатике, архивоведению и археографии.

Благодаря усилиям профессора В. Н. Сидорцова была создана научная школа по методологии истории, состоялась защита первых кандидатских диссертаций представителей этой школы (О. М. Шутова, Д. С. Самохвалов), совместно с Е. Н. Балыкиной была разработана признанная в СНГ стратегия преподавания исторической информатики.

В связи со становлением отделения «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия» 30 июня 2001 г. кафедра претерпела реорганизацию и стала называться кафедрой источниковедения, она продолжала курировать специальность «Историко-архивоведение». В это время на базе кафедры была основана и новая специальность «Документоведение и информационное обеспечение управления». Кроме того, кафедра готовила студентов по двум специализациям на отделении «История»: «Источниковедение, историография и методы исторического исследования» и «Историческая информатика».

После реорганизации кафедру возглавил С. Н. Ходин. В 2000-х гг. штат пополнился новыми сотрудниками: З. В. Антонович, А. М. Белявским, Т. Д. Гернович, О. С. Ивановой, А. Н. Латушкиным, А. М. Назаренко, В. А. Петровской, Д. С. Самохваловым, Е. В. Смоляковой.

Основными достижениями кафедры источниковедения в этот период явились углубление специализации по исторической информатике, источниковедению и архивоведению, а также создание электронных учебно-методических комплексов, разработка магистерских программ по профильным специальностям кафедры, защита кандидатских диссертаций, в том числе по специальности «05.25.02 – Документалистика. Документоведение. Архивоведение (исторические науки)». Стоит отметить, что ранее эта специальность в Республике Беларусь была представлена лишь одним специалистом высшей квалификации.

Кафедра проводит научные исследования по следующим направлениям: методология истории, историография и источниковедение, архивоведение, историческая информатика и информаци-

онные технологии, история и организация делопроизводства. Также кафедрой был проведен ряд международных научных и научно-практических конференций, семинаров по всем вышеуказанным направлениям.

С течением времени расширилась и сфера научных поисков С. Н. Ходина. Им был поставлен ряд вопросов, касающихся теории источниковедения (в частности, вопросы о статусе и терминологии дисциплины), а также решены некоторые прикладные проблемы практического источниковедения, связанные прежде всего с новейшим периодом истории Беларуси. Плодотворными являются также и занятия С. Н. Ходина по аграрной истории Беларуси.

Рассмотрим сферы исследований сотрудников кафедры источниковедения. Доцент К. И. Козак исследует оккупационный режим в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, партизанское движение и антифашистское подполье. С целью обсуждения ряда актуальных тем им были организованы и проведены многочисленные встречи ученых Беларуси с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья. Исследования доцента М. Ф. Шумейко представлены рядом статей и монографий по проблемам отечественной археографии и архивоведению. С. Б. Каун раскрывает возможности использования количественных методов и новых информационных технологий при обработке источников по истории Беларуси на примере хозяйственных описаний XVI–XVIII вв. Деятельность доцента О. Л. Липницкой посвящена исследованию и внедрению в практику исторического познания полнотекстовых баз данных и географических информационных систем. Работа старшего преподавателя Е. Н. Балыкиной апробирована многочисленными публикациями по педагогическим аспектам исторической информатики. Исследовательница разработала и внедрила в обучение историческим дисциплинам концепцию компьютерной технологии. Сотрудниками кафедры активно ведется подготовка диссертаций. В 2003 г. А. М. Белявский защитил диссертацию по специальности «Источниковедение, историография и методы исторического исследования». В 2007 г. по специальности «Документалистика. Документоведение. Архивоведение» диссертацию защитил А. Н. Латушкин, а позднее – О. С. Иванова, Т. Д. Гернович, З. В. Антонович.

Кафедра источниковедения ведет активную публикационную деятельность. Под авторством сотрудников кафедры вышли следующие научные труды: коллективное учебное пособие «Теория и история источниковедения»; монография В. Н. Сидорцова «Методология исторического исследования: механизм творчества историка»; учебно-методическое пособие В. Н. Сидорцова «Методология истории: ко-

личественные методы и информационные технологии»; учебные пособия С. Н. Ходина; коллективное учебное пособие для магистрантов и слушателей системы повышения квалификации преподавателей УВО «Постижение истории: современные онтологический и гносеологический подходы»; монографии М. Ф. Шумейко «Собрать рассеянное: о реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем», «Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло», «Белорусская археография в XIX–XX вв. (проблемы теории, истории, методики)», «Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов»; курс лекций «Археография»; коллективные учебные пособия «Архивоведение Беларуси», «Архівазнаўства»; учебно-методический комплекс по исторической информатике (базовый курс) О. Л. Липницкой и Е. Э. Поповой; пособия по исторической психологии; сборники материалов ряда конференций; многочисленные статьи, в том числе в польско-, немецко- и англоязычных изданиях; монографии О. С. Ивановой, З. В. Антонович, С. Н. Ходина. Вместе с обеспечением курсов по источниковедению, историографии, методологии истории, исторической информатике, цикла дисциплин по архивоведению кафедра активно разрабатывает учебно-методические пособия для студентов специальности «Документоведение и информационное обеспечение управления». В последние годы ведется активная работа по созданию программ второй ступени высшего образования в области управления документами.

Кафедра источниковедения активно сотрудничает с университетами и научными центрами ближнего и дальнего зарубежья. С 1999 г. кафедра сотрудничает с Центром наполеоновских исследований (Франция), Исторической библиотекой Мичиганского университета (США), Российской Национальной библиотекой, российским и украинским отраслевыми научно-исследовательскими институтами в области документоведения и архивного дела, а также со структурами ряда университетов мира, такими как Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российский государственный университет, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского; Днепропетровским (Украина), Варшавским и Торунским (Польша), Лонг-Айлендским и Чикагским (США) университетами; Рейнвардской академией (Нидерланды); Бергенским (Норвегия), Хельсинкским (Финляндия) и Тюбингенским (Германия) университетами.

Преподаватели кафедры принимали активное участие в организации и работе Международной конференции «Применение новых технологий в образовании» (Троицк), Международной телеконференции «Информационные технологии в гуманитарных науках» (Казань); участвовали в рабо-

те международных конференций «Повседневная история и права человека» (Белорусская комиссия ЮНЕСКО), «Реституция культурных ценностей: проблемы возвращения и совместного использования (юридические, научные и моральные аспекты)», «Программы ЮНЕСКО “Память мира”: деятельность библиотек, архивов, музеев по сохранению документального наследия», XVI Международного Костюшковского конгресса (Мациовицы, Польша), Международного симпозиума «Использование новых технологий в преподавании истории» (Андорра), Международной научной конференции «Архивы и общество сегодня», IX Международной конференции-выставке «Информационные технологии в образовании» (Московский инженерно-физический институт), Международного семинара по концептуальным вопросам учебной литературы (Брауншвейг) и др.

За последние годы кафедра организовывала и принимала участие в организации ряда круглых столов, конференций, открытых лекций зарубежных коллег. В 2016 г. в рамках сотрудничества с историческим факультетом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялся научно-методический круглый стол, посвященный 175-летию Василия Осиповича Ключевского. Организаторами и участниками круглого стола стали С. Н. Ходин и М. Ф. Шумейко.

В настоящее время более половины профессорско-преподавательского состава кафедры имеет ученую степень, соответствующую преподаваемым дисциплинам, активно идет работа над докторскими и кандидатскими диссертациями, налаживаются новые контакты с зарубежными коллегами, проводятся научные встречи. В 2017 г. заведующим кафедрой С. Н. Ходиным была защищена докторская диссертация «Беларуская вёска: савецкая

мадэрнізацыя 1921–1939 гг.», идет работа над докторской диссертацией А. Н. Латушкина.

Кафедра ведет активную работу по изучению истории Белорусского государственного университета, принимает участие в подготовке изданий, посвященных альма-матер. Одним из важнейших направлений научно-исследовательской деятельности кафедры является разработка проблемы утраченного документального наследия Беларуси. Этой теме посвящены ряд монографий и кандидатских диссертаций специалистов кафедры. Представители кафедры в качестве экспертов участвуют в работе межведомственной комиссии по возвращению культурных ценностей.

Таким образом, являясь продолжателем дела, которое заложил первый ректор БГУ В. И. Пичета, созданная в 1992 г. кафедра источниковедения за прошедшие 25 лет оформилась в весомое исследовательское и учебное подразделение Белорусского государственного университета, стала важным и во многом уникальным элементом научно-образовательной структуры, успешно реализовала задачу по самостоятельной подготовке историков-архивистов, а также специалистов-документоведов. Во многом благодаря кафедре источниковедения, БГУ известен как значимый научный центр по разработке проблем методологии истории, архивоведения, поиска и возвращения утраченного документального наследия Беларуси. В настоящее время университет выступает одним из ведущих в республике УВО по подготовке высококвалифицированных кадров в области управления документами.

М. Ф. Шумейко,

кандидат исторических наук, доцент

А. Н. Латушкин,

кандидат исторических наук, доцент

СОЮЗ АРХИВИСТА-АРХЕОГРАФА И ИСТОРИКА-ИСТОЧНИКОВЕДА – ЗАЛОГ УСПЕШНОГО ОСВОЕНИЯ ПРОШЛОГО

**(роль и место кафедры источниковедения среди структурных
подразделений исторического факультета БГУ)**

UNION OF AN ARCHIVIST-ARCHEOGRAPHER AND AN HISTORIAN – HISTORICAL SOURCES SPECIALIST AS A KEY TO THE SUCCESSFUL LEARNING OF THE PAST (the role and place of the department of historical source studies among other departments of the faculty of history of the BSU)

Сразу же оговоримся, что под историками мы подразумеваем не только тех, кто получил соответствующее образование. Любая наука, как известно, исторична по своей сути, поскольку для развития и совершенствования она неизбежно должна обращаться к самопознанию. Следовательно, есть специалисты-историки в областях науки и техники, математики, литературы и т. д.

То же можно сказать и об архивистах, нацеленных на сбор, сохранение и введение в научный оборот исторических источников, под которыми мы подразумеваем все то, что несет в себе информацию о прошлом, включая его политическую, социальную, культурную и иные составляющие.

Вторую оговорку необходимо сделать с той целью, чтобы предупредить участников настоящего круглого стола об отсутствии в нашем сообщении сюжетов, связанных с историей создания кафедры источниковедения, а также с анализом ее деятельности за четверть века, поскольку этому посвящен специальный доклад заведующего кафедрой С. Н. Ходина, который будет прочитан на торжественном заседании, начинающемся сразу после работы круглого стола.

Задача настоящего сообщения состоит в том, чтобы обратить внимание участвующих в работе круглого стола (в их числе практиков архивистов, археографов, которые трудятся в архивных учреждениях и тех, кто собирается ими стать, а также историков-исследователей, представляющих академические, отраслевые и образовательные учреждения Беларуси, России, Украины) на необходимость укрепления и развития сотрудничества в научной и практической сферах между архивно-археографической и источниковедческо-историографической науками.

На наш взгляд, такое сотрудничество важно не только с научной, но и с дидактической точки зрения, учитывая то обстоятельство, что кафедра-юбиляр (кафедра источниковедения БГУ), курируя историко-архивное и документоведческое отделения, обеспечивает также и чтение курсов источниковедения, методологии истории, основ архивоведения и документоведения, археографии (к сожалению, исключенного в этом учебном

году из образовательных программ) для студентов-историков общеисторических факультетских кафедр. В то же время кафедра предоставляет площадки архивного и документоведческого отделений своим коллегам для чтения общеисторических курсов.

Обратившись к исторической ретроспективе, значительно отстающей от года создания кафедры, проведем анализ причин в некоторой степени индифферентного отношения белорусских историков к специальным историческим дисциплинам источниковедческого цикла. На то, что этот факт имеет место быть, указывают библиографические ссылки в докторских и кандидатских диссертациях по историческим наукам, которые были защищены в БССР, а позже – в Республике Беларусь [1; 2]. Однако, еще в 1920-е гг. первый ректор БГУ, историк-славист В. И. Пичета параллельно с занятиями административной работой по созданию первого государственного университета в Беларуси, чрезвычайно сложной в тех условиях, подготавливал учебное пособие «Введение в русскую историю (источники и историография)» (1923). Этот труд В. И. Пичета рассматривал в качестве «небольшого руководства для первоначальной ориентировки как в вопросах источниковедения, так и в историографии русской истории с тем, чтобы после первоначального, и притом довольно краткого, знакомства с вышеназванными вопросами приступить к более глубокому и детальному изучению интересующих их проблем» [3, с. 3].

Для начала следует сказать несколько слов о статье члена-корреспондента Российской академии наук С. В. Рождественского «Историк-архивист-археограф», носившей своего рода программный характер в свете рассматриваемой нами проблематики. Данная работа была опубликована в первом номере журнала «Архивное дело» (1923), органа Управления Центральным архивом РСФСР. Одним из главных условий успешного развития исторической науки автор статьи считал непрестанное насыщение ее новым фактическим материалом. Оформление исторической науки применительно к российским реалиям С. В. Рождественский относил к 1840 г., когда историография, по его мнению, отстает от традиций дилетантизма и пре-

вращается в науку в самом строгом смысле этого слова. Начиная с этого времени, полагал автор, происходит своеобразное разделение труда между историками-исследователями и архивистами-археографами. Первые занимались переработкой подготовленных вторыми источников в форму монографий, обобщающих трудов, охватывающих целостную систему науки. Однако историк-исследователь, по мнению С. В. Рождественского, обязан быть не простым «потребителем» текстов, ставших доступными благодаря работе археографа, а «производителем» трудов, созданных с применением правил, устанавливаемых археографической традицией. С. В. Рождественский подчеркивал: «Принцип разделения труда тогда даст полные плоды, когда он осуществляется при условии равной научной компетентности сотрудников и хорошей взаимной осведомленности, когда историк владеет техникой археографической дисциплины и знаком с основами архивного дела, когда археограф и архивист стоят на уровне исследовательского метода и понимания очередных задач и общих направлений науки» [4, с. 8].

Сохраняет свою актуальность, на наш взгляд, и наблюдение С. В. Рождественского, связанное с использованием историком массовых источников и роли, которую в этом процессе играет архивист. Последний, по мнению С. В. Рождественского, перестает быть чиновником и должен стать научным работником высшей квалификации, равноправным сотрудником историка-исследователя и археографа.

Возвращаясь к работе ректора БГУ, отметим, что несмотря на «поверхностный и поспешный характер» книги В. И. Пичеты (выражение, рецензировавшего «Введение в русскую историю» А. А. Кизеветтера [5, с. 290–293]), включавшей, как известно, и белорусские источниковедческо-историографические и архивно-археографические разделы, она сыграла достаточно позитивную роль в становлении исторической науки, особенно в условиях прихода значительного числа дилетантов как в историографию, так и в археографию.

Рецензент, укрывшийся за криптонимом Z, в берлинской «Новой русской книге» писал: «<...> может быть, “вехи” научной работы, поставленные проф. Пичетой, помогут молодым читателям найти пути к старой русской историографии, почти выведенной из употребления за последние годы. С этой стороны книгу проф. В. И. Пичеты можно приветствовать, забывая те сомнения, которые невольно являются у лиц, уже не ощущающих научных вех» [6].

Важно подчеркнуть тот факт, что носившая преимущественно методический характер работа В. И. Пичеты стимулировала появление комплексного источниковедческо-археографического

(с элементами архивоведения, этнографии и археологии) курса доцента БГУ Д. И. Довгялло. Этот курс историк разработал и читал в 1926–1928 гг. студентам социально-исторического отделения педагогического факультета БГУ.

В конце XIX – начале XX вв. Д. И. Довгялло возглавлял Витебский центральный архив древних актов, Виленскую археографическую комиссию, а с 1925 г. фактически руководил созданной в структуре Инбелкульта Историко-археологической (Археографической) комиссией. Практик-архивист и археограф Д. И. Довгялло понимал важность владения основами источниковедения, археографии, архивоведения теми, кто собирался прийти на работу в исторические архивы, научно-исследовательские и культурно-просветительские образовательные учреждения. Прекрасно понимал это и ректор БГУ, пришедший в историческую науку через публикации исторических документов, которые еще будучи студентом Московского университета, выявлял в местных архивах и помещал на страницах изданий губернских ученых архивных комиссий. В связи с этим В. И. Пичета так резко и негативно отреагировал летом 1928 г. на предложенную его помощником, по совместительству являвшимся секретарем партийной ячейки университета, без согласования попытку под формальным предлогом оптимизации (а фактически по идеологическим мотивам) сократить читавшийся Д. И. Довгялло курс источниковедения. К сожалению, данная попытка оказалась успешной.

В письме от 11 июня 1928 г., направленном в Народный комиссариат просвещения БССР, В. И. Пичета сообщал: «Кожны студэнт, які скончыў педфак, павінен ведаць крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі. Кожнаму студэнту з гэтымі пытаннямі трэба сустракацца ў часы сваёй працы, і было б вельмі дзіўна, каб студэнты вывучалі гісторыю культуры сваёй краіны і ў той жа час не ведалі б, на падставе якіх крыніц, матэрыялаў можна складаць гісторыю народа і якім тэмпам, у якім напрамку ішло вывучэнне Беларусі. Гэта асабліва важна падкрэсліць, калі параўнаць вывучэнне Беларусі ў часы царскага ўрада і ў часы Кастрычнікавай рэвалюцыі. Скасаванне гэтага курса (Д. І. Давгялло. – М. III.) толькі сведчыць аб тым, што тут маецца незнаёмства з самаю сутнасцю курса і яго метадалагічнага і практычнага значэння. Калі ў сучасны момант дзяржаўны ўрад выдае розныя законы адносна архіўнай справы і студэнтам у сваёй практычнай працы прыходзіцца сустракацца з гэтымі пытаннямі, то, мне здаецца, яны амаль што не могуць быць добрымі працаўнікамі, калі яны па гэтым пытанні не будуць мець элементарных ведаў» [7, с. 278–279].

Заметим, что работавший со студентами не только социально-исторического, но и литературно-лингвистического отделения, Д. И. Довгялло

предлагал последним такие темы дипломных работ, которые имели явно выраженный источниковедческо-текстологический характер, среди них: «Пахвала Вітаўту як самастойны літаратурны твор», «Паданні народныя і штучныя ў беларуска-літоўскіх летапісах», «Значэнне выдання “Гісторыі беларускай кнігі” В. У. Ластоўскага (Коўня, 1926) дзеля вывучэння беларускай літаратуры XVI–XVII стст.» и др¹.

Отстранение В. И. Пичеты от должности ректора БГУ, последовавший вскоре арест и заключение в Ленинградский дом предварительного заключения сыграли негативную роль в деле «защиты» в БГУ архивоведческо-источниковедческих дисциплин. Однако при этом важно подчеркнуть, что даже пребывая в неволе, ученый продолжал научную работу, на этот раз над курсом «Введение в историю Белоруссии (Источники белорусской истории и историография)». Хранящаяся в личном архивном фонде В. И. Пичеты рукопись работы, датированная ноябрем – декабрем 1930 г., дает представление о структуре и задачах, которые автор ставил в работе. В. И. Пичета писал: «Настоящая работа ставит своей задачей познакомить читателя с основными видами источников по истории Белоруссии с тем, чтобы служить в этом отношении ориентированным справочным пособием»². Автор выделял 19 разделов, касающихся архивов и библиотек; сбора и издания источников; архива и издания «Литовской Метрики»; материалов фольклора; хроник; летописей; актовых источников и др.

Разумеется, трудно было ожидать, что находившийся в заключении человек, готовивший учебное пособие исключительно по памяти, составит качественный текст. Однако здесь важен сам факт обращения ученого к данной проблематике³.

Продолжая разговор о проблемах развития в республике источниковедческих дисциплин и их преподавании в БГУ, нельзя не отметить такой позитивный факт, как появление в 1965 г. скромной по объему работы профессора исторического факультета БГУ А. П. Игнатенко «Введение в историю БССР: Периодизация, источники, историография». На создание этой работы оказало явное влияние работа В. И. Пичеты 1923 г. В труде А. П. Игнатенко тезисно излагались источниковедческо-историографические, равно как и археографические, сюжеты.

Особое внимание следует уделить конференции, посвященной широко отмечавшемуся бело-

русскими, российскими, украинскими и другими архивистами, 50-летию архивного строительства в СССР. Данная конференция была проведена в середине июня 1968 г. и приурочена к принятию 1 июня 1918 г. декрета Совета народных комиссаров РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». На наш взгляд, это был один из первых научных форумов (если не считать Первую всебелорусскую конференцию архивных работников 1924 г. и Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии в 1926 г.), на котором поднимались вопросы о необходимости более тесного взаимодействия между историографами-источниковедами и архивистами-археографами. Показательно, что и само название материалов конференции, опубликованных три года спустя, указывало на необходимость такого взаимодействия: «Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР» [2]. Однако перспективы развития источниковедения в республике связывались преимущественно с деятельностью архивных учреждений, а статьи, публиковавшиеся в заключительном разделе материалов конференции «Использование документальных материалов и источниковедение», по названию и содержанию лежали в сфере архивного источниковедения: «Документальные материалы фонда кн. Радзивиллов как исторический источник», «Документальные материалы архивов БССР по истории частновладельческих городов» и т. д. Тем не менее повторимся, что это была конференция, направленная на укрепление союза историка с архивистом и археографом.

В настоящее время проблема взаимодействия и сотрудничества историка-источниковеда с архивистом-археографом вышла не только на практический, но и на теоретический уровень. В этом нетрудно убедиться, обратившись к докладам и сообщениям участников Международной научной конференции «Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего», которая была проведена в ноябре 1997 г. под эгидой Федеральной архивной службы России (ФАС), Российского общества историков-архивистов, Отделения истории Российской академии наук (РАН), Международного совета архивов. В конференции принимали участие и белорусские историки и архивисты, имевшие отношение к кафедре источниковедения. В частности, это кандидат исторических наук В. Л. Носевич, и доктор исторических наук Э. М. Са-

¹ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 814. Л. 50.

² Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 77.

³ От себя замечу, что уже в течение нескольких лет, работая со студентами историко-архивного отделения на практических занятиях по археографии, пытаюсь, к сожалению, пока безуспешно, подготовить к изданию этот текст, разумеется, в форме учебной публикации. Это стало бы хорошей практикой для будущих архивистов-археографов. – М. III.

вицкий. Аналогичная конференция «Архивист и историк: сотрудничество в контексте современной науки и культуры» была проведена десятью годами позже в Санкт-Петербурге [9].

Говоря о двух столь близких по своим параметрам профессиях (историк и архивист), схожесть которых объясняется общей сферой приложения их деятельности, связанной с сохранением и изучением минувшего, руководитель ФАС, член-корреспондент РАН В. П. Козлов отмечал и существующие между ними различия: «Архивист тоже историк, не могущий не мыслить категориями науки. Но кроме того, он является, в широком смысле слова, служащим государственного, частного, общественного архива, обязанным выполнять определенные служебные нормативы, в значительной степени расходящиеся с нормами научного знания. Архивист в силу этого становится первым барьером в свободном поиске историка и именно по этой причине превращается в главную мишень его недовольства» [10, с. 13] (на этот счет можно привести большое количество примеров).

По мнению главы российских архивистов, историки организуют реконструированное прошлое, а архивисты – документированное (в широком смысле слова). Из этого вытекает принципиальная разница методологических основ двух профессий: бог архивиста – документ, бог историка – достоверный исторический факт.

Наступивший век информационных технологий, отмечал профессор Историко-архивного института РГГУ, известный источниковед и методолог О. М. Медушевская, не оставляет ни одну из традиционных профессий равной прежней себе. Суровому испытанию на прочность подвергся и традиционный союз историка и архивиста. Архивисты в условиях влияния технотронной цивилизационной модели перешли к управленческо-менеджерским интерпретациям профессиональной ориен-

тации, что неизбежно ведет к утрате в обществе живого интереса к данной профессии и людям, которые ею занимаются. Историки же под влиянием постмодернистского умонастроения сдвинулись в сторону самопознания и самосозерцания в зеркале познающего субъекта. Амбиции историка уводят его все дальше от архивных текстов. В образовательной модели специалиста проблемы так называемых исторических дисциплин и исторической критики в лучшем случае сохраняются как дань традициям исторического профессионализма [11, с. 30].

Кафедра источниковедения при формировании учебных программ и планов подготовки специалистов для работы в архивной сфере, сфере документационного и информационного обеспечения управления обязана считаться со всеми вышеперечисленными реалиями. Кафедра также не может не прислушиваться к тем импульсам, которые поступают от наших архивных учреждений, являющихся, как известно, основными заказчиками в деле подготовки кадров.

И здесь, на наш взгляд, важна не только технологическая сторона (речь идет о владении будущими сотрудниками архивов, которых готовит кафедра источниковедения, информационными технологиями), но и нравственная составляющая. Перефразируя слова одного из историков, обращенные к своим коллегам, можно вслед за ним сказать: «Если талантливый математик (физик, химик и т. д.) в жизни может быть непорядочным человеком, то историк-архивист – никогда». Формированию у своих воспитанников высоких морально-нравственных качеств кафедра должна уделять не меньшее внимание, нежели обучению современным информационным технологиям. И в этом смысле вряд ли утратят свою актуальность испытанные временем традиционные педагогические приемы и методы, успешно применявшиеся нашими учителями и учителями наших учителей.

Библиографические ссылки

1. Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР, 1944–1982 : библиограф. указ. Минск: Институт истории АН БССР, 1982.
2. Міхнюк У. М. Доктарскія і кандыдацкія дысэртацыі па гістарычных навукх у Рэспубліцы Беларусь (1991–2003 гг.) : бібліяграф. паказальнік. Минск : НАРБ, 2006.
3. Пичета В. И. Введение в русскую историю (источники и историография). М. : Госиздат, 1923.
4. Рождественский С. В. Историк-архивист-археолог // Арх. дело. 1923. № 1. С. 1–12.
5. Емельянов Ю. Н. История в изгнании. Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М. : Русская панорама, 2008.
6. З. Рец. на кн. В. И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)». М., 1923 (206 с.) // Нов. рус. книга (Берлин, 1921–1923). 1923. № 2. С. 29.
7. Ходзін С. М., Шумейка М. Ф., Яноўскі А. А. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941. Мінск : БДУ, 2006.
8. Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР : материалы науч. конф. архивистов и историков, посвящ. 50-летию архив. строительства в СССР (Минск, 13–14 июня 1968 г.) / отв. ред. В. Н. Жигалов. Минск : Вышэйшая школа, 1971.
9. Архивист и историк: сотрудничество в контексте современной науки и культуры : материалы Междунар. конф. (СПб., 16–18 окт. 2006 г.). СПб., 2007.

10. Козлов В. П. Историк и архивист: общее и особенное профессий // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего : докл. и тез. науч. сообщений Междунар. науч. конф. (Москва, 27–28 ноября 1997 г.). М., 1997. С. 5–19.

11. Медушевская О. М. Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего : докл. и тез. науч. сообщений Междунар. науч. конф. (Москва, 27–28 ноября 1997 г.). М., 1997. С. 20–39.

References

1. [Doctoral theses in historical sciences in BSSR. 1944–1982] : bibliogr. index. Minsk : Inst. istorii AN BSSR, 1982 (in Russ.).
2. Mikhnjuk U. M. [Doctoral theses in historical sciences in the Republic of Belarus (1991–2003)] : bibliogr. index. Minsk : NARB, 2006 (in Belarus.).
3. Picheta V. I. [Introduction into Russian history (historical sources and historiography)]. Moscow : Gosizdat, 1923 (in Russ.).
4. Rozhdestvenskii S. V. [An historian-archivist-archeographer]. *Arkhivnoe delo*. 1923. No. 1. P. 1–12 (in Russ.).
5. Emel'yanov Y. N. [History in exile: history periodical of the Russian emigration (1920–1940s)]. Moscow : Russkaya panorama, 2008 (in Russ.).
6. Z. [Book review of V. I. Picheta «Introduction into Russian history (historical sources and historiography)». Moscow, 1923 (206 p.)]. *Nov. rus. kniga (Berlin, 1921–1923)*. 1923. No. 2. P. 29 (in Russ.).
7. Hodzin S. M., Shumejka M. F., Janowski A. A. [Memoria et gloria: the Belarusian State University. 1921–1941]. Minsk : BSU, 2006 (in Belarus.).
8. Zhigalov V. N. (ed.). [The questions of arhivology and historical source studies in BSSR] : mater. sci. conf. arch. hist. commem. 50 years arch. constr. USSR (Minsk, 13–14 June, 1968). Minsk : Vyshejschaja shkola, 1971 (in Russ.).
9. [An archivist and an historian: collaboration in the context of contemporary science and culture] : mater. Int. conf. (Saint Petersburg, 16–18 Oct., 2006). Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
10. Kozlov V. P. [An historian and an archivist: common and specific of the professions]. *Historians and archivists: collaboration in keeping and learning of the past in the interests of the present and future* : rep. abstr. sci. resp. Int. sci. conf. (Moscow, 27–28 Novemb., 1997). Moscow, 1997. P. 5–19 (in Russ.).
11. Medushevskaya O. M. [An historian and an archivist: ways of their learning of the past]. *Historians and archivists: collaboration in keeping and learning of the past in the interests of the present and future* : rep. abstr. sci. resp. Int. sci. conf. (Moscow, 27–28 Novemb., 1997). Moscow, 1997. P. 20–39 (in Russ.).

М. Ф. Шумейко,
кандидат исторических наук, доцент

УДК (930.253:347:6):271/272

АДНАЎЛЕННЕ ЦЭЛАСНАСЦІ КОМПЛЕКСУ АРЫГІНАЛАЎ ДЗЯРЖАЎНА-ПРАВАВЫХ АКТАЎ КАНЦА XIV – ПАЧАТКУ XVII ст. АРХІВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА: ПАСТАНОЎКА ПРАБЛЕМЫ

А. М. ЛАТУШКІН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца тэма гісторыі і сучаснага стану адной з частак дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага – комплексу арыгіналаў найважнейшых дзяржаўна-прававых актаў краіны 1386–1601 гг. На падставе ўліковай дакументацыі дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, што захавалася да нашага часу, сцвярджаецца, што дадзеная частка архіва ўяўляла сабой цэласны самастойны комплекс нароўні з так званай Метрыкай Вялікага Княства Літоўскага і захоўвалася ў скарбе дзяржавы як найкаштоўнейшы здабытак. Прыводзяцца вынікі даследавання, згодна з якімі выяўлена, што за перыяд сваёй гісторыі некалі адзіны комплекс дзяржаўна-прававых актаў быў раздробнены: асноўная яго частка – каля 70 % – у цяперашні час захоўваецца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве, у склад якога яна была ўключана ў 1946 г. разам з дакументамі архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў; каля 30 % актаў трапіла на захоўванне ў іншыя архівы і бібліятэкі Польшчы, Літвы, Расійскай Федэрацыі; асобныя акты былі страчаны ў перыяд Другой сусветнай вайны і захаваліся толькі ў выглядзе фотакопій. З улікам вялікай значнасці дадзенага комплексу для гісторыі Беларусі і дзяржавы, якія ўваходзілі раней у склад Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, а таксама адсутнасці падобнага роду актаў у складзе сучаснага Нацыянальнага архіўнага фонду Беларусі абгрунтоўваецца неабходнасць рэканструкцыі складу і аднаўлення цэласнасці комплексу арыгіналаў актаў архіва Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1386–1601 гг. у электроннай форме. У дадатку прыводзіцца спіс страчаных актаў архіва Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, выяўленых аўтарам у розных сховішчах краін замежжа.

Ключавыя словы: дзяржаўны архіў Вялікага Княства Літоўскага; комплекс арыгіналаў актаў; уніі Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы; агульназемскія прывілеі; міравыя пагадненні, булы, брэвэ; князі Радзівілы; архіў Нясвіжскай ардынацыі; аднаўленне цэласнасці архіва; Нацыянальны архіўны фонд Беларусі.

Падзяка. У артыкуле і дадатку прадстаўлены вынікі даследаванняў, якія праводзіліся аўтарам у межах праграмы стажыроўкі *Erasmus Mundus*, WEBB, *Action II* у 2013–2014 гг. у Варшаўскім універсітэце, а таксама ў межах стыпендыі Музея гісторыі Польшчы ў Варшаве (*Muzeum Historii Polski w Warszawie*) у 2016 г. (матэрыялы, выяўленыя ў Ягелонскім універсітэце і Расійскай нацыянальнай бібліятэцы).

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ КОМПЛЕКСА ОРИГИНАЛОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ АКТОВ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XVII в. АРХИВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

А. Н. ЛАТУШКИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается тема истории и современного состояния одной из частей государственного архива Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского – комплекса оригиналов важнейших государственно-правовых актов страны 1386–1601 гг. На основании сохранившихся описей архива Великого княжества Литовского, Русского

Образец цитирования:

Латушкін А. М. Аднаўленне цэласнасці комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў канца XIV – пачатку XVII ст. архіва Вялікага Княства Літоўскага: пастаўка праблемы // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 98–107.

For citation:

Latushkin A. N. Reintegration of the original state legal acts complex from late XIV – early XVII century of the archive of the Grand Duchy of Lithuania: formulation of the problem. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 98–107 (in Belarus.).

Автор:

Андрей Николаевич Латушкин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры источниковедения исторического факультета.

Author:

Andrei N. Latushkin, PhD (history), docent; associate professor at the department of source study, faculty of history. archives@tut.by

и Жемайтского утверждается, что данная часть архива представляла собой целостный самостоятельный комплекс наравне с так называемой Метрикой Великого княжества Литовского и хранилась в казне государства как ценнейшее достояние. Приводятся результаты исследования, согласно которым установлено, что за период своей истории некогда единый комплекс оказался раздроблен: основная его часть – около 70 % – в настоящее время хранится в Главном архиве древних актов в Варшаве, в состав которого она была включена в 1946 г. вместе с документами архива Несвижской ординации князей Радзивиллов; около 30 % актов попали на хранение в другие архивы и библиотеки Польши, Литвы, Российской Федерации; отдельные акты были утрачены в период Второй мировой войны и сохранились лишь в виде фотокопий. С учетом большой значимости данного комплекса для истории Беларуси и государств, входивших ранее в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, а также отсутствие оригиналов подобного рода актов в составе современного национального архивного фонда Беларуси обосновывается необходимость реконструкции состава и восстановления целостности комплекса оригиналов актов архива 1386–1601 гг. в электронной форме. В приложении приводится список утраченных актов архива Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, выявленных автором в различных хранилищах зарубежных стран.

Ключевые слова: государственный архив Великого княжества Литовского; комплекс оригиналов актов; унии Великого княжества Литовского и Польши; общеземские привилегии; мировые соглашения, буллы, бреве; князя Радзивиллы; архив Несвижской ординации; восстановление целостности архива; Национальный архивный фонд Беларуси.

Благодарность. В статье и приложении представлены результаты исследований, которые проводились автором в рамках программы стажировки *Erasmus Mundus, WEBB, Action II* в 2013–2014 гг. в Варшавском университете, а также в рамках стипендии Музея истории Польши в Варшаве (*Muzeum Historii Polski w Warszawie*) в 2016 г. (материалы, выявленные в Ягеллонском университете и Российской национальной библиотеке).

REINTEGRATION OF THE ORIGINAL STATE LEGAL ACTS COMPLEX FROM LATE XIV – EARLY XVII CENTURY OF THE ARCHIVE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA: FORMULATION OF THE PROBLEM

A. N. LATUSHKIN^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The state archive of the The Grand Duchy of Lithuania is an object of significant importance for the study of the foreign and domestic policy of this state, and of the foreign policy of Poland, Germany, Russia, Turkey and some other countries. One of the most valuable parts of the state archives was a complex of important original documents of the The Grand Duchy of Lithuania, about 100 units for period 1386–1601, issued mostly on parchment: peace agreements with neighboring states; the acts of the Union of the The Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland; documents regarding the relationship between the The Grand Duchy of Lithuania and the Holy See (papal bulls, breve); and other groups of acts. This part of the The Grand Duchy of Lithuania state archive at present day don't form one body. This complex was broken up and moved to storage in different archives and libraries of Poland, Russia, the Republic of Lithuania. Some documents have been destroyed during the Second World War and now they can be seen only in the form of photos. The purpose of the research and the expected final result is: on the basis of the identified archive inventories of The Grand Duchy of Lithuania and archives of the Radziwill family, as well as on the basis of already accumulated scientific data – to make the reconstruction of the list of documents of the State Archive The Grand Duchy of Lithuania, find the lost acts and the restoration of complex of originals of State Archive in electronic form as a whole one body.

Key words: the state archiv of the The Grand Duchy of Lithuania; complex of original documents; peace agreements with neighbouring states; the acts of the Union of the The Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland; documents regarding the relationship between the The Grand Duchy of Lithuania and the Holy See (papal bulls, breve); archives of the Radziwill family; the reconstruction of the list of documents of the state archive The Grand Duchy of Lithuania; find the lost acts; the restoration of complex of originals in electronic form as a whole one body.

Acknowledgements. In the article and appendix the author represents the results of his researches in the frame of *Erasmus Mundus scholarship, WEBB, Action II* at 2013–2014 in the Warsaw University and the grant of the History of Poland Museum in Warsaw in 2016 (documents discovered at the Jagiellonian University and the Russian National Library).

Уводзіны

Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае і Усходняй Еўропы ў другой палове XIII – канцы (далей – ВКЛ) – дзяржава, якая іграла вырашальную XVIII ст. У яго склад амаль цалкам уваходзілі ролю ў лёсах многіх народаў Цэнтральнай тэрыторыі сучасных Беларусі, Украіны, Літвы,

а таксама асобныя рэгіёны іншых дзяржаў. Яно стала своеасаблівай мяжой заходняй і ўсходняй цывілізацый, было пляцоўкай узаемадзеяння народаў, рэлігій, культур. Яго гісторыя непарыўна звязана з гісторыяй цэлага шэрагу сучасных краін Еўропы і Азіі, перш за ўсё Польшчы, Латвіі, Эстоніі, Германіі, Расіі, Швецыі, Фінляндыі, Малдовы, Турцыі і інш.

ВКЛ з'яўляецца неад'емнай часткай гісторыі дзяржаўнасці Беларусі, тэрыторыя і насельніцтва якой пасля 1569 г. складалі яго аснову. У XXI ст. наша краіна захоўвае сваё значэнне ў дадзенай частцы свету, працягваючы выконваць істотную ролю ў важных геапалітычных працэсах.

Ключавое значэнне для даследаванняў гісторыі ўнутранай і знешняй палітыкі ў рэгіёне ў канцы XIV – пачатку XVII ст. мае дзяржаўны архіў ВКЛ, які захоўваўся ў скарбе дзяржавы і ўяўляў сабой найбольш каштоўную і старажытную частку яе дакументальнай спадчыны. Паводле даных на канец першай чвэрці XVII ст. у яго ўваходзілі наступныя комплексы:

1) арыгіналы найважнейшых дзяржаўна-прававых актаў:

- акты уній ВКЛ і Каралеўства Польскага;
- агульназемскія прывілеі ВКЛ, што вызначалі асновы дзяржаўнага ладу і сацыяльна-прававых адносін;

- міждзяржаўныя пагадненні аб міры, перамір'і або васальнай залежнасці ад ВКЛ;

- акты дачыненняў вялікіх князёў літоўскіх з Ватыканам (папскія булы) і інш.;

2) кнігі так званай старой Метрыкі ВКЛ (арыгіналы, у адрозненне ад іх копій, створаных у канцы XVI – пачатку XVII ст. і захоўваліся ў вялікай і малой канцылярыях ВКЛ);

3) дакументацыя (арыгіналы і копіі) пераважна маёмасна-прававага характару на прыватныя зямельныя ўладанні, што вярнуліся ў дзяржаўны скарб (вымарачныя землі).

Другі і трэці комплексы на працягу гісторыі амаль цалкам былі страчаны. Большая частка комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў дайшла да нашага часу, аднак, нягледзячы на надзвычайную каштоўнасць для гісторыі беларускай дзяржаўнасці, ступень яго даследаванасці застаецца вельмі нізкай, а сучаснае месцазнаходжанне значнай колькасці арыгіналаў актаў – невядомым.

Асноўная частка

У гістарыяграфіі дзяржаўны архіў ВКЛ (пераважна яго першая і трэцяя часткі) выразна супрацьпастаўляецца архіву канцылярыі вялікіх князёў літоўскіх, або так званай новай Метрыцы ВКЛ. Дзяржаўны архіў адасоблены ад яе таксама тэрміналагічна: фігуруе пад назвамі «архіў ВКЛ», «вялікакняскі архіў» (С. Кутшэба, В. Мікульскі, А. І. Груша (апошні даследчык уключае ў гэта паняцце і кнігі метрыкі)) [1, с. 389–392; 2; 3, с. 357–361]; «дзяржаўны архіў ВКЛ» (Я. Якубоўскі, А. Я. Рыбакоў) [4; 5]¹.

Афіцыйная назва архіва, паводле С. Кутшэбы, у ВКЛ не была ўстаноўлена [1, с. 389]. Згодна з крыніцамі канца 1-й трэці XVIII ст., арыгіналы найважнейшых міждзяржаўных дакументаў захоўваліся ў архіве ВКЛ (пол. *in archivo Wielkiego Xięstwa Litewskiego*). Пры гэтым у дакументах гэты архіў выразна адасоблены ад архіва Метрыкі Канцылярыі ВКЛ (пол. *archivum Metryki Kancellaryei wielkiej WXL*)².

Другая частка архіва налічвала каля 150 кніг старой Метрыкі ВКЛ. У сваёй аснове яна была страчана падчас войнаў сярэдзіны XVII ст. [6]. Копіі кніг, а таксама больш познія кнігі (звыш 600 адзінак) як вядома, да канца XVIII ст. знаходзіліся пад кантролем дзяржавы. Пасля захопу Варшавы ў 1794 г. Метрыка ВКЛ была вывезена ў Расію разам з Метрыкай кароннай і Архівам скарбца карон-

нага – комплексам арыгіналаў актаў Каралеўства Польскага. Зараз Метрыка ВКЛ захоўваецца ў складзе Расійскага дзяржаўнага архіва старажытных актаў у Маскве (ф. 389).

Трэцяя частка архіва ўпершыню зафіксавана ў вопісе дзяржаўнага архіва ВКЛ 1570–1584 гг. [7, с. 25–138]. Яна ўтрымлівала акты, якія адносіліся да ўладанняў каралевы Боны, вымарачных прыватных уладанняў родаў Гаштольдаў, Гальшанскіх, Пінскіх, Мсціслаўскіх, Забярэзінскіх, Кезгайлавічаў, Давойнаў. Па стане на 1584 г., паводле падлікаў айчыннага даследчыка А. Я. Рыбакова, у яе склад уваходзіла не менш за 872 дакументы [5, с. 70]. У 1623 г. яны захоўваліся ў скарбе дзяржавы³. Пазнейшы лёс гэтай часткі дзяржаўнага архіва застаецца невядомым.

У першую частку дзяржаўнага архіва ВКЛ толькі за перыяд 1386–1601 гг. было ўключана каля 100 адзінак арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў, пераважна на пергамене. Яна ўяўляла сабой найбольш старажытны пласт дакументаў архіва. Існаванне ў яго складзе часткі, што ўтрымлівала арыгіналы актаў у статусе асобнага, цэласнага і самастойнага комплексу пацвярджаецца ўліковымі дакументамі, якія дайшлі да нашага часу – вопісамі дзяржаўнага архіва. У прыватнасці, яе склад

¹ У дадзеным артыкуле пазначаныя тэрміны ўжываюцца з аднолькавым значэннем. – А. Л.

² Arch. Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. II: Dokumenty historyczne. Sygn. 2460. Regestr Pact, Hramot, Correspondentyi... 1729.06.01. S. 15, 21.

³ Arch. Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. XXVII. Sygn. 11. Regestr przywilegiów W.X.Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r. S. 22.

фіксуе рэестр ад 26 лістапада 1623 г., аформлены пры перадачы архіва ад ваяводы віленскага Льва Сапегі (1557–1633) вялікаму канцлеру Альбрэхту Станіславу Радзівілу (1593–1656). У складзе трох сваіх асноўных частак архіў знаходзіўся тады ў сховішчы скарбу ў Ніжнім замку ў Вільні (*w skarbowym sklepie w zamku krola jego mości Wilenskim*)¹.

У навуковай літаратуры дадзеная частка архіва абазначаецца праз від дакументаў і іх прыналежнасць да архіва: прывілеі, акты уній архіва ВКЛ (дзяржаўнага архіва ВКЛ) (С. Кутшэба, Я. Якубоўскі). Больш за тое, у польскай гістарыяграфіі назіраецца тэндэнцыя да атаясамлівання ўласна архіва ВКЛ (дзяржаўнага архіва ВКЛ) менавіта з комплексам арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў як найважнейшай яго часткай. Айчынныя даследчыкі абазначаюць яго як «сапраўдныя агульнадзяржаўныя акты дзяржаўнага архіва ВКЛ» (А. Я. Рыбакоў) [5], «документы государственной важности архива оригинальных документов... скарба (великокняжеского архива)» (А. І. Груша) [3, с. 357–361].

У гістарычных крыніцах комплекс абазначаны наступным чынам: «земскія прывілеі ВКЛ, акты уній, пагадненні аб міры і перамяр’і з Малдавіяй, Масквой... у Вільні на замку» (1623)²; «пагадненні аб міры, граматы, карэспандэнцыя, і іншая дакументацыя аб стасунках з Масквой архіва ВКЛ» (1729), (пол. *in Archiwum Wielkiego Xięstwa Litewskiego znajdujących się*)³.

У другой палове XVII ст. комплекс арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў 1386–1601 гг. трапіў у валоданне да ўплывовага роду князёў Радзівілаў. Гэта было абумоўлена асаблівасцямі дзяржаўнага ладу ВКЛ і арганізацыі дзейнасці інстытутаў улады, алігархічна-кланавай структурай кіруючых колаў грамадства, а таксама важнай роляй асобных магнатскіх родаў ва ўнутрыпалітычным жыцці краіны і іх жорсткай канкурэнцыі паміж сабой [8; 9, с. XVII–XXVI; 10; 11]. У руках прыватных асоб названая частка архіва знаходзілася да пачатку Другой сусветнай вайны. Комплекс актаў стаў, бадай адзіным дзяржаўным архіваў ВКЛ і Каралеўства Польскага, які не быў вывезены заваёўнікамі з тэрыторыі Рэчы Паспалітай пасля яе трэцяга падзелу ў 1795 г. З канца XVIII ст. ён захоўваўся ў рэзідэнцыі Радзівілаў у Нябораве пад Варшавай, з пачатку XX ст. – у Нясвіжы [8]. У 1919–1932 гг. Радзівілы вывезлі комплекс у Варшаву. У 1946 г. у складзе

польскай часткі архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў ён быў уключаны ў фонды Галоўнага архіва старажытных актаў Польшчы ў Варшаве (*Archiwum Główny Akt Dawnych*, далей – AGAD), дзе зараз і захоўваецца.

Такім чынам, аб’ект дадзенага даследавання – менавіта комплекс арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў 1386–1601 гг. дзяржаўнага архіва ВКЛ, або архіва ВКЛ (гістарыяграфічны тэрмін, што адпавядае пазнейшым гістарычным крыніцам). Усе іншыя яго часткі – арыгіналы маёмасна-прававых актаў, Метрыка ВКЛ – у поле даследавання на гэтым этапе распрацоўкі тэмы не ўваходзяць. Пазнейшы комплекс арыгіналаў актаў дзяржаўна-прававага характару архіва ВКЛ за перыяд XVII–XVIII стст. з’яўляецца часткай аб’екта, аднак патрабуе асобнага даследавання: ён адрозніваецца пэўнай гістарычнай і відавой спецыфікай адносна больш ранняга сегмента комплексу. Акрамя таго, дадзеная частка мае іншую базу крыніц. На цяперашні час нельга прызнаць, што яна поўная і дастатковая для правядзення завершанага даследавання.

Праблема гісторыі і складу комплексу арыгіналаў актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ у навуцы распрацавана недастаткова і характарызуецца дысбалансам у бок даследавання Метрыкі ВКЛ. Тэма прадстаўлена ўсяго некалькімі працамі, і ўзровень ведаў па ёй істотна не змяніўся ў параўнанні са станам на пачатак 1930-х гг., зададзеным М. Любаўскім, С. Пташыцкім, С. Кутшэбам і Я. Якубоўскім. Найбольш адметная актуалізацыя пытання была зроблена ў 1997 г. В. Мікульскім, найважнейшым дасягненнем чаго стаў спіс дакументаў комплексу, якія захаваліся ў AGAD, і ўвядзенне ў навуковы зварот інфармацыі аб рэестры дзяржаўнага архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г. [2]. Рэестр уяўляе сабой унікальную крыніцу, якая можа дазволіць рэканструяваць склад найкаштоўнейшага і найбольш старажытнага масіву дакументаў дзяржаўнага архіва ВКЛ як у частцы комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў, так і ў частцы Метрыкі ВКЛ. Аналіз гістарыяграфіі да 1997 г. уключае быў праведзены намі раней [12]. Яго вынікі сведчаць аб незавершанасці даследавання тэмы, адсутнасці цэласнага ўяўлення аб гістарычным і сучасным складзе комплексу, частковая або поўная нераспрацаванасць яго гісторыі ў асобныя перыяды захоўвання (другая палова XVII – пачатак XVIII ст., XIX ст.).

¹ Arch. Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. XXVII. Sygn. 11. S. 2–13. У рэестры фіксуецца дакумент без даты пад назвай «List Wasila łacinski» (s. 12). Ёсць падставы меркаваць, што гэта акт прысягі Васіля, князя пінскага, у вернасці каралю польскаму Уладзіславу-Ягайлу, каралева Ядвізе і Кароне Польскай, выдадзены 27 кастрычніка 1386 г. ў Луцку на лацінскай мове. Гэта дазваляе вызначыць храналагічныя межы дакументаў, якія ахоплівае рэестр 1386–1601 гг. і скарэктаваць даныя, агучаныя намі ў дакладзе на пасяджэнні Міжнароднага навуковага круглага стала «Пічэтаўскія чытанні» (Мінск, 9 ліст. 2016 г.).

² Arch. Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. XXVII. Sygn. 11. Regestr przywilegów W.X.Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r. S. 2.

³ Arch. Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. II: Dokumenty historyczne. Sygn. 2460 Regestr Pact, Hramot, Correspondentyi ... 1729.06.01. 22 s. Oryginał, kopii.

Новыя даследаванні прадстаўлены пераважна працамі археаграфічнага характару, у якіх ажыццяўлялася спроба публікацыі найважнейшых крыніц па гісторыі дзяржаўнага архіва ВКЛ, асобных дакументаў са складу самога комплексу або іх тэматычна-відавчых груп. Адною з істотных падзей на сучасным этапе распрацоўкі тэмы сталі артыкулы літоўскага даследчыка Д. Антанавічуса, прысвечаныя рэестру ад 26 лістапада 1623 г., які быў знойдзены ў 1997 г. В. Мікульскім, і пацверджанню яго каштоўнасці для рэканструкцыі складу кніг так званай старой Метрыкі ВКЛ. Аднак навукоўцам была апублікавана і прааналізавана толькі частка крыніцы, якая асвятляла менавіта пазначанае пытанне¹. Спіс комплексу арыгіналаў актаў канца XIV – пачатку XVII ст. быў пакінуты Д. Антанавічусам па-за межамі даследавання [13; 6].

Істотным зрухам у распрацоўцы праблемы стала распачатая ў Літве серыя выданняў пад назвай «Дакументы па гісторыі знешняй палітыкі Літвы» («Lietuvos užsienio politikos dokumentai»). Яе мэта – публікацыя найважнейшых дзяржаўных актаў ВКЛ XIII–XVIII стст., якія датычацца пазначанага накірунку. У межах серыі ўжо выйшлі публікацыі актаў Крэўскай і Гарадзельскай уній, пагадненняў аб міры і перамір’і паміж ВКЛ і Маскоўскай дзяржавай 1447–1556 гг. і інш. [14–17]. У Беларусі найбольш адметным укладам у археаграфічную распрацоўку тэмы можна назваць выданне «Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст. (агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўнай ўніі)». Упершыню ў айчынай гістарыяграфіі пад адной вокладкай з перакладам на беларускую мову былі прадстаўлены тэксты агульназемскіх прывілеяў ВКЛ і актаў дзяржаўных уній [18]. Зборнік адлюстроўвае дзве з чатырох асноўных груп дакументаў комплексу арыгіналаў актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ. За аснову выдання былі прыняты не арыгіналы, а ранейшыя найбольш якасныя публікацыі.

Разам з тым названыя археаграфічныя працы ўтрымліваюць інфармацыю аб месцы захоўвання акта на момант выдання, яго знешніх асаблівасцяў, ранейшых публікацыях, аднак, як правіла, гісторыя захоўвання актаў у іх шырока не разглядаецца, часам не закранаецца зусім, правеніенцыйныя (правеніенцыя – паходжанне) прыкметы актаў не ідэнтыфікуюцца. Указанне на паходжанне актаў з дзяржаўнага архіва ВКЛ змяшчаюць толькі адзінкавыя працы.

Асобныя дакументы з дзяржаўнага архіва ВКЛ да нядаўняга часу заставаліся ў навуцы або цалкам невядомымі, або вядомымі толькі па копіях і назвах у вопісах рознага характару. У 2008 г. айчынным даследчыкам А. У. Ліцкевічам была выяўлена, а ў 2010 г. адначасова ім (у інтэрнэце) і А. У. Казаковым (у форме артыкула) упершыню апублікавана дамова («докончание») князёў Навасільскіх і Адоеўскіх Міхаіла Іванавіча, Фёдара Іванавіча, Івана Васілевіча з каралём польскім і вялікім князем літоўскім Казімірам аб вечным міры і службе на карысць ВКЛ, заключаная ў Вільні 26 студзеня 1481 г. [19, с. 7; 20]. У цяперашні час расійскімі даследчыкамі Р. А. Бяспалавым і С. У. Палехавым рыхтуецца да публікацыі раней невядомы прысяжны акт князя Дзмітрыя Фёдаравіча Варатынскага 1488 г. з дзяржаўнага архіва ВКЛ з калекцыі П. А. Муханава ў Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы². Тэкст дакумента ў складзе Метрыкі ВКЛ адсутнічае. Прыведзеныя факты сведчаць аб тым, што нельга прызнаць вычарпаным уласна крыніцазнаўчы аспект праблемы, і могуць паставіць пад пытанне паўнату ведаў аб крыніцах права ВКЛ канца XIV – пачатку XVII ст.

Такім чынам, у параўнанні з даследаваннямі Метрыкі ВКЛ тэма гісторыі і складу дзяржаўнага архіва ў частцы арыгіналаў актаў уяўляецца вывучанай крайне недастаткова. Больш за тое, падаецца, што дадзеная праблема як самастойная ў поўнай меры не была сфармулявана ці як мінімум знаходзілася ў цені больш аб’ёмнай і інфармацыйна, і фактычна Метрыкі ВКЛ і яе гістарыяграфіі³. Такі стан рэчаў непрымальны з пункта гледжання структуры архіваў дзяржавы, дзе комплекс арыгіналаў, як уяўляецца, гістарычна меў больш высокі статус і займаў першараднае месца, абумоўленае яго значэннем як прававой асновы дзяржаўнага ладу (акты уній ВКЛ і Кароны Польскай, агульназемскія прывілеі, пагадненні). Асноўныя прычыны гэтага мы бачым у шэрагу цалкам нявысветленых аспектаў з гісторыі захоўвання дадзенага комплексу, у тым ліку тых, якія выразна раскрывалі б яго становішча адносна Метрыкі ВКЛ у структуры архіваў дзяржавы; працяглым яго знаходжанні ў складзе прыватных архіваў магнатаў (пераважна Радзівілаў) і, адпаведна, маладаступнасці для даследчыкаў⁴; адсутнасці звестак аб першапачатковым, «ідэальным», складзе дадзенай часткі архіва, яе раздробленасці; дэфіцыце інфармацыі аб

¹ Archiwum Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. XXVII. Sygn. 11. Regestr przywilegów W.X.Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r. S. 1, 13–22.

² Аўтар выказвае шчырую ўдзячнасць С. У. Палехаву за магчымасць азнаёміцца з тэкстам артыкула.

³ Згодна з данымі айчыннага гісторыка Г. Я. Галенчанкі, колькасць прац толькі беларускіх, украінскіх і літоўскіх даследчыкаў за перыяд 1923–2012 гг. налічвае каля 300 пазіцый [21, с. 63–86]. Зараз гэта буйны накірунак у крыніцазнаўстве, археаграфіі, архівазнаўстве, ён мае самастойнае інстытуцыянальнае суправаджэнне, праграму фінансавай падтрымкі публікацыі, спецыялізаваныя перыядычныя выданні.

⁴ Асноўная маса актаў разам з архівам Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў трапіла ў склад дзяржаўных архіваў толькі каля 70 гадоў назад: у склад АГАД – у другой палове красавіка 1946 г.; у склад Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці – 5 мая 1946 г.

сучасным стане захаванасці комплексу і месцах захоўвання арыгіналаў. У такіх умовах, нягледзячы на высокую ступень апублікаванасці актаў (значная частка іх, аднак, ужо не адпавядае сучаснаму ўзроўню археаграфіі), немагчыма ўявіць сабе працэс грунтоўнай распрацоўкі гісторыі ВКЛ і цэлага шэрагу сумежных галін навукі.

Акрамя недастатковай распрацаванасці тэматыкі ў навуцы існуе і праблема іншага характару – стан захаванасці комплексу і неабходнасць яго зберажэння. За сваю гісторыю названая частка дзяржаўнага архіва ВКЛ панесла значныя страты. У перыяд другой паловы XVII – першай паловы XX ст. пры розных абставінах у мірны час, а таксама ў перыяд войнаў было згублена каля трэці актаў. Акрамя таго, яшчэ падчас знаходжання ў архіве Радзівілаў у Нябораве ў XIX ст. комплекс актаў архіва ВКЛ быў расфарміраваны. Пасля вяртання ў Нясвіж у 1902 г. яго дакументы былі ўключаны ў склад аддзела пергамінаў. Пасля перадачы на захоўванне ў AGAD працэсы знішчэння гістарычных і лагічных сувязей паміж дакументамі некалі самастойнай архіўнай класіфікацыйнай адзінкі прадоўжыліся – акты сталі часткай калекцыі пергамінаў (*Zbiór dokumentów pergaminowych*).

Такім чынам, у цяперашні час названая частка дзяржаўнага архіва ВКЛ не існуе як адзіны комплекс. Архіў быў расфарміраваны і зараз захоўваецца ў выглядзе разрозненых дакументаў у складзе калекцыі пергамінаў AGAD. Значная частка актаў трапіла на захоўванне ў іншыя архівы і бібліятэкі. Асобныя акты былі знішчаны ў перыяд Другой сусветнай вайны: падчас антыгітлераўскага паўстання ў Варшаве ў жніўні 1944 г. зніклі акты Люблінскай уніі (1569) і Гарадзельскай уніі (1413). Цяпер яны існуюць у выглядзе фотакопій перыяду 1900–1939 гг. Акрамя таго, у архівах і бібліятэках, дзе цяпер знаходзяцца асобныя акты, іх правеніенцыя і сувязь з архівам ВКЛ або застаюцца

невядомымі, або не адлюстроўваюцца ў навукова-даведачным апарате.

Як адзначалася вышэй, у 1997 г. польскі даследчык В. Мікульскі паспрабаваў выявіць у складзе калекцыі пергамінаў AGAD арыгіналы актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ з архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў, якія там захаваліся. У выніку навукоўцам быў складзены спіс дакументаў, у якім даследчык, па сутнасці, упершыню ў пасляваеннай гісторыі паспрабаваў ідэнтыфікаваць усе акты архіва ВКЛ у складзе ўжо дзяржаўнай архіўнай установы Польшчы, дзе яны атрымалі новыя архіўныя шифры, адрозныя ад шыфраў прыватнага фамільнага збору Радзівілаў. Дадзены спіс, нягледзячы на сваю безумоўную каштоўнасць для вывучэння праблемы, не ўтрымлівае падакументнага супастаўлення з вопісамі архіва ВКЛ і архіваў Радзівілаў, не дае ўяўлення аб тым, наколькі поўным дайшоў да нас комплекс арыгіналаў, у якой ступені ён суадносіцца са складам, адлюстраваным у рэестры дзяржаўнага архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г., колькі дакументаў згублена і дзе іх сучаснае месцазнаходжанне. Па нашых падліках, склад спісу В. Мікульскага адлюстроўвае толькі каля 70 % актаў 1386–1601 гг., зафіксаваных у рэестры. Некаторыя дакументы, якія фігуруюць у крыніцы, знаходзяцца ў іншых вядомых зборах, у тым ліку польскіх, пра што аўтарам не паведамляецца. Асобныя дакументы, зафіксаваныя ў рэестры, якія захоўваюцца ў AGAD, не былі ўлічаны В. Мікульскім¹. Гэта, напрыклад, канфірмацыйны прывілей Жыгімонта II Аўгуста ад 3 лістапада 1551 г.; так званая Аксамітная кніга – капіярый актаў уній і агульназемскіх прывілеяў вялікіх князёў літоўскіх папярэдняга перыяду²; прывілей Жыгімонта II Аўгуста ад 20 верасня 1559 г. на другі Статут ВКЛ³; акты з пунктамі пагаднення паміж дэпутатамі Каралеўства Польскага і ВКЛ, прынятыя на элекцыйным сейме ў Варшаве 4 жніўня 1587 г.⁴

Высновы

Відавочна, што спіс В. Мікульскага 1997 г. не адлюстроўвае ўсяго складу комплексу арыгіналаў актаў архіва ВКЛ нават у частцы, што захавалася ў AGAD, і не можа быць прызнаны канчатковым. Адпаведна, трактоўка вынікаў яго даследавання

як завершанага, што мае месца ў навуковай літаратуры па гэтым пытанні, непрымальная. Стан раздробленасці некалі адзінага комплексу найкаштоўнейшых дзяржаўна-прававых актаў, дэвальвацыя ў сучасных архіўных і бібліятэчных

¹ Arch. Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. XXVII. Sygn. 11. Registr przywilegów W.X.Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r. S. 8, 12.

² Arch. Główny Akt Daw. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7675: Zygmunt August, król polski, wielki książę litewski, powtarza i potwierdza dokumenty swoje i swoich poprzedników nadające przywileje panom litewskim. 1551.11.03. łac., oryg., pergamin, 1 k. o wym. 31 × 37,5 cm; księga perg. poprawna w czerw. aksamit.

³ Arch. Główny Akt Daw. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7744: Zygmunt August, król polski, wielki książę litewski, wystawia stanom Wielkiego Księstwa Litewskiego przywilej na spisanie statutu. 1559.09.20. Rus. 1 k. oryg., pergamin, 1 k. o wym. 68,5 × 39,5 + 8,5 cm; b. uszkodzony, nieczytelny, nacięcie.

⁴ Arch. Główny Akt Daw. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7929: Dokument wystawiony przez deputatów koronnych wyznaczonych do traktowania z deputatami W. Ks. Litewskiego dotyczący gravamin i exorbitancji, które podały stany W. Ks. Litewskiego na konwokacji. 1587.08.04. Pol. 1 k. oryg., papier, 1 k. o wym. 43 × 56,5 cm; 4 piecz. wyciśn. przez papier.; Sygn. 7930 Namowy Ichmość Panów Deputatów Koronnych na sejmie elekcyjnym z Panami Deputatami W. Ks. Litewskiego dotyczące gravamin i exorbitancji, które podały stany W. Ks. Litewskiego na konwokacji. 1587.08.04. Pol. oryg., pergamin [папера. – А. Л.], 1 k. o wym. 43 × 56,5 cm.

установах яго статусу як атрыбута дзяржаўнасці ВКЛ, адсутнасць дакладных і поўных звестак аб яго складзе, ступені захаванасці і сучасным месцазнаходжанні згубленых актаў не адпавядаюць як навукавай, так і гісторыка-культурнай значнасці дадзенага аб'екта. У сувязі з апошнім аспектам варта адзначыць наступнае. Дзяржаўны архіў ВКЛ мае першачарговае значэнне для айчыннай гісторыі, адлюстроўвае асноўныя этапы станаўлення дзяржаўнасці на беларускіх землях. На падставе гэтага ён займае найважнейшае месца ў дакументальнай спадчыне беларускага народа, якая ў значнай ступені страчана. У цяперашні час у складзе Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь (далей – НАФ Беларусі) няма ніводнага арыгінала з названага комплексу актаў, як і іншых арыгіналаў актаў прававога характару агульнадзяржаўнага значэння перыяду ВКЛ. Выключэнне складае копія Метрыкі ВКЛ, якая захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў форме мікрафільмаў (КМФ-18).

Такім чынам, актуальнай задачай з'яўляецца навукова абгрунтаваная рэканструкцыя складу, а ў перспектыве – аднаўленне цэласнасці комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў 1386–1601 гг. як адной з найбольш каштоўных частак дзяржаўнага архіва ВКЛ у электроннай форме, што створыць перадумовы для ўсебаковага навуковага вывучэння дадзенага аб'екта, міждyscyплінарнага па сваёй сутнасці. У галіне пошуку і захавання культурнай спадчыны краіны наяўнасць якасных электронных копій дакументаў архіва дасць магчымасць уключыць іх у склад НАФ Беларусі. Закон Рэспублікі Беларусь «Аб архіўнай справе і справаводстве ў Рэспубліцы Беларусь» ад 25 лістапада 2011 г. змяшчае палажэнні аб неабходнасці выяўлення за мяжой і вяртання (у тым ліку ў выглядзе копій) найважнейшых дакументаў, звязаных з гістарычным мінулым Беларусі, і прадугледжвае магчымасць уключэння іх у склад НАФ Беларусі ў статусе копій архіўных дакументаў на правах арыгіналаў (арт. 9–11)¹. Гэта будзе спрыяць павышэнню інфармацыйнага патэнцыялу архіўнага фонду краіны, росту яго навуковага, гісторыка-культурнага значэння. Распрацоўка дадзенай праблемы адносіцца да найбольш актуальных у працэсе ўмацавання беларускай дзяржаўнасці.

У якасці задач, рашэнне якіх з'яўляецца неабходным для дасягнення акрэсленай мэты, можна вылучыць наступныя:

1) вывучэнне гісторыі захоўвання актаў у складзе архіваў дзяржавы ў канцы XIV ст. – сярэдзіне 1650-х гг.;

2) высвятленне абставін, пры якіх акты былі ўключаны ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў, і вывучэнне гісторыі іх захоў-

вання ў дакументальных зборах княскага роду ў перыяд другой паловы XVII – канца XVIII ст.;

3) вывучэнне гісторыі захоўвання часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ у архіве Радзівілаў у Нямбарава (пад Варшавай) у канцы XVIII – пачатку XX ст., даследаванне гісторыі нябораўскай лініі роду з мэтай вызначэння ролі Радзівілаў гэтай лініі ў захаванні архіва і высвятлення абставін страты асобных актаў у дадзены перыяд;

4) выяўленне ўсіх вопісаў дзяржаўнага архіва ВКЛ, а таксама вопісаў архіўных збораў Радзівілаў з апісаннем комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў ВКЛ, і стварэнне поўнага спісу дакументаў дадзенай часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ;

5) распрацоўка метадыкі ідэнтыфікацыі актаў, якія ўваходзілі ў склад комплексу арыгіналаў дзяржаўнага архіва ВКЛ: выяўленне характэрных для дадзеных актаў прыкмет правеніенцыі – адзнак архіўнага ўліку, якімі яны былі пазначаны ў розных перыядах захоўвання ў архівах дзяржавы і ў прыватных архівах князёў Радзівілаў; фарміраванне базы іншых прыкмет паходжання (спосаб і схемы размяшчэння адзнак архіўнага ўліку, почырк архіварыусаў, экслібрысы кодэксаў, куды маглі быць падшыты акты, і інш.);

6) выяўленне і ідэнтыфікацыя актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ, якія захаваліся ў складзе фондаў AGAD у Варшаве;

7) складанне спісу згубленых актаў і высвятленне часу і абставін страт дакументаў;

8) пошук згубленых актаў у складзе фондаў архіваў і бібліятэк Польшчы (Кракаў), Літвы (Вільнюс), Расіі (Санкт-Пецярбург, Масква) і іншых дзяржаў;

9) якаснае капіраванне выяўленых актаў (копіі тытульнага і адваротнага бакоў дакументаў, пячаткаў);

10) фарміраванне электроннага архіва копій і аднаўленне цэласнасці названай часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ у электроннай форме.

Аўтарам артыкула падрыхтавана да публікацыі частка рэестра ад 26 лістапада 1623 г., якая апісвае комплекс арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў архіва ВКЛ (гл. «Беларускі археаграфічны штогоднік» за 2017 г.). Адным з найважнейшых дасягненняў апошніх гадоў стала выяўленне аўтарам у фондах замежных сховішчаў (па-за фондамі AGAD у Варшаве) 13 адзінак актаў, у тым ліку арыгіналаў, якія ўваходзілі раней у склад комплексу дзяржаўна-прававых актаў архіва ВКЛ і лічыліся згубленымі або мелі неўсталяваную правеніенцыю (гл. дадатак). Іх прыналежнасць да складу комплексу пацвярджаецца рэестрам дзяржаўнага архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г., правеніенцыйнымі прыкметамі, а таксама вопісамі комплексу перыяду яго захоўвання ў складзе архіваў Радзівілаў (другая палова XVII – першая палова XX ст.)¹.

¹ Закон Рэспублікі Беларусь ад 25 студзеня 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011 г. № 136, 2/186.

Дадатак

**Страчаныя акты са складу комплексу арыгіналаў дзяржаўнага архіва ВКЛ
1386–1601 гг., выяўленыя ў замежных сховішчах (без уліку фондаў AGAD)**

Appendix

**Lost acts from the complex of originals acts of the state archive of the Grand Duchy
of Lithuania 1386–1601, which have been identified in foreign repositories
(excluding AGAD funds)**

1. Акт прысягі князя Сямёна Дзмітрыевіча Друцкага каралю польскаму Ягайлу (Уладзіславу) Бірштаны, [26 студз.] 1401 г. // Российская государственная библиотека (Москва). Ф. 191 «Муханов Павел Александрович», ед. хр. № 101; оригинал.

2. Акт прысягі князя Дзмітрыя Фёдаравіча Варатынскага ў вернасці каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму Казіміру за трыманне замка і горада Казельск. Вільня, 16 (17?) сак. 1488 г. // Российская государственная библиотека (Москва). Ф. 191 «Муханов Павел Александрович», ед. хр. № 102; оригинал.

3. Акт Гарадзельскай уніі 1413 г. Экзэмпляр польскага боку, дадзены баярам ВКЛ. Гародля, 2 кастр. 1413 г. // Uniwersytet Jagiełłoński, Instytut historyczny, zakład nauk pomocniczych historii. Zbiór fotografii dokumentów średniowiecznych, sygn. № 2568 II; 1966 III; фотакопія перыяду 1900–1939 гг. на правах арыгінала, арыгінал згублены ў перыяд Варшаўскага паўстання 1944 г.

4. Акт караля польскага Ягайлы (Уладзіслава) і вялікага князя Вітаўта (Аляксандра) пацвярджэння Гарадзельскай уніі. Гародля, 2 кастр. 1413 г. // Uniwersytet Jagiełłoński, Instytut historyczny, zakład nauk pomocniczych historii. Zbiór fotografii dokumentów średniowiecznych, sygn. № 2610 I; 1574 III (4517 III); фотакопія перыяду 1900–1939 гг. на правах арыгінала, арыгінал згублены ў перыяд Варшаўскага паўстання 1944 г.

5. Пагадненне вялікага князя цвярскага Барыса Аляксандравіча з вялікім князем літоўскім Вітаўтам (Аляксандрам). Цвер, 3 жн. 1427 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 27 «Приказ Тайных дел». Оп. 1, ед. хр. 2; оригинал.

6. Пагадненне вялікага князя літоўскага Казіміра з Вялікім Ноўгарадам. 1440–1447 гг. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 27 «Приказ Тайных дел». Оп. 1, ед. хр. 3; оригинал.

7. Агульназемскі прывілей караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра. Вільня, 2 мая 1447 г. // Biblioteka ks. Czartoryjskich w Krakowie. Pergamin 528. Адз. зах. VIII/42; арыгінал.

8. Прывілей караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра аб аднаўленні пячаткі на агульназемскім прывілеі 1447 г. Трокі, 14 лют. 1457 г. // Uniwersytet Jagiełłoński, Instytut historyczny, zakład nauk pomocniczych historii. Zbiór fotografii dokumentów średniowiecznych, sygn. № 2598 II; фотакопія перыяду 1900–1939 гг. на правах арыгінала, арыгінал згублены не раней за 1935 г.

9. Акт вялікага князя літоўскага Аляксандра аб надзяленні паўнамоцтвамі пасольства ВКЛ да караля польскага Яна Альбрэхта для заключэння уніі. Гродна, 9 студз. 1499 г. // Uniwersytet Jagiełłoński, Instytut historyczny, zakład nauk pomocniczych historii. Zbiór fotografii dokumentów średniowiecznych, sygn. № 2120 II; 2597 I; фотакопія перыяду 1900–1939 гг. на правах арыгінала, арыгінал згублены не раней за 1935 г.

10. Акт перамір'я паміж вялікім князем маскоўскім Іванам IV Васільевічам і каралём польскім, вялікім князем літоўскім Жыгімонтам II Аўгустам на 6 гадоў. Масква, [7 лют.] 1556 г. // Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отд. рукописей. Ф. 532 «Основное собрание актов и грамот». Оп. 1, № 141; оригинал.

11. Агульназемскі прывілей Жыгімонта II Аўгуста прадстаўнікам хрысціянскіх канфесій ВКЛ на правы і свабоды. Вільня, 6 чэрв. 1563 г. // Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka, Vilnius (Нацыянальная бібліятэка Літвы імя Марціна Мажвыдаса, Вільнюс). F. 101, b. 31; арыгінал.

12. Агульназемскі прывілей Жыгімонта II Аўгуста прадстаўнікам хрысціянскіх канфесій ВКЛ на правы і свабоды. Гродна, 1 ліп. 1568 г. // Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka. F. 101, b. 33; арыгінал.

13. Акт Люблінскай уніі, дадзены пасламі ВКЛ паслам Каралеўства Польскага (нясвіжскі экзэмпляр). Люблін, 1 ліп. 1569 г. // Uniwersytet Jagiełłoński, Instytut historyczny, Zakład Nauk Pomocniczych Historii. Zbiór fotografii dokumentów średniowiecznych, sygn. № 2569 II; фотакопія перыяду 1900–1939 гг. на правах арыгінала, арыгінал згублены ў перыяд Варшаўскага паўстання 1944 г.

¹ Arch. Główny Akt Daw. Arch. Radziwiłłów, tak zwany Warsz. Dz. XXVII: «Sumariusze i inwentarze archiwów radziwiłłowskich». Sygn. 11. Registr przywilegów W.X.Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r. S. 2–13; Sygn. 13. Registr spraw 1685 r. Część I «Registr spraw Jaśnie Oświeconej X[ie]ż[nej] Jmci Katarzyny z Sobieszyna Radziwiłłowej (zm. 1694 r. 1 v. Zasławskiej) podkanclerzynie i hetmanowej W.X.Lit. etc. dnia 18 Julii roku 1685 sporządzony w Warszawie». S. 1–6; Sygn. 14. «Registr przywilegów dawnych 1722 [część lub tom] 1». Oprac. Aleksander Goffoux. Grudzień 1721 r., 1722 r.; Sygn. 27. Registr przywilegów Unii Litewskiej z Korono. b.d. lata 40-te XVIII w. [1744 r.]; Sygn. 26. Registr przywilegów litewskich/Przywileje dane Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu od najjaśniejszego króla Jegomości Zygmunta Augusta (1520–1572) monarchy polskiego, ponowione i od tego ż potwierdzone w Wilnie na sejmie walnym w roku Pańskim 1744 r. (!); Sygn. 29. Lustracja archiwów zamku nieświeżskiego. X 1755 r.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Kutrzeba S. Historia źródeł dawniego prawa polskiego : w 2 t. Lwów : Wydawniczy zakład narodowy im. Ossolińskich, 1926. T. 2, cz. 2 : Źródła innych praw w Rzeczypospolitej Polskiej obowiązujących.
2. Mikulski W. Dokumenty z archiwum WXL w archiwum warszawskim Radziwiłłów // Misc. hist.-arch. 1997. T. 7. S. 71–83.
3. Груша А. И. Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск : Беларуская навука, 2015.
4. Jakubowski J. Archiwum Państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // Archeion. 1931. T. 9. S. 1–18.
5. Рыбакоў А. Я. Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў канцы XV–XVII ст. // Архівы і справаводства. 1999. № 2. С. 70–76.
6. Antanavičius D. Originalių lietuvis metrikos XVI a. knygų sąrašas // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius, 2012. T. 4. S. 157–186.
7. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrika = Mietryka Litewska = Литовская Метрика. Vilnius : Makslo ir enciklopediju leidybos institutas, 1998. Kn. 1 (1380–1584). Užrašymų knyga 1.
8. Ptaszycki S. Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akta unii Litwy z Polską? // Kwart. hist. 1902. Rocz. 16, zeszyt. 1. S. 589–591.
9. Kutrzeba S., Semkowicz W. Akta unji Polski z Litwą 1385–1791. Kraków : Druk UJ, 1932.
10. Латушкін А. М. Князь Мікалай Радзівіл Чорны і пытанне захоўвання дзяржаўных актаў Вялікага Княства Літоўскага Радзівіламі нясвіжскай галіны роду // Мікалай Радзівіл Чорны (1515–1565): палітык, дыпламат, мецэнат : зб. навук. пр. Нясвіж, 2016. С. 82–91.
11. Латушкін А. М. Аб гісторыі ўключэння граматаў і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у другой палове XVII ст. // Беларус. археагр. штогод. Мінск, 2015. Вып. 16. С. 292–309.
12. Латушкін А. М. Дзяржаўныя акты Вялікага Княства Літоўскага ў складзе Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў: стан і накірункі даследавання праблемы // Минулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў : матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю Віцебскай вуч. арх. кам. (Мінск, 20 мая 2009 г.). Мінск, 2010. С. 31–37.
13. Антанавічюс Д. Найден реестр оригинальных книг Литовской Метрики XVI в. // Новости Литовской Метрики. Вильнюс, 2011. № 12. С. 18–25.
14. 1385 m. rugpjūčio 14 d. Krėvos aktas / sud. J. Kiaupienė ; par. R. Čapaitė [et al.]. Vilnius : Zara, 2002.
15. Linkijis – Lietuvos valstybės padalijimų dokumentai. / sud. R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius : LII leidykla, 2008. Dalis 1 : Sankt Peterburgo konvencijos.
16. 1413 metų Horodlės akta. (Dokumentai ir tyrinėjimai)–Akty horodelskie z 1413 roku. (Dokumenty i studia) / sud. J. Kiaupienė, L. Korczak ; par. J. Kiaupienė [et al.]. Vilnius : Lietuvos istorijos institutas leidykla, 2013.
17. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės sutartys 1449–1556 metai : šaltinių publikacija / sud., parengė, vertė M. Sirutavičius ; mosklinė red. J. Kiaupienė. Kaunas ; Vilnius : Versus aureus, 2016.
18. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік / склад.: Г. Я. Галенчанка [і інш.]. Мінск : БелНДІДАС, 2015.
19. Ліцкевіч А. У. Старабеларускія граматы XV ст. з *Archiwum głównego akt dawnych* у Варшаве // Забытыя. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск, 2009. Вып. 11. С. 6–41.
20. Казакоў А. У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Минск, 2010. Вып. 3. С. 291–300.
21. Галенчанка Г. Я. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: гісторыя, даследаванні, выданні (кароткі нарыс). Мінск : БелНДІДАС, 2014.

References

1. Kutrzeba S. [History of sources of former Polish law] : in 2 vol. Lwow : Wydawniczy zakład narodowy im. Ossolińskich, 1926. Vol. 2, part 2 : [Sources of law in the Republic of Poland in force] (in Pol., Lat., Old Belarus.).
2. Mikulski W. [Documents from the archives of WXL in the archives of the Radziwiłł in Warsaw]. *Miscellanea historico-archivistica*. 1997. Vol. 7. P. 71–83 (in Pol.).
3. Hrusha A. I. [Documentary writing of the Grand Duchy of Lithuania (the end of XIV – the first third of the XVI century)]. Minsk : Belaruskaja navuka, 2015 (in Russ.).
4. Jakubowski J. [State Archive of W. X. Lithuanian and his fates]. *Archeion*. 1931. Vol. 9. P. 1–18 (in Pol.).
5. Rybakow A. E. [Organization of the Grand Duchy of Lithuania in the state archive of the late XV–XVII century]. *Archivy i spravavodstva* [Archives and records management]. 1999. No. 2. P. 70–76 (in Belarus.).
6. Antanavičius D. [Original Lithuanian Metrics of the XVI century book list]. *Istoriijos shaltiniu tyrimai* [Historical sources research]. Vilnius, 2012. Vol. 4. P. 157–186 (in Lith.).
7. [Lithuanian Metrika]. Vilnius : Makslo ir enciklopediju leidybos institutas, 1998. Book 1 (1380–1584). Book of notes 1 (in Lith., Engl., Old Belarus., Russ.).
8. Ptaszycki S. [Where are the records of the union acts of Lithuania and Poland kept now?]. *Kwart. hist.* [Historical Quarterly]. 1902. Yearb. 16, book 1. P. 589–591 (in Pol.).
9. Kutrzeba S., Semkowicz W. [Acts of the union Poland with Lithuania 1385–1791]. Cracow : Druk UJ, 1932 (in Pol.).
10. Latushkin A. M. [Prince Nicholas Radziwill the Black and the issue of storage of state acts of the Grand Duchy of Lithuania Nesvizh branch of the Radziwill]. *Mikalai Radzivil Chorny (1515–1565): palityk, dyplamat, mecenat* [Nicolas Radziwill Black (1515–1565): politician, diplomat, philanthropist] : collect. of sci. works. Njasvizh, 2016. P. 82–91 (in Belarus.).
11. Latushkin A. M. [On the history of incorporating charters and acts of State Archives of the Grand Duchy of Lithuania in the archive Nesvizh ordination princes Radziwill in the second half of the XVII century]. *Belarus. arheahrafichny shotohodnik* [Belarusian archeographic yearbook]. Minsk, 2015. Issue 16. P. 292–309 (in Belarus.).

12. Latushkin A. M. [Public acts of the Grand Duchy of Lithuania as part of Nesvizh archive of the Radziwill princes: the status and direction of the research problem]. *Minulae i suchasnasc': arhivy u sistjeme humanitarnyh vedaw* [The past and present in the archives of human knowledge system] : the Int. sci. conf. dedic. to the 100th anniv. of the Vitebsk sci. arch. comm. (Minsk, 20 May, 2009). Minsk, 2010. P. 31–37 (in Belarus.).
13. Antanavichyus D. [Found the register of original books of the Lithuanian Metrics of the XVI century]. *Novosti Litovskoi Metriki* [News of the Lithuanian Metrics]. Vilnius, 2011. No. 12. P. 18–25 (in Russ.).
14. [1385 August 14. Act of Krėva]. Vilnius : Zara, 2002 (in Lith.).
15. [The Documents of the Division of territory of Polish-Lithuanian]. Vilnius : LII leidykla, 2008. Part 1 : [Saint Petersburg Convention] (in Lith.).
16. [Acts of the Horodla in 1413. (Documents and Research)]. Vilnius : Leituvo istorijos instytas leidykla, 2013 (in Lith., Pol.).
17. [Treaties of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State 1449–1556] : publ. of sources. Kaunas ; Vilnius : Versus aureus, 2016 (in Lith.).
18. Halenchanka H. J. (compil.). [Monuments of law in Belarus XIV–XVI century: the privilege of nobility and acts uny: a guide to working with historical sources]. Minsk : BelNDIDAS, 2015 (in Belarus.).
19. Litskevich A. U. [Old Belarusian diplomas of XV century. in the Central Archives of Historical Records in Warsaw]. *Zdabytki. Dokumental'nyja pomniki na Belarusi* [Heritage. Documentary monuments in Belarus]. Minsk, 2009. Issue 11. P. 6–41 (in Belarus.).
20. Kazakow A. V. [Unknown Peace Agreement King of Poland and Grand Duke of Lithuania Casimir and Duke Navasilskaga and Odoevskogo Mikhail Ivanovich 1481]. *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy*. Minsk, 2010. Issue 3. P. 291–300 (in Belarus.).
21. Halenchanka G. Y. [The Metric of the Grand Duchy of Lithuania: history, research, publications (short survey)]. Minsk : BelNDIDAS, 2014 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 20.07.2017.
Received by editorial board 20.07.2017.

УДК (930.253:347:6):271/272

СПРАВАВОДСТВА ПА СКАСАВАННІ ШЛЮБУ Ў ПРАВАСЛАЎНЫХ І РЫМСКА-КАТАЛІЦКІХ КАНСІСТОРЫЯХ (канец XVIII – пачатак XX ст.)

З. В. АНТАНОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Праводзіцца кампаратывны аналіз тэрміналогіі, арганізацыі і дакументавання судовай дзейнасці праваслаўных і рымска-каталіцкіх кансісторый на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст. Вызначаюцца тры віды разрыву сямейных адносін – прызнанне шлюбу незаконным, дазвол на асобнае пражыванне мужа і жонкі, развод. Абгрунтоўваюцца прычыны звароту ў кансісторыі. Вылучаюцца два найбольш істотныя перыяды ў арганізацыі справаводства кансісторый па справах аб скасаванні шлюбу і яго нарматыўным рэгуляванні для праваслаўнай і рымска-каталіцкай цэркваў: канец XVIII ст. – 1841 г.; 1840-я гг. – пачатак XX ст. Адзначана, што для праваслаўнай царквы можна акрэсліць тры перыяды: канец XIX – пачатак XX ст. Сцвярджаецца, што непасрэдна судовы працэс уключаў тры этапы – прыняцце кансісторыяй прашэння да разгляду, следства, прыняцце рашэння, – а пэўнай міжканфесіяльнай уніфікацыі судаводства ўдалося дасягнуць толькі з прыняццем Статута духоўных кансісторый (1841). Паказана, што з гэтага часу спецыфіка канфесій захоўвалася ў афармленні судовай дакументацыі, выкарыстанні асобных відаў дакументаў, арганізацыі прыняцця да разгляду зваротаў насельніцтва і вынясення прысудаў кансісторыямі па іх, а таксама ў формах падачы апеляцый.

Ключавыя словы: справаводства кансісторыі; праваслаўная кансісторыя; рымска-каталіцкая кансісторыя; судовая дакументацыя кансісторыі; справы аб скасаванні шлюбу.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО ПО РАСТОРЖЕНИЮ БРАКА В ПРАВОСЛАВНЫХ И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ КОНСИСТОРИЯХ (конец XVIII – начало XX в.)

З. В. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится компаративный анализ терминологии, организации и документирования судебной деятельности православных и римско-католических консисторий на белорусских землях в конце XVIII – начале XX в. Определяются три вида разрыва семейных отношений – признание брака незаконным, разрешение отдельного проживания мужа и жены, развод. Обосновываются причины обращений в консистории. Выделяются два наиболее значимых периода в организации судопроизводства консисторий по бракоразводным делам и его нормативном регулировании для православной и римско-католической церквей: конец XVIII в. – 1841 г.; 1840-е гг. – начало XX в. Отмечено, что для православной церкви можно определить третий период: конец XIX – начало XX в. Показано, что непосредственно судебный процесс включал три этапа – принятие консисторией прошения к рассмотрению, следствие, принятие решения, – а некоторой межконфессиональной унификации судопроизводства удалось достичь только с принятием Устава духовных консисторий (1841). Утверждается, что с указанного времени специфика конфессий сохранялась

Образец цитирования:

Антановіч З. В. Справаводства па скасаванні шлюбу ў праваслаўных і рымска-каталіцкіх кансісторыях (канец XVIII – пачатак XX ст.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 108–114.

For citation:

Antonovich Z. V. Record management on the dissolution of marriage in the Orthodox and Roman Catholic consistories (late XVIII – early XX century). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 108–114 (in Belarus.).

Автор:

Зинаида Васильевна Антонович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры источниковедения исторического факультета.

Author:

Zinaida V. Antonovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of source study, faculty of history.
zinantonowicz@gmail.com

в оформлении судебной документации, использовании отдельных видов документов, организации принятия к рассмотрению обращений населения и вынесения решений консисториями по ним, а также в способах их опротестования.

Ключевые слова: делопроизводство консистории; православная консистория; римско-католическая консистория; судебная документация консистории; бракоразводные дела.

RECORD MANAGEMENT ON THE DISSOLUTION OF MARRIAGE IN THE ORTHODOX AND ROMAN CATHOLIC CONSISTORIES (late XVIII – early XX century)

Z. V. ANTONOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article provides a comparative analysis of the terminology, organization and documentation of judicial activities of Orthodox and Roman Catholic consistories in Belarus in the late XVIII and early XX centuries. The author defines and justifies three types of family breaks (recognition of marriage as illegal, permission for separate residence of a husband and wife, divorce), and the reasons for private appeals to Consistories. In accordance with the organization of proceedings of the Orthodox and Roman Catholic Consistories for divorce cases and its regulation, two most significant periods are identified: late XVIII – 1841; since 1840s to the early XX century. The third period (late XIX – early XX century) is identified for Orthodox church. The trial involved three stages, and some unification of the judiciary between confessions was achieved after 1841. The specifics of the confessions persisted in the design of judicial documentation, the use of certain types of documents, the organization of the adoption of appeals by the population and the decision by the Consistory for them, and their appeal.

Key words: consistory' records management; Orthodox Consistory; Roman Catholic Consistory; judicial documentation of Consistory; divorce files.

Уводзіны

Рэлігійныя догмы адыгрывалі значную ролю ў фарміраванні светапогляду і маральных норм чалавека XIX ст. На беларускіх землях з хрысціянскіх веравызнанняў найбольш распаўсюджанымі былі праваслаўе і каталіцтва, якія мелі іерархізаваную структуру на чале з епіскапамі, біскупамі, арцыбіскупамі. Органамі адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва і духоўнага суда ў праваслаўных епархіях і рымска-каталіцкіх дыяцэзіях з'яўляліся кансісторыі, сярод матэрыялаў дзейнасці якіх захавалася значная частка судовай дакументацыі, у тым ліку звязанай з разрывам сямейных адносін. Нягледзячы на агульныя рысы нарматыўнага рэгулявання дзейнасці згаданых канфесій, тэрміналагічныя і справаводныя аспекты скасавання шлюбу ў праваслаўных і рымска-каталіцкіх кансіс-

торых мелі спецыфіку, якая дагэтуль не выступала ў якасці аб'екта даследавання. У навуковых працах гэта праблематыка закранаецца павярхоўна [1–3; 4, с. 132–145; 5–8]. З улікам захаванасці дакументаў крыніцавай базай дадзенага даследавання выступаюць матэрыялы архіўных фондаў «Мінская духоўная кансісторыя», «Магілёўская духоўная кансісторыя», «Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя», якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі¹. Дзейнасць адпаведных устаноў-фондаўтваральнікаў распаўсюджвалася на пераважную частку Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст., а Магілёўская кансісторыя стала правапераемніцай матэрыялаў Мінскай кансісторыі пасля ўваходжання тэрыторыі Мінскай губерні ў склад архідыяцэзіі [4, с. 23–24].

Асноўная частка

Вылучаюцца тры віды разрыву сямейных адносін, якія выкарыстоўваліся праваслаўнай царквой у канцы XVIII – пачатку XX ст.: прызнанне шлюбу незаконным (па прычынах непаўналецця аднаго з сужэнцаў, чацвёртага шлюбу, кровазмяшэння, бігаміі), скасаванне шлюбу (праз распушту

сужэнца, яго працяглую адсутнасць, фізічны гвалт і інш.) і асобнае пражыванне мужа і жонкі (пераважна праз фізічны гвалт). У рымска-каталіцкай царкве з канца XVIII ст. замацоўваліся два тэрміны: сепарацыя (*separatio*) і скасаванне шлюбу (*nullitae matrimonii*). Пад сепарацыяй разумелася замацаванне

¹Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136, 1781, 2301.

асобнага пражывання мужа і жонкі без абвяшчэння юрыдычнай несапраўднасці іх сямейнага стану¹. У такім выпадку сужэнцы не мелі права ўступаць у новы шлюб. Непасрэдна скасаванне шлюбу характарызаваў акт, якім мужу і жонцы давалася поўная свабода далейшага самавызначэння². Рымска-каталіцкія кансісторыі маглі прызнаць шлюб незаконным у выпадках, аналагічных тым, якія ўлічваліся праваслаўнай царквой, для адзначэння чаго часам выкарыстоўваўся тэрмін «дыспенсацыя» (*dispensatio*)³. Паводле заканадаўства Расійскай імперыі не лічыўся паўнамоцным шлюб праваслаўнай асобы з каталіком, калі абрад праводзіў каталіцкі святар⁴. Рымска-каталіцкімі кансісторыямі значна часцей, чым праваслаўнымі, разглядаліся справы аб недзеяздольнасці мужа або жонкі, што даказвалася паказаннямі сведак і медыцынскімі пасведчаннямі [6]⁵. Справы аб разрыве сямейных адносін, незалежна ад іх віду, мелі аналагічны склад дакументаў, што было абумоўлена паслядоўнасцю судаводства, прычым скасаванне шлюбу часта суправаджалася раздзельным пражываннем сужэнцаў падчас працэсу.

Рэгуляванне разгляду спраў аб скасаванні шлюбу ажыццяўлялася як на падставе нарматыўных актаў канфесійнага кіраўніцтва, так і з апірышчам на заканадаўства Расійскай імперыі. У праваслаўнай царкве выкарыстоўваліся каноны, замацаваныя ў Кормчай кнізе, правілах Святога Васілія і святых апосталаў. Пры вынясенні прысуду абавіраваліся таксама на прэцэдэнты, апублікаваныя ў Поўным зборы законаў Расійскай імперыі ўказы Сінода⁶. Рымска-каталіцкая царква карысталася шэрагам пераважна ратыфікаваных органамі дзяржаўнай улады кананічных актаў і агульнадзяржаўным заканадаўствам⁷. З 1841 г. асноўным дакументам для абедзвюх канфесій з'яўляўся Статут духоўных кансісторый у рэдакцыях 1841 і 1883 гг.⁸ Справаводства праваслаўных кансісторый вялося на рускай мове, а рымска-каталіцкіх – на польскай з перакладам іншамовных тэкстаў на рускую мову, за выключэннем перапіскі з дзяржаўнымі ўстановамі, якая, згодна з указам Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі 1846 г., вялася па-руску⁹. Лацінамоўная

тэрміналогія выкарыстоўвалася выключна ва ўнутраных дакументах.

Справы аб скасаванні шлюбаў разглядаліся ў кансісторыях і ініцыіраваліся прашэннямі прыватных асоб (першы этап разгляду справы). Праваслаўная царква з прычыны яе дамінавання на грамадска-палітычнай арэне Расійскай імперыі мела пашырэнныя паўнамоцтвы ў дачыненні да насельніцтва: калі адзін з сужэнцаў быў праваслаўным, справа перадавалася ў праваслаўную духоўную кансісторыю¹⁰. Аналагічным чынам вырашалася сітуацыя, калі чалавек змяняў веравызнаўчую прыналежнасць на праваслаўе, нават калі шлюб заключаўся святаром іншай канфесіі. Напрыклад, справа аб законнасці шлюбу Яна Бернарда Кавалеўскага, субдыякана троцкага (пазней – мінскага) дамініканскага кляштара, з Францішкай Галоўня ў сувязі з іх пераходам у праваслаўнае веравызнанне была перададзена на разгляд Мінскай праваслаўнай кансісторыі¹¹. У першай палове XIX ст. ваеннаслужачыя і сяляне павінны былі атрымліваць дазвол на зварот у кансісторыю ад вайсковага кіраўніцтва або ўладальнікаў адпаведна. Пры гэтым прашэнні прымаліся згодна з адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам цэркваў і месцам жыхарства мужа і жонкі. У падобных выпадках рымска-каталіцкія кансісторыі карысталіся Інструкцыяй аб парадку разгляду спраў скасавання шлюбу, што забяспечвала аптымальныя ўмовы для прыняцця рашэння¹².

Прашэнні афармляліся па вызначанай для грамадзянскага судаводства форме, якая неаднаразова змянялася і была замацавана ў Зводзе законаў Расійскай імперыі¹³. Структура прашэння ўключала звесткі пра істца, выклад абставін справы, часам з падзеламі на пункты, і канстатацыю неабходнасці скасаваць шлюб. У рымска-каталіцкіх кансісторыях гэтыя дакументы часта перакладаліся на рускую мову. Выкарыстанне гербавай паперы істцамі было абавязковым, як і аплата выдаткаў кансісторыі за разгляд справы.

Прычынамі звароту ў кансісторыі выступалі пераважна невядомае месцазнаходжанне мужа (акрамя рэкрутаў) або жонкі на працягу пяці гадоў,

¹ Горбачевский Н. В. Separatio // Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вильно, 1874. С. 329–330.

² Горелов А., Масленникова Г., Сахаров П. Брак // Католическая энциклопедия : в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 731.

³ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 19; Воп. 24. Спр. 4, 6, 1361, 4388.

⁴ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 21. Спр. 73.

⁵ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 24. Спр. 34. Спр. 65. Арк. 9–16.

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 28. 1830. Ст. 21585.

⁷ Карлов Ю. Дипломатические контакты России со святым Престолом // Католическая энциклопедия : в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 1644–1649; Філатава А. М. Суд царкоўны // Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. Мінск, 2001. С. 313–314.

⁸ Устав духовных консисторий. СПб. : Синодальная типография, 1843 (2-е изд., 1883).

⁹ Lietuvos valstybės istorijos archyvas. F. 604. Ap. 4. B. 524.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 25. 1830. Ст. 18517.

¹¹ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 6159. Арк. 1–6.

¹² Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 2. Арк. 440–441.

¹³ Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1835. Т. X. Ст. 1670–1681.

пацверджаная нявернасць, пакаранне з пазбаўленнем правоў стану, рэдка – немагчымасць фізічнага сужыцця (не раней чым праз тры гады шлюбу), непаўналеце аднаго з сужэнцаў. Праваслаўная царква перадавала на разгляд свецкіх дзяржаўных устаноў справы па скасаванні шлюбу ў сувязі з псіхічным станам сужэнца, кровазмашэннем і бігаміяй, вянчаннем раскольнікаў. Рымска-каталіцкія кансісторыі ў якасці аргументаў пры разглядзе спраў таксама прымалі да ўвагі фізічнае або псіхалагічнае прымушэнне да шлюбу, публічную нядобрапрыстойнасць сувязі, а ў рэдкіх выпадках – палітычныя рознагалосці сужэнцаў. Жанчыны часцей звярталіся ў кансісторыі, даказваючы сваё ўступленне ў шлюб пад прымусам з боку бацькоў¹. Напрыклад, гэта было адным з аргументаў у прашэнні Дамінікі Крэсевіч². У 1833 г. у Мінскую рымска-каталіцкую кансісторыю звярнулася Ідалія Солтан з Пацеяў, каб скасаваць шлюб з палкоўнікам польскіх войск Адамам Солтанам у сувязі з яго высылкай за межы Расійскай імперыі з забаронай звароту і «палітычнай смерцю» праз удзел у паўстанні³. Сялянка в. Віцкаўшчызна Пелагея Лойкава прасіла аб скасаванні шлюбу з прычыны высылкі мужа ў Сібір за забойства дзядзькі⁴. Ісцэц мог звярнуцца асабіста або праз блізкіх сваякоў, памешчыка (у выпадку сялян), але не праз прадстаўніка духавенства, гэта адносілася нават да непісьменных асоб⁵. Напрыклад, у 1824 г. Іван Берэндэс, бацька Ганны Дзянісавай, звярнуўся ў Мінскую праваслаўную кансісторыю з мэтай скасавання шлюбу дачкі, таму што яе муж Дыянізіў злоўжываў спіртнымі напоямі і крыўдзіў яе, чым прымусіў збегчы да бацькі⁶. У 1838 г. памешчык Рышард Абуховіч звяртаўся ў тую ж кансісторыю за селяніна Трафіма Антонава, жонка якога пакінула мужа ў 1813 г. Пры гэтым кансісторыя патрабавала даведку аб згодзе селяніна на пададзены зварот⁷. Рашэнне аб прыняцці звароту да разгляду ў праваслаўнай царкве занатоўвалася на адвароце прашэння ў выглядзе выпісу з журнала пасяджэння прысутнасці кансісторыі, а ў каталіцкай традыцыі далучаўся чарнавік журнала або на ініцыятыўным дакуменце пазначалася рэзалюцыя біскупа.

Другі этап разгляду спраў аб скасаванні шлюбу ўключаў збор звестак і правядзенне апытанняў сведак. Кансісторыі абедзвюх канфесій з мэтай удакладнення асобных пытанняў актыўна выкарыстоўвалі перапіску (адносіны і паведамленні). Адказчык таксама дасылаў у кансісторыю свае меркаванні па пунктах абвінавачвання ў выглядзе спецыяльнага дакумента – данясення ў праваслаўі і тлумачэння (паяснення)⁸ у каталіцтве, якія афармляліся аналагічна прашэнням. У выпадку звароту па прычыне працяглай адсутнасці сужэнца ў кансісторыю падаваліся дадатковыя дакументы: выпіс з метрычнай кнігі аб шлюбе і, калі сведкі не маглі з'явіцца асабіста ў кансісторыю, водгукі з пазначэннем ступені сваяцтва з асобай, якая знікла, і яе верагоднага месцазнаходжання. Напрыклад, у пошуках Агаф'і Сарокінай у 1909 г. водгукі накіравалі яе бацька Сямён Мікіфараў і браты Сямён і Стэфан Агеевы, сёстры Ірына і Феадосія, а таксама муж апошняй Іван Кавалёў⁹.

Непасрэдна следчыя мерапрыемствы праваслаўных кансісторыі, у адрозненне ад рымска-каталіцкіх, першапачаткова ўскладалі на мясцовыя органы ўлады, як, напрыклад, у справе Трафіма Антонава¹⁰. Рымска-каталіцкія кансісторыі фарміравалі камісіі з духоўных асоб – членаў кансісторыі, якія не мелі блізкіх сувязей з пачынальнікамі працэсу, у складзе старшыні і двух або чатырох суддзяў. Напрыклад, у камісію Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі па скасаванні шлюбу Ганны і Юзафа Сліжаноўскіх увайшлі Казімір Шышка, Войцех Улаховіч, Ігнацій Шукевіч ад кансісторыі, а з боку адказчыка былі дэлегаваны камісар, смаленскі канонік, чарэйскі пробашч Геранім Гарабурда¹¹. Акрамя таго, скасаванне шлюбу ў рымска-каталіцкай царкве не магло быць прызнана без прысутнасці дэфенсара, асноўным абавязкам якога з'яўлялася абарона шлюбу праз дыскрэдытацыю аргументаў істца. У 1859 г. азначаную пасаду ў Магілёўскай архідыяцэзіі займаў Францыск Дабравольскі, магістр тэалогіі і капелан Магілёўскай гімназіі¹², а ў канцы XIX ст. дзейнічалі тры дэфенсары – Караль Грынявіцкі, Ян Арцымовіч і Людовік Славінскі¹³. Праца камісіі пачыналася з пісьмовай перадачы паўнамоцтваў бакамі асобам, якія пры неабходна-

¹ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 2–5, 8, 17.

² Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 826. Арк. 5.

³ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 57. Арк. 9–9 адв., 157–157 адв.

⁴ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 15764. Арк. 1–2.

⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 18. 1830. Ст. 12935.

⁶ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 6533. Арк. 1–1 адв.

⁷ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 13225. Арк. 1, 4–8.

⁸ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 8. Арк. 4–7.

⁹ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 148. Арк. 16–19.

¹⁰ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 13225. Арк. 10–12.

¹¹ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 2. Арк. 52.

¹² Ordo totius divini officii persolvendi pro anno reparatae salutis MDCCCLVIII secundum post bissextilem in commodum cleri archidioeceseos Mohiloviensis. Vilnae, 1859. S. 88.

¹³ Ordo divini officii et missarum pro archidioecesi Mohiloviensi. Petropolis, 1882. S. 142–145.

сці прадстаўлялі мужа і жонку падчас следства і судовых пасяджэнняў, што афармлялася спецыяльным відам дакумента – пленіпатэнцыяй¹. Пры гэтым сужэнцы не павінны былі падрабязна абгрунтоўваць сваю адсутнасць.

Праваслаўныя і каталіцкія следчыя камісіі ажыццяўлялі падрыхтоўку і правядзенне допытаў. Спісы сведак складаліся на падставе пададзенай істцом і адказчыкам інфармацыі, а пытанні накіроўваліся на высвятленне абставін справы². Напрыклад, у працэсе па скасаванні шлюбу паміж Юзафам і Петранэлай Пятровічамі было сфармулявана па тры пытанні ад кожнага сужэнца, прычым блізкіх па сутнасці³. Сведкі падпісвалі «клятвеннае абяцанне» – прысягу ў даставернасці звестак, складзеную з улікам іх веравызнаўчай прыналежнасці. Калі выкліканыя асобы не з'яўляліся, пасяджэнне магло пераносіцца на іншы дзень, гэта залежала ад значнасці інфармацыі, якой яны валодалі. Сведчанні мелі выключнае значэнне пры доказе нявернасці, таму што самастойнае прызнанне сужэнцаў з 1811 г. не лічылася аргументам⁴. Так адбылося пры разглядзе справы Мацвея і Кацярыны Трыбухіных⁵. Па выніках кожнага пасяджэння складаўся асобны пратакол, у структуру якога ўваходзілі стандартная фармулёўка, дата і апісанне сутнасці разгледжанага пытання ў наратыўнай форме. Завяршалася пасяджэнне каталіцкіх камісій прыняццем пастановы, юрыдычная вартасць якой замацоўвалася подпісамі членаў гэтых камісій. У праваслаўнай традыцыі па аналогіі з пратаколам допыту афармляліся сшыткі духоўнай кансісторыі на гербавай паперы за подпісамі членаў камісіі, дзе таксама адзначаліся адказы на кожнае пытанне па спісе⁶.

У другой палове XIX ст. у выніку ўніфікацыі справаводства праваслаўнай царквы і інаслаўных веравызнанняў сведкі выклікаліся непасрэдна ў кансісторыю адпаведнымі відамі дакументаў – павесткамі або публікацыямі, якія дастаўляліся праз мясцовыя органы ўлады пад падпіску сведак аб атрыманні. Кожнае дзеянне прысутнасці кансісторыі па справе пратакаліравалася ў журналах пасяджэнняў, а прынятае рашэнне з'яўлялася абавязковым для выканання. Праваслаўнымі кансісторыямі замест сшыткаў у вызначаны перыяд

афармляліся «апытальныя пункты», у якія ўносіліся агульныя пытанні (узрост, знаёмства з сям'ёй, час пражывання ў мясцовасці і г. д.) і спецыяльна сфармуляваныя пытанні ў залежнасці ад сутнасці справы (ці з'яўляўся сведкам нявернасці і г. д.)⁷. У пачатку XX ст. да справы далучаліся судовыя прамовы – кароткія выступленні мужа і жонкі па сутнасці разбіральніцтва, як, напрыклад у справе дваран Сігізмунда і Елізаветы Вітольд-Александровічаў⁸.

Апошнім этапам разгляду справы аб скасаванні шлюбу было вынясенне прысуду. Праваслаўнымі кансісторыямі па выніках разгляду справы рыхтаваўся праект указа з рашэннем, які накіроўваўся епіскапу на азнаямленне і зацвярджэнне, а праз яго – у Сінод⁹. У 1832 г. ажыццяўлялася аптымізацыя справаводства духоўнага ведамства: епіскапы атрымалі правы прымаць канчатковае рашэнне па справах аб скасаванні шлюбу сярод сялян і мяшчан, а з 1834 г. – сярод жыхароў ваенных пасяленняў¹⁰. Пасля адпаведнай рэзалюцыі бакі знаёміліся з указам пад роспіс і мелі права звярнуцца з апеляцыяй у Сінод на працягу двух месяцаў. Аналагічнай інстанцыяй у дачыненні да рашэнняў Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі пасля арцыбіскупа з'яўляўся Сенат¹¹, а з 1798 г. апеляцыі Мінскай рымска-каталіцкай кансісторыі прымаліся, згодна з падпарадкаваннем, у Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі. Рашэнні апошняй аспрэчваліся біскупам іншай дыяцэзіі ў межах Расійскай імперыі, прызначаным Папам Рымскім¹². Невінаватаму боку выдавалася пасведчанне аб скасаванні шлюбу, у якім адзначалася, што ён вызвалены на законных падставах ад шлюбу з правам уступлення ў новы саюз. Вінаватаму боку прызначалася епітым'я і ў пераважнай большасці выпадкаў (да 1904 г.) – забарона ўступаць у новы шлюб да канца жыцця, як, напрыклад, у дачыненні да Акіліны Міньковай¹³ [7].

У рымска-каталіцкай царкве да 1840-х гг. падвядзенне вынікаў разгляду справы афармлялася на аснове тэзісаў прашэння і кароткіх вытрымак з пратаколаў пасяджэнняў. Ва ўступе адзначаліся аргументы істца і адказчыка. Асноўная частка дакумента падзялялася на пункты (у адпаведнасці

¹ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 8. Арк. 270–271.

² Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 13225. Арк. 10–12.

³ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 17. Арк. 14.

⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 31. 1830. Ст. 20693.

⁵ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 42131. Арк. 1–2.

⁶ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 21773. Арк. 30–37.

⁷ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 780. Арк. 29–30.

⁸ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 780. Арк. 16–16 адв.

⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 7. 1830. Ст. 4190.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. СПб., 1830–1884. Т. 7. 1833. Ст. 5585; Т. 9. 1835. Ст. 5585; Т. 9. 1835. Ст. 6845.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 21. 1830. Ст. 15876.

¹² Свод законов Российской империи. СПб., 1896. С. 1181.

¹³ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 1098. Арк. 1–1 адв.

з колькасцю пасяджэнняў), прычым маглі прыводзіцца звесткі і кароткія цытаты са сведчанняў. Пратакол завяршаўся прапановай прысуду, якая магла быць прадстаўлена асобным відам дакумента – рашэннем. З сярэдзіны XIX ст. сутнасць справы перадавалася сцісла, пераважна без цытавання. Матэрыялы разгляду справы прадстаўляліся на разгляд біскупа, які выдаваў указ або накіроўваў яе на дадатковае следства, калі лічыў прысуд не-

дастаткова аргументаваным. Члены кансісторый мелі права на аргументацыю так званага асобага меркавання ў выпадку нязгоды з агульным рашэннем. У выніковым указе адзначаліся асноўныя аргументы для абгрунтавання прынятага рашэння. Дакументы судовых працэсаў аб скасаванні шлюбу фарміраваліся ў асобныя справы ў адпаведнасці з прозвішчамі істца і адказчыка з пранумараванымі аркушамі.

Выводы

Такім чынам, на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст. праваслаўнымі і рымска-каталіцкімі кансісторыямі разглядаліся пытанні разрыву сямейных адносін у межах кампетэнцый духоўнага суда. Па вызначэнні грамадзянска-прававога статусу сужэнцаў па выніках разгляду гэтых справы, нягледзячы на спецыфіку тэрміналогіі ў кансісторыях розных канфесій, падзяляліся на тры віды: прызнанне сувязі незаконнай, асобнае пражыванне мужа і жонкі (сепарацыя) і скасаванне шлюбу з магчымасцю ўступлення ў паўторны саюз. Даследаванне спраў аб разрыве шлюбу дазваляе выявіць шэраг агульных рыс нарматыўнага рэгулявання і дакументацыйнага забеспячэння ў праваслаўнай і каталіцкай царквах.

У фарміраванні справаводства па скасаванні шлюбу і яго нарматыўным рэгуляванні вылучаюцца два найбольш значныя перыяды: падрыхтоўка ўніфікацыі дзяржаўнага і канфесійнага судаводства з актыўным прыцягненнем мясцовых органаў улады да разгляду спраў у праваслаўнай царкве і стварэннем выязных камісій у складзе каталіцкага духавенства (канец XVIII ст. – 1841 г.); разгляд спраў аб скасаванні шлюбу на падставе Статута духоўных кансісторый у органах духоўнага суда абедзвюх канфесій (1840-я гг. – пачатак XX ст.). Для праваслаўнай царквы вылучаецца трэці этап, звязаны з імкненнем да спрашчэння справаводства і працэсу прыняцця рашэнняў (канец XIX – пачатак XX ст.). Кансісторыі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. пры прыняцці рашэнняў пераважна карысталіся агульнадзяржаўнымі актамі, прысуды праваслаўнаму насельніцтву выносіліся на падставе ўнутрыканфесійных дакументаў (Кормчая кніга, правілы Святога Васілія і святых апосталаў, кананічныя акты), а каталіцкаму – ратыфікаваных вышэйстаячымі органамі дзяржаўнай улады нарматыўных актаў. Дакументацыя праваслаўнай царквы складалася на рускай мове, а рымска-каталіцкай – пераважна на польскай (часам – лацінскай) з перакладам найбольш істотных дакументаў на рускую мову.

У судаводстве адпаведных канфесій па справах аб скасаванні шлюбу вылучаюцца тры этапы. Пры прыняцці прашэння (першы этап) вызнача-

лася магчымасць разгляду справы ў кансісторыі. Пры гэтым звярталася ўвага на афармленне ініцыятыўнага дакумента (прашэння) у адпаведнасці з нарматыўнымі патрабаваннямі і прыналежнасцю істца да пэўнай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі царквы. Следства (другі этап) уключала ў сябе збор звестак шляхам перапіскі з органамі дзяржаўнай і мясцовай улады, прадстаўнікамі духавенства, адказчыкам і апытанне сведак. Апошняе адбывалася падчас пасяджэння камісій, што ажыццяўлялі допыты сведак (пасля прывядзення іх да прысягі і ў прысутнасці кансісторый) па пераліку пытанняў. На пасяджэннях рымска-каталіцкіх камісій і кансісторый па справах аб скасаванні шлюбу абавязковай была прысутнасць дэфенсара. Вынікі працы камісій афармляліся дакументамі падобнай структуры – шшыткамі ў праваслаўнай царкве і пратаколамі ў каталіцкай. З 1840-х гг. правядзенне ўсіх следчых мерапрыемстваў адбывалася ў прысутнасці кансісторый, дзейнасць якіх фіксавалася ў журналах. У адрозненне ад рымска-каталіцкай царквы ў праваслаўнай на пачатку XX ст. да спраў маглі далучацца кароткія прамовы мужа і жонкі. На апошнім этапе разгляду справы аб скасаванні шлюбу кансісторыямі рыхтаваліся праекты рашэнняў, якія перадаваліся на разгляд кіраўніка епархіі (дзяцэзіі). Пры гэтым калі ў каталіцкай царкве рашэнне, аформленае ўказам, прымалі біскуп і арцыбіскуп, то ў праваслаўнай царкве да 1832 г. канчатковае рашэнне заставалася за Сінодам, што запавольвала працэс. Пазней Сінод захаваў гэта права ў дачыненні да шлюбу асоб шляхецкага паходжання, а для прадстаўнікоў іншых саслоўяў застаўся апеляцыйнай інстанцыяй. Каталікі падавалі апеляцыі або ў Магілёўскую кансісторыю, якая з'яўлялася мітрапалітальнай, або з канца XIX ст. у іншую, спецыяльна вызначаную для гэтых мэт на тэрыторыі Расійскай імперыі. Муж і жонка знаёміліся з указам кансісторый праз пасрэдніцтва органаў мясцовай улады. Пры гэтым да юрысдыкцыі духоўнага суда адносілася выключна прызнанне або незацвярджэнне скасавання шлюбу, маёмасныя скаргі вырашаліся свецкімі судовымі ўстановамі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Толстой Д. А. Римский католицизм в России. СПб. : Типография В. Ф. Демакова, 1876.
2. Троицкий С. В. Философия христианского брака. Киев : Фонд «Христианская жизнь», 1996.
3. Антановіч З. В. Асаблівасці скасавання шлюбу ў каталіцкай традыцыі XIX ст. // Беларус. гіст. часоп. 2008. № 4. С. 33–39.
4. Антановіч З. В. Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782–1918 гг.). Мінск : Экоперспектива, 2016.
5. Majdański K. Wspólnota życia i miłości: Zarys teologii małżeństwa i rodziny. Warszawa : Pallottinum, 1983.
6. Мухина З. З. Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2013. № 1. С. 49–62.
7. Белякова Е. В. Бракоразводные дела в архиве Святейшего Синода // Архивы Русской православной церкви: пути из прошлого в настоящее. М., 2005. С. 328–336.
8. Boudou A. Stolica Święta a Rosja: dyplomatyczne stosunki między nimi w XIX stuleciu : w 2 t. Kraków : Wydawnictwo Księży Jezuitów, 1928. T. 1 : 1814–1847.

References

1. Tolstoj D. [Roman Catholicism in Russia]. Saint Petersburg : Typografiya by V. F. Demakov, 1876 (in Russ.).
2. Troickij S. [Philosophy of christian marriage]. Kiev : Fond «Khristianskaya zhizn'», 1996 (in Russ.).
3. Antonovich Z. [Features of the dissolution of marriage in the Catholic tradition of the XIX century]. *Belarus. gistorychny chasopis*. 2008. No. 4. P. 33–39 (in Belarus.).
4. Antonovich Z. [Mohilev' and Minsk' Roman-Catholic consistories' archives: history, structure, content of documents (1782–1918)]. Minsk : Ekoperspektiva, 2016 (in Belarus.).
5. Majdan'ski K. [The unity of life and love: an essay on the theology of marriage and family]. Warszaw : Pollotinum, 1983 (in Pol.).
6. Mukhina Z. [Divorces in the Russian peasant family: traditions and the realities of post-reform period]. *Bull. of Peoples' Friendship Univ. of Russia. Ser.: Russ. hist. period*. 2013. No. 1. P. 49–62 (in Russ.).
7. Belyakova E. [Divorce in the archives of the Holy Synod]. In: *Arkhivy Russkoi pravoslavnoi tserkvi: puti iz proshlogo v nas-toyashchee* [Russian Orthodox Church' archives: ways from past to present]. Moscow, 2005. P. 328–336 (in Russ.).
8. Boudou A. [The Holy See and Russia: diplomatic relations between them in the XIX century]. Crakow : Wydawnictwo Księży Jezuitów, 1928. Vol. 1: 1814–1847. (in Pol.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 20.09.2017.
Received by editorial board 20.09.2017.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 903.2.03(222)

ТЫПА-ХРАНАЛАГІЧНАЯ ЭВАЛЮЦЫЯ ЖАЛЕЗНЫХ НАКАНЕЧНІКАЎ СТРЭЛ X–XV стст. З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ БЕЛАРУСІ

У. А. ПЛАВІНСКІ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Адзначана, што з тэрыторыі паўночнай Беларусі паходзіць не менш за паўтысячы жалезных наканечнікаў стрэл лука і арбалета X–XV стст. На падставе аналізу ўсяго масіву знаходак вылучаны некалькі этапаў эвалюцыі комплексу наканечнікаў. Выяўлена, што для X–XI стст. найбольш характэрнымі з’яўляюцца ўтулкавыя двушыпныя, чаранковыя стрэлы з пярэнь ланцэтападобнай, рабмічнай, лаўрападобнай формы; на XII–XIII стст. прыпадае пашырэнне тыпалагічнага асартыменту наканечнікаў стрэл, у тым ліку шырока распаўсюджваюцца стрэлы, прызначаныя для стральбы са складанасастаўнога лука, што дазваляе меркаваць аб яго актыўным выкарыстанні ў гэты час; павялічваецца колькасць бранябойных наканечнікаў, прызначаных для прабівання колкавых і пласцінак даспехаў. Сцвярджаецца, што з сярэдзіны XIII ст. на тэрыторыі Беларусі пашыраюцца чаранковыя наканечнікі стрэл мангольскіх тыпаў, што стала вынікам распаўсюджвання мангольскіх тэхналагічных традыцый на тэрыторыі Русі. Паказана, што з другой паловы XIII – першай паловы XIV ст. назіраецца ўніфікацыя і скарачэнне тыпалагічнага асартыменту стрэл, павялічваецца колькасць бранябойных наканечнікаў, аднак дамінуючымі застаюцца плоскія наканечнікі. Заўважана, што ў акрэслены перыяд адбывалася нязначнае распаўсюджванне арбалетнага ўзбраення, і гэта стала вынікам эпізодычных кантактаў з крыжакамі.

Ключавыя словы: зброя; зброя далёкага бою; лук; арбалет; наканечнік; страла; болт.

Образец цитирования:

Плавинский У. А. Типо-хронологическая эволюция железных наконечников стрел X–XV стст. с территории паўночнай Беларусі // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 115–128.

For citation:

Plavinski U. A. Typo-chronological evolution of iron arrowheads of the X–XV centuries from the territory of Northern Belarus. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 115–128 (in Belarus.).

Автор:

Владимир Александрович Плавинский – аспирант кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. А. Егорейченко.

Author:

Uladzimir A. Plavinski, postgraduate student at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history.
plavinsky_v@mail.ru

ТИПО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ X–XV вв. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ БЕЛАРУСИ

В. А. ПЛАВИНСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечено, что с территории северной Беларуси происходит не менее полутысячи железных наконечников стрел лука и арбалета X–XV вв. На основе анализа всего массива находок выделены несколько этапов эволюции комплекса наконечников. Выявлено, что для X–XI вв. наиболее характерными являются втульчатые двушипные, черешковые стрелы с пером ланцетовидной, ромбической, лавроподобной формы; на XII–XIII вв. приходится расширение типологического ассортимента наконечников стрел, в том числе широко распространяются стрелы, предназначенные для стрельбы из сложносоставного лука, что позволяет судить о его активном использовании в это время; увеличивается количество бронебойных наконечников, предназначенных для пробивания кольчатых и пластинчатых доспехов. Показано, что с середины XIII в. на территории Беларуси распространяются черешковые наконечники стрел монгольских типов, что стало результатом распространения монгольских технологических традиций на территории Руси. Установлено, что со второй половины XIII – первой половины XIV в. наблюдается унификация и сокращение типологического ассортимента стрел, увеличивается количество бронебойных наконечников, однако доминирующими остаются плоские. Замечено, что в исследуемый период происходило незначительное распространение арбалетного вооружения, что стало результатом эпизодических контактов с крестоносцами.

Ключевые слова: оружие; оружие дальнего боя; лук; арбалет; наконечник; стрела; болт.

TYPO-CHRONOLOGICAL EVOLUTION OF IRON ARROWHEADS OF THE X–XV CENTURIES FROM THE TERRITORY OF NORTHERN BELARUS

U. A. PLAVINSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

From the territory of Northern Belarus, there are at least half a barrel of iron arrowheads and a crossbow of the X–XV centuries. Considering the entire array of findings, we can distinguish several stages of the evolution of the terminal complex. For the X–XI centuries the most characteristic types of arrows are the double-sculled, petiolate, petiolate with a lanceolate-shaped, rhombic, laurel-like shape. In the XII–XIII centuries it is necessary to expand the typological assortment of arrowheads, including the widely used types intended for firing from composite onions, which allows to judge its active use at this time. The number of armor-piercing tips intended for piercing annular and plate armor increases. From the middle of the XIII century on the territory of Belarus are spread petiolate arrowheads of Mongolian types, which was the result of the spread of Mongolian technological traditions in the territory of Rus. From the second half of XIII – the first half of the XIV century unification and reduction of the typological assortment of arrows is observed, the number of brane-piercing tips is increasing, but flat ones remain dominant. There is a slight spread of crossbow weapons, which was the result of occasional contacts with the Crusaders.

Key words: weapons; ranged weapons; bow; crossbow; tip; arrow; bolt.

Вайна з’яўлялася неад’емнай часткай жыцця сярэдневяковага грамадства, таму сродкі вядзення ваенных дзеянняў займалі значнае месца ў матэрыяльнай культуры еўрапейскіх народаў сярэдневяковага перыяду. У развіцці розных відаў наступальнага і засцерагальнага ўзбраення ўвасабляліся ўсе самыя перадавыя тэхнічныя дасягненні эпохі. Найбольш шматлікімі археалагічнымі знаходкамі з ліку прадметаў узбраення з’яўляюцца ўзоры зброі далёкага бою і ў першую чаргу наконечнікі стрэл лука і арбалета. Дзякуючы асаблівасцям выкарыстання ў баявых умовах яны часцей за ўсё губляліся, трапляючы ў глебу, абарончыя ўмацаванні, сцены дамоў і г. д. У выніку археалагізацыі пералічаных аб’ектаў наконечнікі

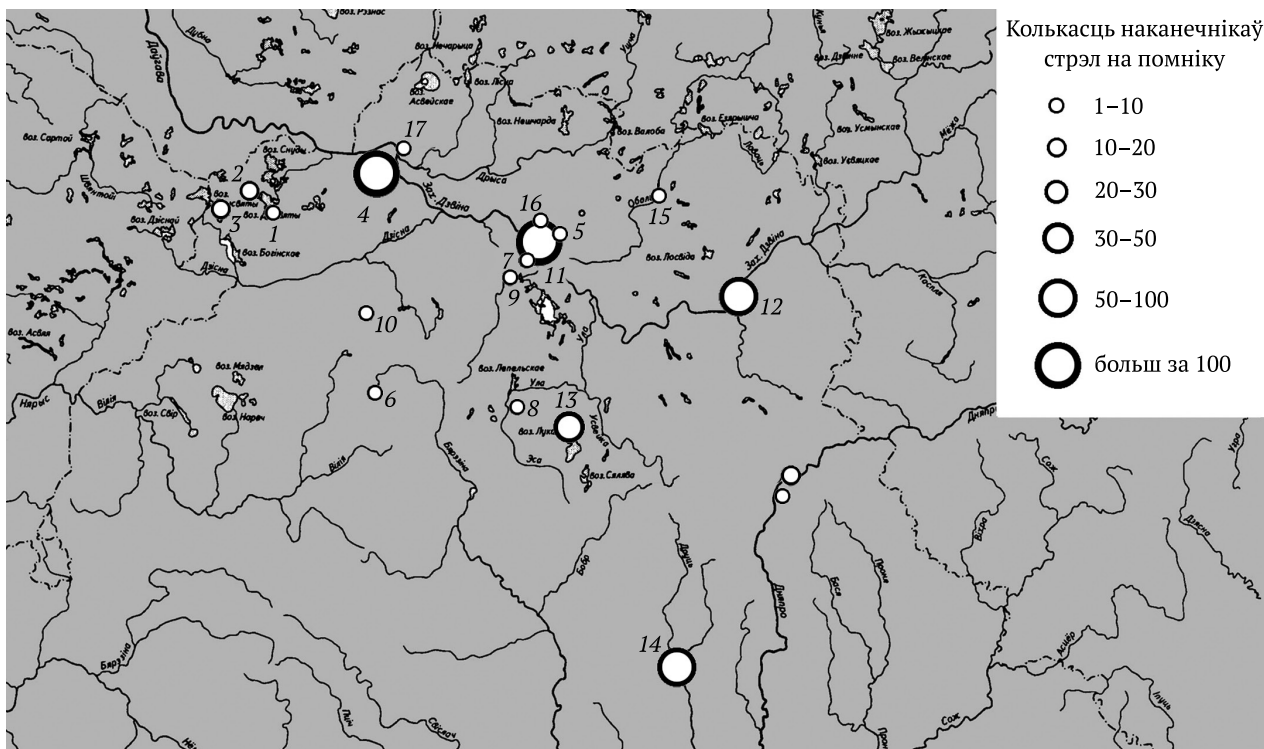
стрэл трапілі ў культурныя пласты сярэднявечных паселішчаў і сталі надзвычай важнымі крыніцамі для вызначэння храналогіі і напрамкаў ваенных, эканамічных і этнакультурных кантактаў. Нягледзячы на шматлікасць знаходак, сярэднявечныя наконечнікі стрэл па шэрагу прычын з’яўляюцца катэгорыяй знаходак, належным чынам не сістэматызаваных у айчынай археалагічнай гістарыяграфіі.

Артыкул прысвечаны эвалюцыі жалезных наконечнікаў стрэл X–XV стст. з тэрыторыі паўночнай Беларусі – рэгіёна, землі якога на працягу акрэсленага перыяду ўваходзілі ў склад Полацкага княства, удзельных княстваў Полацкай зямлі, Вялікага Княства Літоўскага. Вызначыць рэгіён як Белару-

скае Падзвінне было б некарэктна, паколькі ў артыкуле разглядаюцца знаходкі з некалькіх помнікаў, якія выходзяць за межы Падзвіння. Храналагічныя межы абумоўліваюцца часам распаўсюджвання механічнай зброі далёкага бою ў Сярэднявеччы. У рамках аднаго артыкула разгледзець увесь масіў знаходак праблематычна. Мэта даследавання – аналіз шляхоў тыпа-храналагічнай эвалюцыі на канечнікаў стрэл на падставе матэрыялаў з ключавых помнікаў рэгіёна. Для ўпарадкавання знаходак на канечнікаў стрэл з тэрыторыі паўночнай Беларусі за аснову ўзята тыпалогія на канечнікаў стрэл А. Ф. Мядзведзева [1]. Яна распрацавана на падставе 6000 знаходак з тэрыторыі Усходняй Еўропы. На дадзены момант гэта самая папулярная і адзіная агульная тыпалогія на канечнікаў стрэл з усёй Усходняй Еўропы. Нягледзячы на некаторую

састарэласць датавання, гэта тыпалогія з’яўляецца самай зручнай з усіх існуючых. Акрамя таго, у выпадках, у якіх гэта мэтазгодна, згадваюцца тыпы паводле класіфікацыі А. В. Двурэчанскага [2].

Асновай для вылучэння тыпаў з’яўляюцца марфалагічныя характарыстыкі на канечнікаў. Паводле спосабу насаду на дрэўка ўсе на канечнікі падзяляюцца на два аддзелы: утулкавыя і чаранковыя. Паводле характару сячэння пярэ – на групы: плоскія і гранёныя. Па форме пярэ, памерах, часе распаўсюджвання ўнутры груп на канечнікі падзяляюцца на тыпы. У межах тыпаў вылучаюцца варыянты на канечнікаў, якія маюць нязначныя адрозненні паміж сабой. Усяго з тэрыторыі Беларускага Падзвіння паходзяць больш за 400 на канечнікаў стрэл лука і арбалета X–XV стст. 45 тыпаў з больш чым 20 археалагічных помнікаў (мал. 1).

Мал. 1. Тапаграфія знаходак на канечнікаў стрэл лука з тэрыторыі паўночнай Беларусі.

Месцы знаходак: 1 – Маскавічы, гарадзішча; 2 – Браслаў, гарадзішча Замкавая гара; 3 – Дрысвяты, гарадзішча Замак; 4 – археалагічны комплекс Пруднікі; 5 – Полацк; 6 – Бірулі, селішча і курганны могільнік; 7 – Глінішча, курганны могільнік; 8 – Лепель; 9 – Кастрыца, гарадзішча; 10 – Свіла, гарадзішча; 11 – Экімань, курганны могільнік; 12 – Віцебск; 13 – археалагічны комплекс Лукомль; 14 – Друцк; 15 – Казінава, гарадзішча; 16 – Лучна, селішча; 17 – Верхнядзвінск; 18 – Орша; 19 – Копысы

Fig. 1. Topography of finds arrowheads onions from Northern Belarus:

1 – Maskavichy, hillfort; 2 Braslau, hillfort Castle Hill; 3 – Drysvjaty, hillfort The Castle; 4 – Prudniki archeological complex; 5 – Polack; 6 – Biruli, settlement and barrow; 7 – Glinishcha, barrow; 8 – Lepel, 9 – Kastrycya, hillfort; 10 – Svila, hillfort; 11 – Ekiman, barrow; 12 – Vicebsk; 13 – Lukoml archeological complex; 14 – Druck; 15 – Kazinava, hillfort; 16 – Luchna, settlement; 17 – Verhnjadzvinsk; 18 – Orsha; 19 – Kopys

Абсалютная большасць утулкавых на канечнікаў стрэл з тэрыторыі Падзвіння адносіцца да двухшпінных і шылападобных (тыпы 2 і 8 у класіфікацыі). Пад уплывам прац А. Ф. Мядзведзева, А. Надольскага і іншых даследчыкаў у гістарыяграфіі

склалася меркаванне, згодна з якім утулкавыя на канечнікі былі распаўсюджаны ў Заходняй Еўропе, а на тэрыторыі Русі знаходкі падобных стрэл з’яўляюцца вынікам уплыву заходніх суседзяў. Падобнае тлумачэнне знаходак утулкавых стрэл на

заходніх межах Русі наўрад ці можа адпавядаць рэчаіснасці: у напластаваннях сярэднявечных помнікаў паўднёва-ўсходняй Прыбалтыкі, Польшчы такія наканечнікі складаюць не больш за 20 % усяго масіву знаходак стрэл. З 1970-х гг. выказваліся меркаванні пра прыналежнасць розных варыянтаў двухшпінных стрэл да розных груп славянскага насельніцтва. З рэгіёна Падзвіння адносна датавання знаходкі ўтулкавых наканечнікаў паходзяць з напластаванняў гарадзішчаў Лукомль і Пруднікі ў комплексе з ланцэтападобнымі стрэламі (XI ст.) з курганных могілнікаў Х–XI стст. Глінішча, Рудня, гарадзішча Кастрыца. У меншай колькасці сустракаюцца знаходкі ўтулкавых наканечнікаў стрэл у напластаваннях XII–XIII стст. (Полацк, Верхні

замак; Віцебск, Ніжні замак). Дадзенае датаванне вельмі ўмоўнае, аднак тэндэнцыя прасочваецца: на працягу XII–XIII стст. колькасць падобных стрэл у напластаваннях помнікаў памяншаецца. Найбольш лагічным тлумачэннем гэтага падаецца распаўсюджанне ў рэгіёне складанасастаўнога лука, для якога чаранковыя наканечнікі падыходзілі больш чым утулкавыя. Пазнейшыя двухшпінныя ўтулкавыя наканечнікі адрозніваюцца сваімі прапорцыямі – яны больш масіўныя, маюць іншыя прапорцыі.

У большай ці меншай колькасці з тэрыторыі Падзвіння паходзяць знаходкі не менш чым 36 тыпаў чаранковых стрэл лука, вылучаных А. Ф. Мядзведзевым (гл. табліцу, мал. 2).

Тыпалагічнае размеркаванне жалезных наканечнікаў стрэл лука Х–ХV стст. з тэрыторыі паўночнай Беларусі

Typological distribution of the iron tip bow arrows X–XV centuries from the territory of Northern Belarus

Нумар тыпу паводле А. Ф. Мядзведзева	Апісанне тыпу	Датаванне тыпу	Колькасць знаходак	Помнікі, з якіх паходзяць знаходкі
Утулкавыя плоскія				
2	Двухшпінныя ўтулкавыя	VIII–XIII стст.	32	Браслаў [3, рис. 43: 6]; Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 13]; Друцк [5, рис. 72: 12; 6, рис. 15:16]; Дрысвяты [7, мал. 78: 2, 78: 3]; Лукомль; Полацк, Запалоцкі пасад, Верхні замак [8, мал. 8: 2–4; 9, рис. 30: 12]; Пруднікі [10, с. 218]; гарадзішча Свіла-1; Язна, гарадзішча [11, мал. 15: 12–15]
Утулкавыя гранёныя				
8	Шылападобныя ўтулкавыя	X–XIII стст.	4	Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 6]; Друцк [5, рис. 72: 14]
9	Рамбападобныя ўтулкавыя	VIII–XIV стст.	1	Полацк, гарадзішча [12, мал. 7: 4]
Чарашковыя плоскія				
30	Двухшпінныя з шыйкай і ўпорам	XII–XIII стст.	1	Пруднікі, гарадзішча [10, с. 218]
31	Двухшпінныя з кароткімі шыпамі	XII–XIII стст.	4	Браслаў, гарадзішча [3, рис. 43: 7]; Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 6]; Казінава, гарадзішча [11, мал. 15: 16]; Лукомль [13, рис. 11: 3]
32	Наканечнікі з бакавымі выступамі	XII–XIII стст.	1	Друцк [5, рис. 72: 21]
37	Трыкутныя	XII–XIV стст.	3	Друцк (Віцебскі абласны краязнаўчы музей, КП 17941); Лукомль, гарадзішча [13, рис. 11: 8]; Лучна-1, селішча [14, мал. 2: 3]
38	Кілепадобныя	XI–XIII стст.	1	Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 8]
40	Ромбападобныя з упорам і пашырэннем у ніжняй трэці даўжыні пярэ	XI–XV стст.	15	Браслаў, гарадзішча [5, рис. 43: 3]; Друцк [5, 72: 16, 17]; Лукомль, гарадзішча [13, рис. 13: 3]; Лучна-1, селішча [14, мал. 2: 4]; Полацк, Верхні замак, Запалоцкі пасад [9, рис. 30: 17; 12, мал. 8: 1]; Пруднікі, гарадзішча [15, рис. 21: 1, 2, 5, 8].
41	Ромбападобныя гнёздаўскага тыпу	Варыянт 1: канец X – XI стст.; варыянт 2: XIII–XIV стст.	9	Браслаў, гарадзішча [3, рис. 46: 6]; Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 1]; Лукомль, гарадзішча (Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, КП 14466/1); Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 16]; Пруднікі, гарадзішча [10, с. 218]

Працяг табліцы
Continuation table

Нумар тыпу паводле А. Ф. Мядзведзева	Апісанне тыпу	Датаванне тыпу	Колькасць знаходак	Помнікі, з якіх паходзяць знаходкі
43	Ромбападобныя з пашырэннем у сярэдзіне даўжыні пярэ і прапорцыямі пярэ 1:3	XI–XIII стст.	6	Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 2, 3]; Друцк [5, рис. 72: 26]; Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 20]
44	Клінападобныя	XI–XIII стст.	4	Маскавічы, гарадзішча [16, с. 40–41]; Пруднікі, гарадзішча [10, с. 218]
46	Ромбападобныя наўгародскага тыпу	XI–XIII стст.	1	Дрысвяты, гарадзішча [7, мал. 78: 6]
47	Рамбічныя без упору	XI–XIV стст.	8	Браслаў, гарадзішча [5, рис. 43: 1]; Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 14]; Друцк [6, рис. 13: 12, 15]; Маскавічы, гарадзішча; Полацк, Верхні замак, гарадзішча [9, рис. 30: 10]
48	Рамбічныя з упорам	XI–XIV стст.	4	Браслаў, гарадзішча [5, рис. 43: 4]; Друцк (Віцебскі абласны краязнаўчы музей); Лукомль, гарадзішча [13, рис. 11: 4];
49	Рамбічныя буйныя	1-я палова XIII ст.	1	Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 14]
50	Ромбападобныя з увагнутымі бакамі і найбольшым пашырэннем каля вастрыя	XII ст.	1	Друцк [5, рис. 72: 23]
51	Ромбападобныя з прамымі бакамі і ўвагнутымі плечыкамі і найбольшым пашырэннем у верхняй палове даўжыні пярэ	XII–XIII стст.	1	Копысь [17, рис. 45: 18]
52	Ромбападобныя з прамымі бакамі, плечыкамі і найбольшым пашырэннем пярэ ў верхняй палове даўжыні	XII–XIV стст.	8	Віцебск, Ніжні замак [4, с. 71]; Друцк [5, рис. 72: 24, 25]; Дрысвяты, гарадзішча [7, мал. 78: 4]; Копысь [17, рис. 45: 20]; Орша [17, рис. 45: 26]
60	Двурогія зрэзні	XIII–XIV стст.	5	Браслаў, гарадзішча [5, рис. 43: 8]; Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 16]; Друцк [5, рис. 72: 11]; Орша [17, рис. 45: 26];
61	Вастралістыя	XII–XIV стст.	3	Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 19]; Орша [17, рис. 45: 31]
62	Ланцэтападобныя	канец X – XI стст.	49	Віцебск, Ніжні замак [17, рис. 45: 5, 8]; Кастрыца, гарадзішча, Лукомль, гарадзішча, селішча [18, мал. 14]; Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 1]; Пруднікі, гарадзішча, селішча [10, с. 218–219]; Свіла-1, гарадзішча
63	Лаўралістыя	XI–XIII стст.	8	Браслаў, гарадзішча [5, рис. 43: 5]; Друцк [5, рис. 72: 26]; Маскавічы, гарадзішча [16, с. 40–41]; Пруднікі, гарадзішча [10, с. 218]
66	Веслападобныя	1-я палова XIII ст.	4	Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 11]; Друцк; Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 3, 4];
67	Зрэзні ў выглядзе вузкай выцягнутай лапатачкі	1-я палова XIII ст.	9	Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 8]; Друцк [5, рис. 72: 18]; Лукомль, гарадзішча (Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, КП 30747/6); Маскавічы, гарадзішча [18, рис. 1]; Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 2], гарадзішча [12, мал. 7: 1, 3]; Пруднікі, гарадзішча [10, рис. 2: 8]

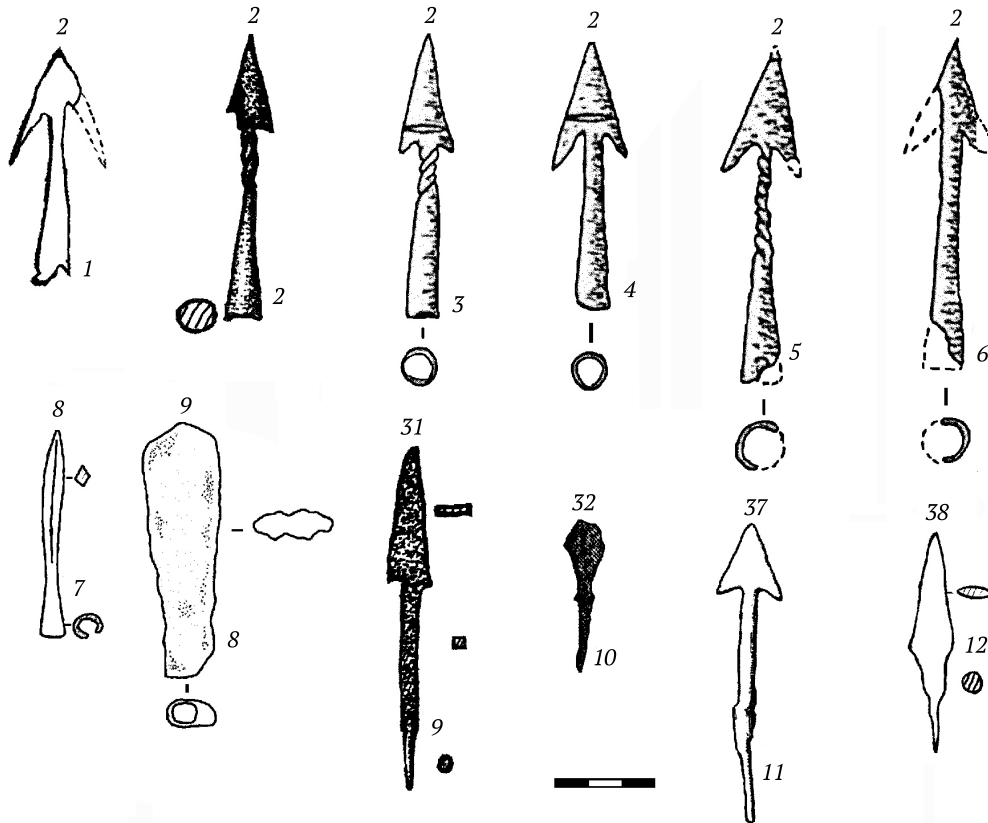
Заканчэнне табліцы
Ending table

Нумар тыпу паводле А. Ф. Мядзведзева	Апісанне тыпу	Датаванне тыпу	Колькасць знаходак	Помнікі, з якіх паходзяць знаходкі
Чарашковыя гранёныя				
75	Ланцэтападобныя трохгранныя	канец X – XI ст.	11	Лукомль, гарадзішча, селішча [19, рис. 14]; Полацк, селішча Пруднікі, гарадзішча [10, с. 219];
77	Ланцэтападобныя квадратнага сячэння	канец X–XI ст.	3	Лукомль, гарадзішча [19, рис. 14]; Пруднікі, гарадзішча [10, с. 219]
81	Кілепадобныя сплюснутыя	XII–XIV стст.	3	Полацк, Верхні замак [9, рис. 2: 14]; Пруднікі, гарадзішча [10, рис. 2: 14]
83	Бранябойныя з масіўнай баявой галоўкай ромбападобных абрысаў і рамбічнага сячэння, з шыйкай	XII ст.	1	Друцк [5, рис. 72: 20]
87	Пірамідальныя квадратнага ці рамбічнага сячэння з акруглай шыйкай	XII–XIV стст.	8	Друцк [5, рис. 72: 9, 10]; Полацк, Запалоцкі пасад, гарадзішча [8, мал. 8: 7; 12, мал. 7: 9]; Пруднікі, гарадзішча [10, с. 218]
90	Шылападобныя квадратнага сячэння з простым упорам	XII–XIII стст.	21	Друцк [5, рис. 72: 6]; Лукомль [13, рис. 11]; Маскавічы, гарадзішча [18, мал. 1]; Пруднікі, гарадзішча [10, рис. 2: 11, 12, 15]
93	Шылападобныя квадратнага і рамбічнага сячэння без упору	XI–XIII стст.	8	Віцебск, Ніжні замак [4, 73: 7, 12]; Дрысвяты, гарадзішча [7, мал. 78: 5, 12]; Маскавічы, гарадзішча [18, мал. 1: 10]; Пруднікі, гарадзішча [10, с. 219]
95	Вузкія шылападобныя ці пірамідальныя квадратнага сячэння з перахватам каля чаранка	XII–XIII стст.	7	Браслаў, гарадзішча; Друцк [5, рис. 72: 4, 7, 8]; Полацк, гарадзішча, Запалоцкі пасад [12, мал. 7: 5; 8, мал. 8: 8]; Пруднікі, гарадзішча [10, с. 219]
96	Пірамідальныя квадратнага ці рамбічнага сячэння, сплюснутыя каля чарашка	XII–XIII стст.	1	Пруднікі, гарадзішча [10, с. 219]
97	Бранябойныя ў выглядзе кінжалчыка каля рамбічнага сячэння з перахватам	XII–XIII стст.	6	Друцк (Віцебскі абласны краязнаўчы музей КП 16443/61); Дрысвяты, гарадзішча [7, мал. 78: 7]; Лучна-1, селішча [14, мал. 2: 2]; Маскавічы, гарадзішча [18, мал. 1: 12]

Чаранковыя плоскія наканечнікі стрэл (21-шы тып) прадстаўлены больш чым 180 знаходкамі; чаранковыя аднашыпныя, двушыпныя, трыкутныя – больш чым 10 адзінкамі, якія паходзяць з напластаванняў XII–XIII стст. (магчыма, XIV ст.), Браслава, Віцебска, Друцка, Лукомля, гарадзішча Казінава, селішча Лучна-1. Падобныя наканечнікі (тыпы 31, 32, 37), верагодна, адносяцца да адной групы, падобнай паводле паходжання, часу распаўсюджвання і прызначэння. У вялікай колькасці падобныя знаходкі паходзяць з мноства старажытнарускіх помнікаў XII–XIII стст.

Розныя тыпы ромбападобных і рамбічных стрэл (мал. 3) прадстаўлены больш чым 60 наканечнікамі, якія паходзяць з напластаванняў X–XIV стст. большасці помнікаў рэгіёна (Полацк, Віцебск, Друцк, гарадзішчы Пруднікі, Браслаў, Дрысвяты,

селішча Лучна-1). Дадзеныя тыпы стрэл належаць да самых распаўсюджаных знаходак наканечнікаў на тэрыторыі Русі, маюць шырокія храналагічныя межы бытавання – да XVII ст. уключна. Адным з вузка датаваных варыянтаў падобных наканечнікаў з’яўляюцца стрэлы 40-га тыпу (так званы гнёздаўскі), першы варыянт якога часцей за ўсё сустракаецца ў напластаваннях X–XI стст. На тэрыторыі Падзвіння адзінкавыя знаходкі экзэмпляраў гнёздаўскага тыпу паходзяць з раскопаў Верхняга замка ў Полацку, гарадзішча Пруднікі, Ніжняга замка ў Віцебску. Нягледзячы на складанасць больш-менш вузкага датавання многіх знаходак ромбападобных стрэл у рэгіёне на аснове археалагічнага кантэксту, можна вызначыць адну заканамернасць: умоўна пазнейшыя стрэлы (XIII–XV стст. і больш позніх перыядаў) адрозніваюцца ад ранніх нека-

Мал. 2. Тыпы наканечнікаў стрэл лука з тэрыторыі паўночнай Беларусі
(лічбы зверху – нумары тыпаў, знізу – нумары выяў).

Месцы знаходак: 1 – Браслаў [3, рис. 43: 6]; 2, 9 – Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 6, 13];
3, 4 – Лукомль, селішча 1 [17, рис. 13: 3]; 5, 6 – гарадзішча Язна [11, мал. 15: 12, 13];
7, 12 – Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 6, 8]; 8 – Полацк, гарадзішча [12, мал. 7: 4];
10 – Друцк [5, рис. 72: 21]; 11 – Лукомль, гарадзішча [13, рис. 11: 8]

Fig. 2. Types of arrowheads with a bow in Northern Belarus

(figure from the top – the type of number, from the bottom – the image number):

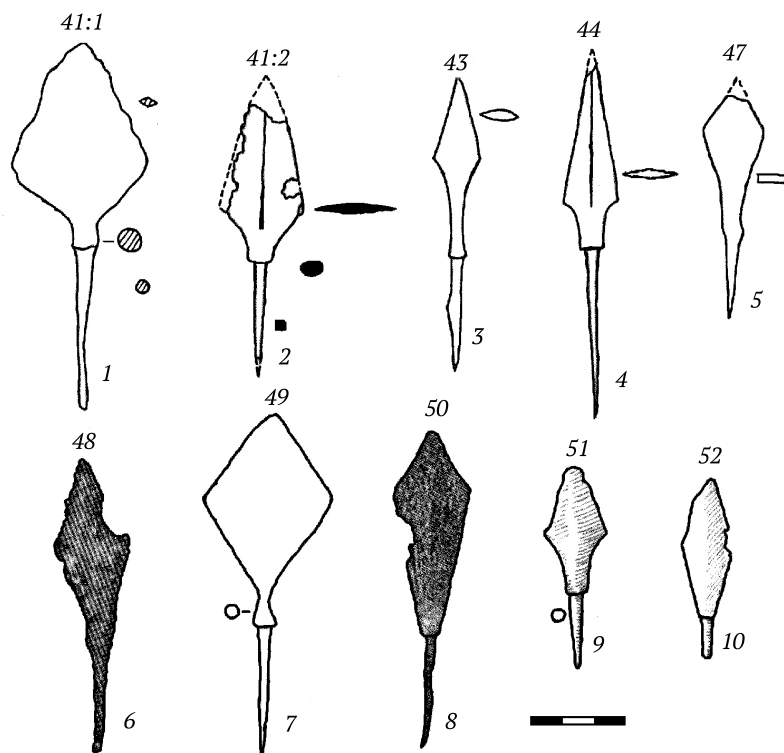
1 – Braslau [3, fig. 43: 6]; 2, 9 – Vicebsk, Lower Castle [4, fig. 73: 6, 13]; 3, 4 – Lukoml, settlement 1 [17, fig. 13: 3];
5, 6 – hillfort Jazna [11, fig. 15: 12, 13]; 7, 12 – Polack, Upper Castle [9, fig. 30: 6, 8];
8 – Polack, hillfort [12, fig. 7: 4]; 10 – Druck [5, fig. 72: 21]; 11 – Lukoml, hillfort [13, fig. 11: 8]

торымі марфалагічнымі прыкметамі. Так, познія стрэлы маюць больш рэзкія зрэзы плечыкаў – пераходаў ад пярэда да шыікі, як правіла, даўжэйшыя чаранкі, што звязана з распаўсюджаннем складанасастаўнага лука. Дадзеная тэндэнцыя была адзначана А. В. Двурэчанскім для стрэл Маскоўскай Русі XV–XVII стст. [2, с. 282–283], аднак яна праяўляецца і ў дачыненні да наканечнікаў XIII–XIV стст., пра што сведчаць аналагічныя знаходкі з Ноўгарада, Пскова, Арэшка, Мінска і г. д.

Ланцэтападобныя плоскія стрэлы 62-га тыпу (мал. 4) прадстаўлены 49 знаходкамі з напластаванняў гарадзішчаў Пруднікі, Лукомль, Кастрыца, Свіла, Верхняга замка ў Полацку, Ніжняга замка ў Віцебску. Вастралістыя, лістападобныя, лаўралістыя наканечнікі прадстаўлены больш чым 15 адзінкамі, якія паходзяць з напластаванняў Друцка, Полацка, Браслава, гарадзішчаў Пруднікі, Дрысвяты, Маскавічы, а таксама гарадзішча Оршы. Большасць знаходак паходзяць з напластаванняў, якія ўзніклі не раней чым у канцы XI ст. і не пазней

чым у XIV ст. Вузкае датаванне адзінкавых знаходак падобных стрэл на падставе марфалагічных асаблівасцей праблематычнае. Наканечнікі качавых тыпаў прадстаўлены зрэзнымі ў выглядзе лапатачкі, веслападобнымі, двухрогімі зрэзнымі, рабмічнымі стрэлы – не меней чым 20 наканечнікамі з напластаванняў Віцебска, Полацка, Друцка, гарадзішча Маскавічы, гарадзішча Браслава.

Гранёныя наканечнікі (мал. 5) прадстаўлены знаходкамі не менш чым 100 адзінак 11 тыпаў. Большасць з іх адносяцца да пірамідальных і шылападобных наканечнікаў розных варыянтаў. Такія наканечнікі знойдзены ў буйных гарадскіх цэнтрах рэгіёна, гарадзішчах захаду Падзвіння, большасць з іх паходзяць з напластаванняў, пазнейшых за XI ст. Калі пірамідальныя наканечнікі тыпаў 83 і 87 рэдка сустракаюцца ў напластаваннях помнікаў на тэрыторыі Русі, пазнейшых за XIV ст., то шылападобныя наканечнікі тыпаў 90 і 95 сустракаюцца да XVII стст., пры гэтым марфалагічныя адрозненні паміж пазнейшымі і больш раннімі

Мал. 3. Тыпы наканечнікаў стрэл лука з тэрыторыі паўночнай Беларусі
(лічбы зверху – нумары тыпаў, знізу – нумары выяў):

1, 3, 5, 7 – Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 16, 20, 10, 14]; 2, 4 – Пруднікі, гарадзішча [10, с. 218, рис. 2: 3];
6, 13 – Браслаў [5, рис. 43: 4, 8]; 8, 12 – Друцк [5, рис. 72: 23, 11]; 9, 10 – Копысь [17, рис. 45: 18, 20];
11 – Орша [17, рис. 45: 26]; 14 – Віцебск, Ніжні замак [4, рис. 73: 16]

Fig. 3. Types of arrowheads with a bow in Northern Belarus

(figure from the top – the type of number, from bottom – the image number):

1, 3, 5, 7 – Polack, Upper Castle [9, fig. 30: 16, 20, 10, 14]; 2, 4 – Prudniki, hillfort [10, p. 218, fig. 2: 3];
6, 13 – Braslau [5, fig. 43: 4, 8]; 8, 12 – Druck [5, fig. 72: 23, 11]; 9, 10 – Kopy [17, fig. 45: 18, 20];
11 – Orsha [17, fig. 45: 26]; 14 – Vicebsk, Lower Castle [4, fig. 73: 16]

наканечнікамі могуць цалкам адсутнічаць, выяўляючыся толькі ў даўжыні ручкі. Ланцэтападобныя гранёныя наканечнікі трох тыпаў прадстаўлены 14 знаходкамі, якія паходзяць з напластаванняў тых жа помнікаў, на якіх былі знойдзены плоскія ланцэтападобныя стрэлы.

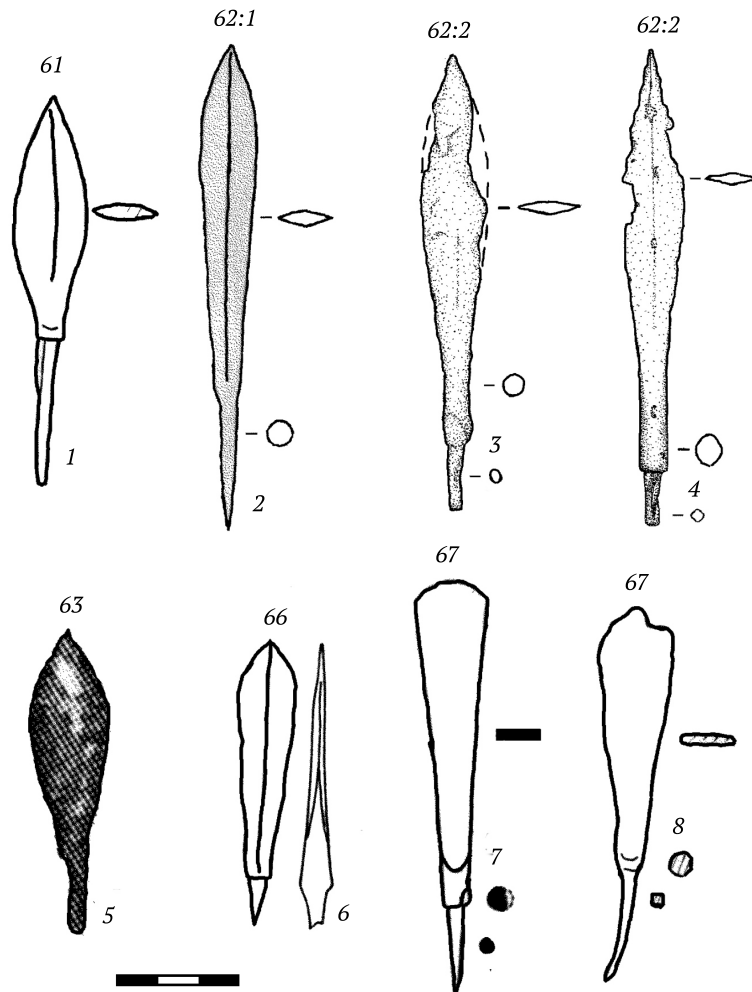
Некаторыя тыпы стрэл паводле паходжання можна аб'яднаць у групы.

Ланцэтападобныя стрэлы прадстаўлены 61 знаходкай чатырох тыпаў. Зазначым, што на тэрыторыі Русі найбольш раннія ланцэтападобныя наканечнікі знойдзены ў Старой Ладазе, у пласце сярэдзіны VIII ст. Найбольшае распаўсюджанне тыпу прыходзіцца на X ст., сустракаюцца знаходкі такіх наканечнікаў, якія адносяцца да канца XI ст. Даследчык А. Ф. Мядзведзеў прытрымліваўся меркавання пра мясцовае паходжанне тыпу, асабліва першага яго варыянта. Але цяпер абсалютнай большасцю навукоўцаў прызнана, што ў Скандынавіі тып з'явіўся яшчэ ў VII ст. [21].

З 61 наканечніка з Падзвіння 52 паходзяць з тэрыторыі ўсяго двух археалагічных комплексаў – Лукомль і Пруднікі. Агульная колькасць знойдзеных у Прудніках ланцэтападобных стрэл –

35 адзінак. Сярод экзэмпляраў з гарадзішча, месца знаходкі якіх зафіксавана, 12 наканечнікаў паходзяць з раскопаў, якія закранулі канструкцыі вала на паўночна-ўсходнім схіле. У раскопе 1983 г. у пласце са слядамі моцнага пажару, дзе, магчыма, знаходзіліся жылыя пабудовы, знойдзены 5 стрэл. У пластах селішча выяўлены 8 наканечнікаў, яшчэ 26 стрэл (70 % калекцыі) маюць сляды непасрэднага выкарыстання, судакрананняў з цвёрдай паверхняй. На некалькіх ёсць сляды знаходжання ў агні. Пры гэтым з 8 ланцэтападобных наканечнікаў, знойдзеных на селішчы, пяро і ручка моцна дэфармаваны ў 4 экзэмпляраў. З 11 стрэл, выяўленых у раскопах, якія закранулі канструкцыі вала, дэфармавана 9 экзэмпляраў. Улічваючы планіграфію і марфалогію артэфактаў, можна меркаваць, што абсалютная большасць ланцэтападобных стрэл трапіла ў культурны пласт гарадзішча ў выніку ваеннага нападу. Па шэрагу прыкмет (прысутнасць побач з плоскімі стрэламі класічных прапорцый кантаваных наканечнікаў) можна аднесці калекцыю да другой паловы X – пачатку XI ст.

У X–XI стст. у рэгіёне Браслаўскага Паазер'я адбываюцца значныя змены. У курганах культуры

Мал. 4. Тыпы наканечнікаў стрэл лука з тэрыторыі паўночнай Беларусі
(лічбы зверху – нумары тыпаў, знізу – нумары выяў):
1, 6, 8 – Полацк, Верхні замак [9, рис. 30: 19, 3, 2]; 2, 3, 4 – Пруднікі, гарадзішча (мал. аўтара);
5 – Браслаў [5, рис. 43: 5]; 7 – Пруднікі, гарадзішча [10, рис. 2: 8, 10]

Fig. 4. Types of arrowheads with a bow in Northern Belarus
(figure from the top – the type of number, from bottom – the image number):
1, 6, 8 – Polack, Upper Castle [9, fig. 30: 19, 3, 2]; 2, 3, 4 – Prudniki, hillfort (author's fig.);
5 – Braslau [5, fig. 43: 5]; 7 Prudniki, hillfort [10, fig. 2: 8, 10]

смаленска-полацкіх доўгіх курганоў з'яўляюцца пахаванні па абрадзе інгумацыі са зброяй старажытнарускіх і паўночнаеўрапейскіх тыпаў. Звязаны гэтыя змены з прасоўваннем Полацкага княства ў рэгіён захаду Беларускага Падзвіння. У гэты ж час, з канца X – пачатку XI ст. на гарадзішча і селішча Пруднікі ў балцкія традыцыі матэрыяльнай культуры пранікаюць традыцыі старажытнарускія. Знаходкі зброі далёкага бою сведчаць пра тое, што на працягу стагоддзяў гэта гарадзішча падвяргалася нападам неаднаразова. Вялікай калекцыі стрэл іншых тыпаў другой паловы X – першай паловы XI ст. не знойдзена. Можна канстатаваць, што прыкладна ў той жа час, калі старажытнарускія традыцыі пранікаюць у матэрыяльную культуру Пруднікаў (у другой палове X – першай палове XI ст.) на гарадзішча здзяйсняе напад войска, у якім прысутнічалі выхадцы з Паўночнай Еўропы.

Верагодна, большасць ланцэтападобных стрэл трапілі ў культурныя напластаванні помнікаў на тэрыторыі Беларускага Падзвіння ў выніку падзей другой паловы X–XI ст., звязаных са станаўленнем межаў старажытнарускай дзяржавы. Можна дапусціць, што ў гэтых падзеях бралі ўдзел выхадцы з Паўночнай Еўропы ці носьбіты паўночнаеўрапейскіх ваенных традыцый. Факт знаходкі ў Беларускім Падзвінні большасці ланцэтападобных стрэл з тэрыторыі ўсёй Беларусі не выпадковы. У сярэдзіне X – пачатку XI ст. пачынаецца актыўнае выкарыстанне водных артэрыяў Заходнядзвінскага шляху. Гэты перыяд звязаны з узмацненнем у рэгіёне ролі Полацка. Наяўнасць ланцэтападобных наканечнікаў стрэл, а таксама іншых прадметаў узбраення паўночнаеўрапейскага паходжання сведчыць пра ўдзел у гэтым працэсе выхадцаў з Паўночнай Еўропы.

Мангольскія наканечнікі прадстаўлены не менш чым 20 знаходкамі чатырох класічных качавых тыпаў жалезных наканечнікаў – зрэзняў у выглядзе лапатачкі, двухрогіх зрэзняў, веслападобных, рамбінных буйных стрэл – і больш чым дзесяццю знаходкамі касцяных наканечнікаў, якія паходзяць з напластаванняў гарадзішчаў Маскавічы, Пруднікі, Лукомль; гарадскіх цэнтраў – Полацка, Віцебска, Друцка. Дадзеныя знаходкі не з’яўляюцца слядамі ваенных кантактаў, а, хутчэй, сведчаць пра распаўсюджанне качавых тэхналагічных традыцый на Русі. Як адзначаў А. Ф. Мядзведзеў, пасля падзей сярэдзіны XIII ст. мангольскія наканечнікі шырока распаўсюдзіліся па тэрыторыі Русі, пераймаючыся мясцовымі майстрамі [1, с. 50–51]. Адзінкавыя знаходкі наканечнікаў мангольскіх тыпаў сталі вынікам імпульсу падзей сярэдзіны XIII ст., да канца XIII ст. яны зніклі.

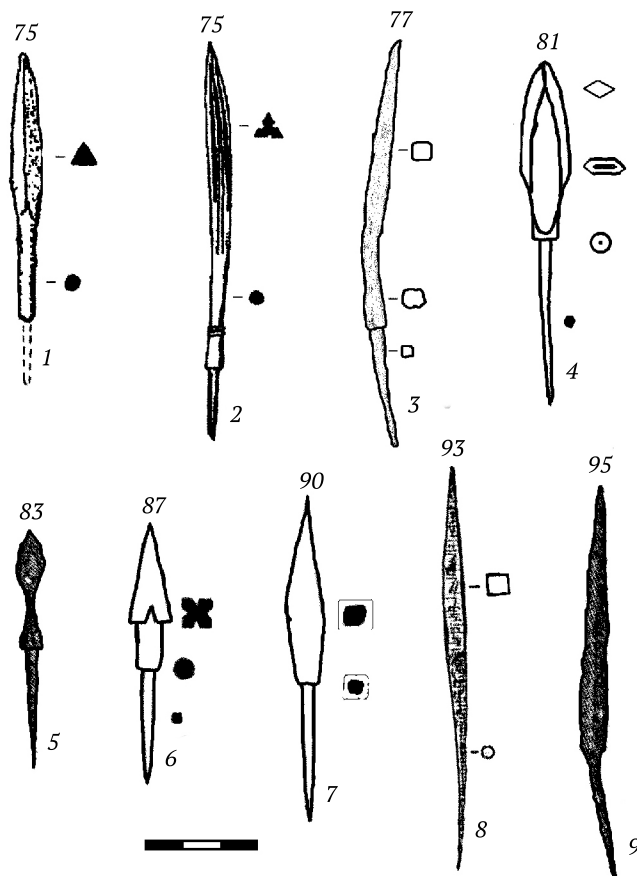
Яшчэ адна група стрэл – непасрэдна старажытна-рускія стрэлы. Паняцце гэта вельмі адноснае. Так, напрыклад, В. І. Даўжанок адносіў да старажытна-рускіх лістападобныя, чатырохгранныя, рамбінныя, шылападобныя стрэлы [22, с. 72]. Да стрэл, якія сустракаюцца на ўсіх помніках Падзвіння і ўсёй тэрыторыі Беларусі і суседніх рэгіёнаў – Ноўгарада, Пскоўскай зямлі, – можна аднесці тыпы 30, 32, 37, 40, 43: чаранковыя з шыпамі, трыкутныя, ромбападобныя з упорам і пашырэннем у ніжняй траціне даўжыні пярэ, ромбападобныя з пашырэннем у сярэдзіне даўжыні пярэ. Менавіта такія наканечнікі сустракаюцца ў напластаваннях XI–XIII стст. практычна ўсіх помнікаў рэгіёна.

Хоць немагчыма датаваць адзінкавыя знаходкі большасці тыпаў стрэл, можна вызначыць час распаўсюджвання серый наканечнікаў на падставе марфалагічных асаблівасцей іх экзэмпляраў. Так, для помнікаў, напластавання якіх утрымліваюць сляды ваенных канфліктаў X–XI стст., характэрныя знаходкі ромбападобных стрэл з пашырэннем у сярэдзіне ці ніжняй трэці даўжыні пярэ, ланцэтападобных стрэл, утулкавых двушыпных наканечнікаў (Пруднікі, Лукомль, Кульбачына, Кімбараўка). Для серый стрэл XII–XIV стст. характэрная наяўнасць рамбінных наканечнікаў, чаранковых гранёных шылападобных і пірамідальных, разнастайнасць форм чаранковых плоскіх наканечнікаў. Таксама на працягу стагоддзяў змяняюцца прапорцыі і іншыя марфалагічныя асаблівасці стрэл.

У суадносінах утулкавых і гранёных наканечнікаў відавочнае рэзкае памяншэнне колькасці ўтулкавых стрэл у напластаваннях помнікаў з XII ст. Гэтак жа, нягледзячы на праблемы з датаваннем сярэднявечных пластоў помнікаў Беларускага Падзвіння, назіраецца тэндэнцыя павелічэння колькасці гранёных стрэл, якія ўзніклі пазней чым у канцы XI ст. Яшчэ адна заканамернасць – падаўжэнне з часам ручак. Гэтыя тэндэнцыі могуць

тлумачыцца распаўсюджаннем складанасастаўных лукаў і развіццём засцерагальнага ўзбраення.

Асобна ў комплексе зброі далёкага бою стаіць арбалетнае ўзбраенне. Упершыню самастрэл на Русі згадваецца пад 1159 г. [23, с. 67]. Самыя раннія арбалетныя балты зафіксаваны ў пластах Ноўгарада апошняй чвэрці XIII ст. Аднак у дачыненні да зямель Заходняй Русі, у прыватнасці сучаснай Беларусі, казаць пра ранняе распаўсюджанне арбалета ўяўляецца праблематычным. З пісьмовых крыніц пра шырокае ўжыванне арбалета на землях, якія ўваходзілі ў склад Вялікага Княства Літоўскага, дакладна вядома з сярэдзіны XIV ст. [24, с. 174]. У пацверджанне версіі пра пранікненне арбалета на тэрыторыю Беларусі з захаду прынцыпова важным уяўляецца высвятленне часу яго пашырэння ў асобных рэгіёнах і, у прыватнасці, на тэрыторыі По-

Мал. 5. Тыпы наканечнікаў стрэл лука з тэрыторыі паўночнай Беларусі

(лічбы зверху – нумары тыпаў, знізу – нумары выяў):
1, 2 – Лукомль, гарадзішча [19, рис. 14: 11, 12]; 3, 4, 6, 7 – Пруднікі, гарадзішча (мал. аўтара), [10, рис. 2: 2, 11]; 5, 9 – Друцк [5, рис. 72: 20, 4]; 8 – Дрысвяты, гарадзішча Замак [7, мал. 78: 5]

Fig. 5. Types of arrowheads with a bow in Northern Belarus (figure from the top – the type of number, from bottom – the image number):

1, 2 – Lukoml, hillfort [19, fig. 14: 11, 12]; 3, 4, 6, 7 – Prudniki, hillfort (author's fig.), [10, fig. 2: 2, 11]; 5, 9 – Druck [5, fig. 72: 20, 4]; 8 – Drisvjaty, hillfort Castle [7, fig. 78 : 5]

лацкай зямлі, якая сутыкнулася з ваеннай тэхнікай крыжакоў з самага пачатку іх знаходжання ў паўднёва-ўсходняй Прыбалтыцы.

Арбалетнае ўзбраенне з тэрыторыі Беларускага Падзвіння прадстаўлена выключна знаходкамі арбалетных балтоў. Нягледзячы на сваю нешматлікасць, знаходкі гэтых дазваляюць высветліць час і шляхі пранікнення арбалета ў рэгіён, таму ўяўляюць адмысловую цікавасць і патрабуюць асобнага разгляду.

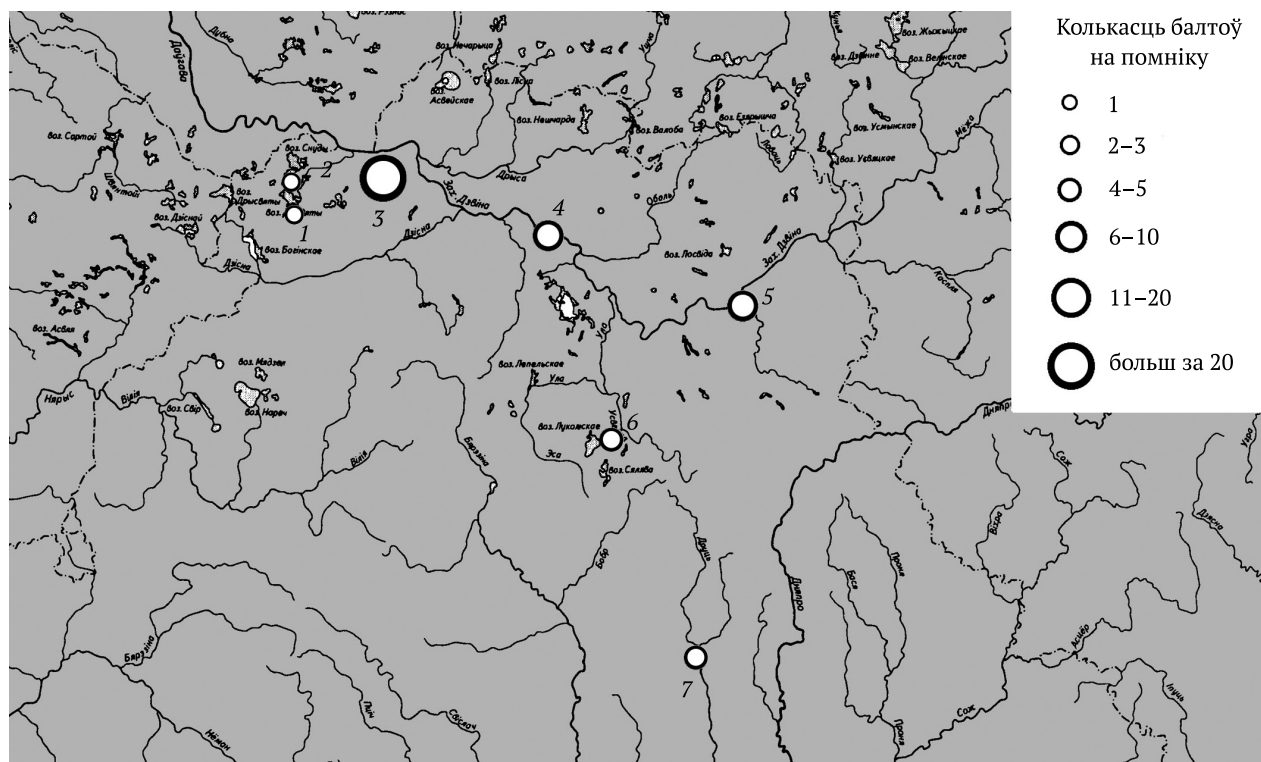
За гады даследаванняў на тэрыторыі Беларускага Падзвіння знойдзена не меней за 70 арбалетных балтоў XIII – першай паловы XIV ст. (мал. 6).

Абсалютная большасць наканечнікаў з тэрыторыі Беларускага Падзвіння – 53 адзінкі – адносяцца да тыпаў 14–16. Традыцыйна лічыцца, што падобныя балты былі на ўзбраенні ў крыжакоў. Стрэлы менавіта гэтых тыпаў часта знаходзяцца ў Літве, Латвіі, Польшчы, на тэрыторыях, якія непасрэдна сутыкнуліся з крыжакамі, былі разбураны імі, або з’яўляліся базамі ордэнцаў [25, s. 95–110].

Пры разглядзе тапаграфіі знаходак уяўляецца карціна, якая пацвярджае гіпотэзу аб пранікненні арбалета з захаду. Абсалютная большасць – 46 на-яўных у нашым распараджэнні балтоў – паходзяць з рэгіёна Браслаўскага Паазер’я, захаду Беларускага Падзвіння – тэрыторыі, якая на працягу не-

калькіх стагоддзяў з’яўлялася заходнім памежжам Полацкага княства. Улічваючы праблемы датавання матэрыялаў з Полацка, Віцебска, Друцка, Лукомля, прынцыпова важным у высвятленні карціны распаўсюджвання арбалетнага ўзбраення на тэрыторыі Беларускага Падзвіння з’яўляецца дэтальны разгляд калекцыі арбалетных балтоў з заходніх меж Полацкай зямлі.

Найбольшая калекцыя не толькі на тэрыторыі Беларускага Падзвіння, але і ва ўсёй Беларусі паходзіць з археалагічнага комплексу Пруднікі. Усе тыпы балтоў, прэзентаваныя ў напластаваннях гарадзішча Пруднікі, прынята лічыць пераважна крыжацкімі. Менавіта балты тыпаў 14 і 15 з’яўляюцца звычайнай знаходкай у Літве, Латвіі, Польшчы, на гарадзішчах, якія спазналі крыжацкія напады або былі базамі рыцараў. Большасць пруднікаўскіх балтоў не прысадзістыя па сваіх прапарцыях, хоць ёсць і такія. Існуе шэраг меркаванняў адносна сувязі прапарцый чаранковых балтоў і перыяду іх выкарыстання. Так, у XIV ст. іх форма стала больш прысадзістай. З 41 балта толькі 5 знойдзены на селішчы, усе астатнія – на гарадзішчы. Сярод экзэмпляраў з гарадзішча, месца знаходкі якіх дакладна зафіксавана, 28 паходзяць з раскопаў канструкцый вала. Сярод пруднікаўскіх балтоў пагнутую і абламаную ручку мае 21 экзэмпляр.

Мал. 6. Тапаграфія знаходак арбалетных балтоў з тэрыторыі паўночнай Беларусі:
1 – гарадзішча Браслава; 2 – гарадзішча Маскавічы; 3 – гарадзішча і селішча Пруднікі;
4 – Полацк; 5 – Віцебск; 6 – гарадзішча Лукомль; 7 – Друцк

Fig. 6. Topography of finds of crossbow bolts from the territory of the north of Belarus:
1 – hillfort Braslau; 2 – hillfort Maskavichy; 3 – hillfort and settlement Prudniki;
4 – Polack; 5 – Vicebsk; 6 – hillfort Lukoml; 7 – Druck

Ручкі дэфармаваны толькі ў балтоў, якія паходзяць з раскопаў канструкцый вала (за выключэннем некалькіх). У раскопах канструкцый вала выяўлены сляды пажарышчаў. Усё гэта сведчыць аб з’яўленні наканечнікаў у напластаванні помніка ў выніку ваеннага канфлікту [26, с. 95–100].

Больш ні на адным з помнікаў Браслаўскага Паазер’я не знойдзена значнай колькасці арбалетных балтоў. Тры наканечнікі паходзяць з гарадзішча Маскавічы (тыпы 14 і 16). Згодна з агульнапрынятай храналогіяй гарадзішча, жыццё на ім спыняецца ў канцы XIII ст. Два наканечнікі (тыпы 14 і 16*) знойдзены на гарадзішчы Замкавая гара ў Браславе [19, с. 226–228].

Прапорцыі, памеры і вага балтоў залежалі ад тыпу арбалета, для якога яны прызначаліся. Так, буйныя, масіўныя наканечнікі вагой больш 50 г прызначаліся для арбалета тыпу *a-tour* са сталёвым лукам, які нацягваўся калаўротам. Падобная зброя шырока распаўсюдзілася ў Еўропе толькі ў XIV ст. Для больш ранніх і легчэйшых арбалетаў прызначаліся балты вагой, меншай за 50 г. Большасць наканечнікаў з Пруднікаў не прысаджыстыя па сваіх прапорцыях (хоць ёсць і некалькі выключэнняў) і, верагодна, не былі прызначаны для цяжкіх арбалетаў *a-tour*.

Характэрна, што наяўныя ў нашым распараджэнні арбалетныя балты, за выключэннем знаходак з Браслаўскага Паазер’я, прадстаўлены адзінкавымі знаходкамі з напластаванняў самых буйных цэнтраў рэгіёна – Полацка, Віцебска, Друцка, Лукомля.

Два арбалетныя балты тыпу 14 знойдзены М. В. Клімавым на Запалоцкім пасадзе. Напластаванні раскопаў утрымліваюць матэрыялы XI–XIII стст., сярод іншых – пяць наканечнікаў стрэл, адзін – тыпу 44, тры – тыпу 2 і адзін – тыпу 93. Аўтарам раскопак адзначаны сляды пажарышча, якія звязваюцца ім з ваенным нападом і спусташэннем заходняй часткі Запалоцкага пасаду ў першай палове XIII ст. [8, с. 118]. Аднак і стратыграфія культурных напластаванняў, і самі матэрыялы не дазваляюць пэўна казаць пра такое вузкае датаванне адзначаных падзей і могуць быць аднесены да канца XIII ст. Адзін болт тыпу 9 знойдзены на гарадзішчы ў Полацку. У раскопах Д. У. Дука, акрамя арбалетнага балта, знойдзены шэраг наканечнікаў стрэл, пласціны даспехаў, прылады кавальскай працы, што дало падставу аўтару раскопак казаць пра існаванне тут кавальскай і ювелірнай майстэрняў [8, с. 49]. Стратыграфія раскопа не дазваляе вызначыць вузкую храналогію знаходак. Шырока прадстаўлены матэрыялы XII – пачатку XIV ст., жыццё на гарадзішчы спынілася на пачатку XIV ст. Верагодна, болт дадзенага тыпу варта звязваць з апошнім этапам функцыянавання гарадзішча. Яшчэ два наканечнікі паходзяць з дрэнна датаваных пластоў паўднёвых раскопаў

Г. В. Штыхава на Верхнім замку [9, с. 16]. Тры балты знойдзены на гарадзішчы ў Лукомлі. Адзін наканечнік выяўлены ў шурфе 1966 г., закладзеным Г. В. Штыхавым каля краю пляцоўкі гарадзішча, у другім пласце з фрагментамі керамікі позніх тыпаў [17, с. 78]. Яшчэ два – бліжэй да сярэдзіны пляцоўкі з матэрыяламі XIV ст. Пяць балтоў з Ніжняга Замка ў Віцебску наогул не маюць стратыграфічнай прывязкі. Праблематычнае датаванне трох наканечнікаў з раскопак Л. В. Аляксеева ў Друцку ў сувязі са слабай распрацаванасцю напластаванняў XIV–XV стст. [5, с. 98].

Такім чынам, на помніках рэгіёна, з якіх паходзяць арбалетныя балты, нават па грубых падліках, наканечнікі стрэл лука разглядаюцца перыяду дамінаюць. Неабходна ўлічваць такія фактары, як даследаваная плошча. Аднак агульная карціна суадносінаў ёсць.

Адзінкавае знаходка ў найбуйнейшых цэнтрах, жыхары якіх непасрэдна сутыкнуліся з крыжакамі, адсутнасць такіх наканечнікаў у напластаваннях іншых помнікаў сведчыць пра нешырокае распаўсюджанне арбалета ў рэгіёне.

Прыведзеныя вышэй факты сведчаць аб пранікненні арбалета на тэрыторыю Полацкай зямлі з захаду ад нямецкіх рыцараў. Большасць арбалетных балтоў, якія храналагічна не выходзяць за канец XIV ст., не толькі з рэгіёна Беларускага Падзвіння, але і з усёй тэрыторыі паўночнай Беларусі, адносяцца да тыпаў 14–16.

Дапусціўшы магчымасць адзінкавых выпадкаў пранікнення арбалетаў на захад Беларускага Падзвіння з першых эпизодаў кантактаў з крыжакамі з пачатку XIII ст., можна канстатаваць, што шырокага распаўсюджвання ў гэты перыяд дадзенай зброя не атрымала. Як гістарычная канва, так і марфалогія балтоў сведчаць, што арбалет пачаў пранікаць у рэгіён у выніку кантактаў з рыцарамі, якія сталі часцейшымі з другой паловы XIII ст., і распаўсюдзіўся на тэрыторыі Полацкай зямлі ў перыяд паміж сярэдзінай XIII – сярэдзінай XIV ст. – менавіта так могуць датавацца ўсе наяўныя ў нашым распараджэнні балты з акрэсленага рэгіёна.

Верагодней за ўсё, пасля заканчэння канфліктаў з крыжакамі жыхары рэгіёна ўвогуле рэдка сутыкаліся з арбалетным узбраеннем. Знаходка, якія б адносіліся да XV ст., мы фактычна не маем, а адзінкавыя пісьмовыя згадкі сведчаць аб сімвалічным статусе арбалета ў арсеналах гарадоў і замкаў.

Разглядаючы ўвесь комплекс знаходак стрэл з тэрыторыі Падзвіння, можна вылучыць некалькі этапаў эвалюцыі комплексу наканечнікаў. Гэтыя этапы можна аднесці да ўсёй тэрыторыі Беларусі.

Для X–XI стст. найбольш характэрнымі тыпамі стрэл на тэрыторыі Падзвіння з’яўляюцца ўтулкавыя двушыпныя, чаранковыя з пярэмым ланцэтападобнай, рабмічнай, лаўрападобнай формы. Значная колькасць двушыпных утулкавых стрэл мае

тардзіраваную шыю. Наканечнікі стрэл з пяром ланцэтападобнай формы мелі паўночнаеўрапейскае паходжанне і найбольш актыўна выкарыстоўваліся ў эпоху вікінгаў. Пярэ ланцэтападобных наканечнікаў маглі быць уплошчаным, трохгранным, квадратным ці рамбичесным у сячэнні. Тапаграфія і марфалогія знаходак ланцэтападобных наканечнікаў на тэрыторыі Беларусі сведчыць аб нешырокім распаўсюджанні такіх стрэл у мясцовых насельніцтва, а знаходкі такіх наканечнікаў маркіруюць буйныя гандлёвыя шляхі і сляды ваенных канфліктаў. Плоскія наканечнікі рамбических форм належалі да найбольш распаўсюджаных на тэрыторыі Старажытнай Русі, вялікая колькасць іх знойдзена на тэрыторыі Беларусі. Па шэрагу прычын існуюць цяжкасці з вузкім датаваннем многіх тыпаў рамбических стрэл, паколькі форма іх не змянялася на працягу ўсяго Сярэднявечча. Але некаторыя рамбические наканечнікі дакладна выкарыстоўваліся ў X – першай палове XI ст. і нярэдка знаходзяцца ў адных комплексах побач з ланцэтападобнымі. Распаўсюджаны ў акрэслены перыяд былі стрэлы з плоскім пярэ лаўралістай формы.

На XII–XIII стст. прыпадае пашырэнне тыпалагічнага асартыменту наканечнікаў стрэл, у тым ліку распаўсюджваюцца тыпы, прызначаныя для стральбы са складанасастаўнога лука, што дазваляе меркаваць аб яго актыўным выкарыстанні ў гэты час. Павялічваецца колькасць бранябойных наканечнікаў, прызначаных для прабівання кол-

кавых і пласцінавак даспехаў. Назіраецца павелічэнне колькасці плоскіх наканечнікаў з доўгімі ручкамі, што можа разглядацца як сведчанне пашырэння коннага бою. Сярод распаўсюджаных у гэты перыяд форм – утулкавыя двушыпныя і шылападобныя; чарашковыя плоскія – ромбападобныя, двушыпныя, клінападобныя, лаўралістыя; чарашковыя бранябойныя – шылападобныя, кілепадобныя.

З сярэдзіны XIII ст. на тэрыторыі Беларусі распаўсюджваюцца чаранковыя наканечнікі стрэл мангольскіх тыпаў – буйныя трохлопасныя, кілепадобныя, ромбападобныя, сектарападобныя зрэзні, зрэзні ў выглядзе лапаткі і інш. Да стрэл, прынесеныя на Русь мангола-татарами, належаць таксама некалькі тыпаў касцяных наканечнікаў, найперш кілепадобныя з плоскім чаранком. Большасць такіх наканечнікаў выяўлены падчас раскопак беларускіх гарадоў, якія былі спалены манголамі ў сярэдзіне – другой палове XIII ст., хаця можна меркаваць, што з гэтага часу яны маглі выкарыстоўвацца і мясцовымі лучнікамі.

З другой паловы XIII – першай паловы XIV ст. назіраецца ўніфікацыя і скарачэнне тыпалагічнага асартыменту стрэл, павялічваецца колькасць бранябойных наканечнікаў, аднак дамінуючымі застаюцца плоскія наканечнікі. Сярод шырокараспаўсюджаных форм былі і плоскія ромбападобныя, бранябойныя шылападобныя. Адбываецца нязначнае распаўсюджанне арбалетнага ўзбраення.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М. : Наука, 1966.
2. *Двуреченский О. В.* Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // *Археология Подмосковья : материалы науч. семинара.* М., 2007. Вып. 3. С. 277–331.
3. *Алексеев Л. В.* Раскопки древнего Браслава // *Краткие сообщ. Ин-та археологии.* 1960. Вып. 81. С. 95–106.
4. *Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.). Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2004.
5. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв. М. : Наука, 1966.
6. *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие. Минск : Беларуская навука, 2004.
7. *Ткачоў М. А.* Справаздача аб палявых даследаваннях Дняпра-Дзвінскага атрада за сезон 1976 г. Мінск, 1977. Цэнтр навук. арх. Ін-та гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. Справаздача № 1032.
8. *Клімаў М. В.* Новыя звесткі аб раскопках Запалоцкага пасада г. Полацка (па выніках раскопак 2008 г.) // *Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага (Віцебск, 22–23 кастр. 2009 г.) / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.].* Мінск, 2010. С. 39–48.
9. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск : Наука и техника, 1975.
10. *Шадыро В. И., Ласкавий Г. В.* Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселения у д. Прудники // *Гіст.-археалаг. зборнік.* Мінск, 1994. № 4. С. 217–224.
11. *Шадыра В. И.* Беларуская Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск : Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, 2006.
12. *Дук Д. У.* Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* Мінск, 2011. Вып. 21. С. 30–60.
13. *Штыхов Г. В.* Отчет о раскопках в Витебской и Минской областях и разведке в Ивацевичском районе Брестской области в 1970 г. : отчет № 368. Цэнтр. науч. арх. Ін-та гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. Мінск, 1970.
14. *Клімаў М. В.* Зброя, ваенны рыштунак вершніка і каня з помніка Лучна-1 (па матэрыялах археалагічных раскопак 1999–2000 гг.) // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* Мінск, 2001. Вып. 3. С. 261–264.
15. *Шадыро В. И.* Отчет о раскопках в Глубокском, Миорском и Браславском р-нах Витебской обл. в 1990 г. Отчет № 1206. Цэнтр. науч. арх. Ін-та гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. Мінск, 1991.
16. *Дучыц Л. У.* Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV стст.: гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск : Навука і тэхніка, 1991.
17. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск : Наука и техника, 1978.
18. *Плавінскі У. А.* Наканечнікі стрэл з гарадзішча Маскавічы // *Гісторыя і археалогія гарадзішча Маскавічы.* Рыга, 2013. С. 213–228.

19. Еремеев И. И., Штыхов, Г. В. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // *Acta archeologica Albarutenica*. Минск, 2007. Т. 1. С. 110–135.
20. Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. // *Acta Archaeologica Universitatis Lodzensis*. Łódź, 1954. № 3.
21. Каинов С. Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. СПб., 1999. С. 49–62.
22. Довженко В. Й. Військова справа в Київській Русі : навук.-популяр. нарис. Київ : Видавництво Акад. наук УРСР, 1950.
23. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л. : Наука, 1976.
24. Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Минск : Экаперспектыва, 2002.
25. Rackevičius G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius : Pilių tyrimo centras «Lietuvos pilys», 2002.
26. Плавінскі У. А., Шадыра В. І. Арбалетныя балты з гарадзішча і селішча Пруднікі // *Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў* : зб. навук. пр. Міжнар. навук. канф., прысвеч. 160-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова (Полацк, 21–23 крас. 2011 г.) : у 2 ч. Полацк, 2011. Ч. 1. С. 95–100.

References

1. Medvedev A. F. [Hand-throwing weapons (bow and arrows, crossbow) VIII–XIV centuries]. Moscow : Nauka, 1966 (in Russ.).
2. Dvurechenskiy O. V. [Arrowheads of Moscow Rus and the Russian State of the XV–XVII centuries]. In: *Arkhæologiya Podmoskovya* [Moscow archeolog.] : materials of the sci. semin. Moscow, 2007. Issue 3. P. 227–331 (in Russ.).
3. Alekseev L. V. [Excavations of ancient Braslav]. In: *Kratk. soobshch. Inst. arkheol.* [Brief rep. of the Inst. of archeol.] 1960. Issue 81. P. 95–106 (in Russ.).
4. Bubenko T. S. [Medieval Vitebsk. Posad – Lower Castle (X – the first half of the XIV century)]. Vitebsk : Vitebsk State P. M. Masharov, 2004 (in Russ.).
5. Alekseev L. V. [Polotsk land: essays on the history of Northern Belarus in the IX–XIII centuries]. Moscow : Nauka, 1966 (in Russ.).
6. Levko O. N. [Medieval territorial administrative centers of Northeastern Belarus: formation and development]. Minsk : Belaruskaya navuka, 2004 (in Russ.).
7. Tkachou M. A. [Report on the field research of the Dnieper-Dvinsky detachment for the 1976 season] : report. No. 1032. Minsk, 1977 (in Belarus.).
8. Klimau M. V. [New information about the excavations of the Zapolack pasad of Polack (according to excavations in 2008)]. In: *Vicebskija starazhitnasci* [Vitebsk antiquity] : materials of the sci. conf. (Vitebsk, 22–23 Oct., 2009). Minsk, 2010. P. 39–48 (in Belarus.).
9. Shtylov G. V. [Ancient Polock (IX–XIII centuries)]. Minsk : Nauka i tekhnika, 1975 (in Russ.).
10. Shadyro V. I., Laskavyy G. V. [Medieval arrowheads and crossbow arrows from the settlement near the village of Prudniki]. *Gistarychna-arhealogichny zbornik*. Minsk, 1994. No. 4. P. 217–224 (in Russ.).
11. Shadyra V. I. [Belarusian Padzvinne (I thousand years of AD)]. Minsk : Institute of History of National Academy of Sciences of Belarus, 2006 (in Belarus.).
12. Duk D. U. [Archaeological excavations on the ancient Polotsk hillfort in 2007]. In: *Materyjaly pa arhealogii Belarusi*. [Materials of Belarusian archeology]. Minsk, 2011. Issue 21. P. 30–60 (in Belarus.).
13. Shtylov G. V. [Report on excavations in the Vitebsk and Minsk regions and in the Ivatsevichi region of the Brest region in 1970] : report. No. 368. Minsk, 1970 (in Russ.).
14. Klimau M. V. [Weapons, military equipment of a rider and a horse from the monument of Luchno-1 (based on archaeological excavations of 1999–2000)]. In: *Materyjaly pa arhealogii Belarusi* [Materials of Belarusian archeology]. 2001. Issue 3. P. 261–264 (in Belarus.).
15. Shadyro V. I. [Report on excavations in the Glubokoe, Miory and Braslav districts of the Vitebsk region in 1990] : report No. 1206. Minsk, 1991 (in Russ.).
16. Duchyc L. U. [Braslav Lakes in the IX–XIV centuries: historical and archaeological survey]. Minsk : Navuka i tehnika, 1991 (in Belarus.).
17. Shtylov G. V. [Cities of the Polotsk land (IX–XIII centuries)]. Minsk : Nauka i tekhnika, 1978 (in Russ.).
18. Plavinski U. A. [Arrowheads from Muscovici ancient settlement]. In: *Gistoryia i arhealogija garadzishcha Maskavichy* [History and archeology of hill ford Maskavichy]. Ryga. 2013. P. 213–228 (in Belarus.).
19. Eremeev I. I., Shtylov G. V. [Ancient Lukoml. Molded ceramics and early medieval cultural layer]. *Acta archeologica Albarutenica*. Minsk, 2007. Vol. 1. P. 110–135 (in Russ.).
20. Nadolski A. [Study of Polish armament in X, XI and XII centuries]. *Acta Archaeologica Universitatis Lodzensis*. Lodz, 1954. No. 3 (in Pol.).
21. Kainov S. Y. [Lancet-like arrowheads from the excavations of Gnezdov]. In: *Rannesrednevekovye drevnosti Severnoi Rusi i ee sosedei* [Early medieval antiquity of Northern Russia and its neighbors]. Saint Petersburg, 1999. P. 49–62 (in Russ.).
22. Dovgenok V. I. [Military affairs in the Kiiv Rus: a science popular essay]. Kiev : Publishing house Academy of Sciences of URSR, 1950 (in Ukrainian).
23. Kirpichnikov A. N. [Military affairs in Rus XIII–XV centuries]. Leningrad : Nauka, 1976 (in Russ.).
24. Bohan Y. M. [The armament of the army of the Grand Duchy of Lithuania of the XIV century – the canvas of the XVI century]. Minsk : Jekaperspektyva, 2002 (in Belarus.).
25. Rackevichus G. [Crossbow and bow in Lithuania in the XIII–XVI]. Vilnius : Pilių tyrimo centras «Lietuvos pilys», 2002 (in Lith.).
26. Plavinski U. A., Shadyra V. I. [Crossbow bolts from the settlement and the settlement Prudniki]. In: *Belaruskæ Pa-dzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paljavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledavannjajaw* [Belarusian Dvina: experience, methodology and results of the field and interdisciplinary research] : collect. of sci. works. Polack, 2011. Part 1. P. 95–100 (in Belarus.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІЯ КРУГЛЫЯ СТАЛЫ

BELARUSIAN-POLISH ROUND TABLES

Адной з галоўных задач у галіне гісторыі з моманту абвешчання незалежнай Рэспублікі Беларусь з'яўлялася стварэнне паўнаважнай канцэпцыі гісторыі беларускага народа. Не кожнае пакаленне гісторыкаў сутыкаецца з пытаннямі, вырашэнне якіх патрабуе настолькі грунтоўнай працы. Можна казаць, што на працягу апошняга дваццацігоддзя асноўныя канцэптуальныя палажэнні гісторыі беларускага народа былі распрацаваны дзякуючы правядзенню навуковых даследаванняў, удзелу вучоных у канферэнцыях і знайшлі адлюстраванне ў абагульняючых працах і падручніках па гісторыі.

Але не менш істотная задача гістарычнай навукі заключаецца ў тым, каб не толькі распрацаваць канцэптуальныя падыходы, але і пазнаёміць з імі прадстаўнікоў навуковых гістарычных школ суседніх краін. Успрыманне суверэннай дзяржавы непарыўна звязана з бачаннем гісторыі яе народа. Без прэзентацыі гісторыі Беларусі ў замежным навуковым асяроддзі немагчыма дасягнуць разумення ў грамадскай думцы суседніх краін незалежнага існавання сучаснай беларускай дзяржаўнасці. Замацаванне ў свядомасці суседзяў гістарычнага лёсу беларускага народа будзе адбывацца яшчэ на працягу не аднаго дзесяцігоддзя.

Безумоўна, менавіта з польскай гістарычнай традыцыяй мы маем, бадай, найвялікшую колькасць спрэчных, цяжкіх для ўспрымання, двухбакова не абмеркаваных пытанняў.

Доўгі час пры правядзенні навуковых канферэнцый неаднаразова выяўлялася існаванне розных падыходаў беларускіх і польскіх даследчыкаў да пытанняў, звязаных з гісторыяй абедзвюх дзяржаў. Часам у навуковых дыскусіях атрымлівалася прыходзіць да пэўных узгодненых пазіцый, якія, аднак, не мелі працягу ў навуковых даследаваннях і не рабіліся набыткам грамадскай думкі ў Белару-

сі і Польшчы. У сувязі з гэтым узнікла ідэя арганізацыі і правядзення рэгулярных беларуска-польскіх навуковых сустрэч, якія праходзілі б не толькі як абмен думкамі, але і мелі б лагічны працяг у выглядзе публікацый і адлюстравання ўзгодненых пазіцый у навуковых і вучэбных выданнях, грамадскай думцы і ацэнках дзвюх краін. Падобная навуковая пляцоўка павінна адыграць вельмі важную ролю і ў абгрунтаванні ідэй беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці.

У гэтым годзе на гістарычным факультэце БДУ прайшлі два беларуска-польскія круглыя сталы: «Дыялог гісторыі / Гісторыі дыялогу. Складаныя пытанні ў гісторыі Беларусі і Польшчы, іх адлюстраванне ў гістарыяграфіі абедзвюх краін і перспектывы для збліжэння навуковых пазіцый» (1–2 чэрвеня 2017 г.) і «Генэзіс польскай і беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах Першай сусветнай вайны і еўрапейскіх рэвалюцый» (29 верасня 2017 г.).

Арганізатарамі гэтых круглых сталоў выступілі гістарычны факультэт БДУ, Беластоцкі ўніверсітэт і Польскі інстытут у Мінску. Яшчэ на этапе падрыхтоўкі першай сустрэчы стала відавочна, што прадстаўніцтва бакоў можа быць вельмі шырокім, таму арганізатары былі вымушаны абмежаваць колькасць удзельнікаў і ўвесці парытэтнасць, не выключаючы ў будучым магчымасці кааптацыі ўдзельнікаў з абедзвюх краін.

На адкрыцці першай сустрэчы з прывітальным словам да прысутных звярнуліся прарэктар БДУ С. М. Ходзін і Паўнамоцны Пасол Рэспублікі Польшча ў Рэспубліцы Беларусь К. Паўлік, дэкан гістарычнага факультэта прафесар А. Г. Каханоўскі, прарэктар Беластоцкага ўніверсітэта прафесар В. Сляшыньскі, дырэктар Польскага інстытута ў Мінску М. Адамскі. Ва ўсіх выступленнях прагучала думка аб наспеласці і неабходнасці правядзення падоб-

ных навуковых сустрэч, якія дазваляць даследчыкам абмеркаваць пазіцыі бакоў па найбольш вострых пытаннях у гісторыі беларуска-польскіх адносін і прыйсці да навукова абгрунтаваных, узважаных высноў.

У працы круглага стала прымалі ўдзел вядучыя спецыялісты-гісторыкі і сацыёлагі з універсітэтаў і навуковых устаноў Беларусі і Польшчы: прафесар А. Г. Каханоўскі (БДУ), прафесар І. А. Марзалюк (старшыня Пастаяннай камісіі па адукацыі, культуры і навуцы Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь), загадчык кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта прафесар А. А. Яноўскі, прафесар В. І. Менькоўскі, дацэнт А. А. Прохараў, дацэнт Л. А. Козік, дацэнт В. С. Макарэвіч (БДУ), загадчык Цэнтра спецыяльных гістарычных навук і антрапалогіі прафесар В. Ф. Голубеў, загадчыца аддзела гістарыяграфіі і метадаў гістарычных даследаванняў дацэнт В. В. Яноўская (Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі), дацэнт М. М. Мязга (дэкан гістарычнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны), дацэнт А. І. Пашковіч (Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна), прафесар Э. С. Ярмусік (Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы), дацэнт У. В. Барысенка (дэкан гісторыка-філалагічнага факультэта Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. Куляшова), прафесар В. Сляшыньскі, прафесар Э. Мірановіч (Беластоцкі ўніверсітэт), прафесар З. Вінніцкі, прафесар Ф. Валянскі (Вроцлаўскі ўніверсітэт), прафесар Я. Героўска-Калаўр (Інстытут гісторыі Польскай акадэміі навук), прафесар В. Рэзмер (Торуньскі ўніверсітэт М. Каперніка), прафесар М. Іваноў (Апольскі ўніверсітэт), прафесар Р. Радзік (Люблінскі ўніверсітэт М. Складоўскай-Кюры).

Праца круглага стала пачалася з выступлення А. Г. Каханоўскага, які даў ацэнку сучаснаму стану навуковых даследаванняў у дзвюх краінах па гісторыі Беларусі XIX – пачатку XX ст., звярнуў увагу на праблему тэрміналогіі ў працах і неабходнасць выкарыстання кампаратывістыкі. У сваю чаргу, І. А. Марзалюк засяродзіў увагу на ролі стэрэатыпаў і міфаў ва ўспрыманні палякаў у беларускім грамадстве, а таксама падкрэсліў негатыўнае стаўленне польскай эліты ў XIX – пачатку XX ст. да беларускага нацыянальнага руху і беларускага пытання. Праблемнае поле ў даследаванні канфесійнага пытання на мяжы стагоддзяў акрэсліла В. В. Яноўская, якая заклікала прысутных да ўзважанага і аб'ектыўнага вывучэння канфесійнага складу насельніцтва беларускіх і памежных з Польшчай тэрыторый.

Выказаныя метадалагічныя ідэі і прапановы беларускіх калег былі сугучныя з ідэямі польскіх даследчыкаў. Так, В. Сляшыньскі прапанаваў засяродзіць увагу на правядзенні параўнальных даследаванняў па гісторыі нацыянальнай палітыкі

Польскай рэспублікі і БССР у міжваенны перыяд. У больш вузкім аспекце гэта праблема была закранута і М. Івановым, які параўнаў розныя канцэпцыі стварэння беларускай нацыянальнай дзяржавы. Праблемы становішча грамадзянскага насельніцтва Цэнтральнай Еўропы ва ўмовах ваенных падзей 1919–1920 гг. акрэсліў В. Рэзмер. Ён зазначыў, што на фоне вывучэння палітычнай гісторыі і баявых дзеянняў і ў польскай, і ў беларускай гістарыяграфіі фактычна не вывучана праблема становішча грамадзянскага насельніцтва. У сваім выступленні Я. Героўска-Калаўр звярнула ўвагу на неабходнасць выкарыстання самага шырокага кола крыніц і даследаванняў для аналізу ўзаемаадносін паміж палякамі і беларусамі ў 1914–1939 гг., што, на яе думку, дазволіць прыйсці менавіта да ўзважаных ацэнак мінулага.

Пытанні гістарыяграфіі і метадалогіі даследаванняў у вывучэнні сацыялістычнага перыяду развіцця абедзвюх краін раскрыў В. І. Менькоўскі. Даследчык адзначыў неабходнасць дэталёвага вывучэння польскай і беларускай гістарыяграфіі ў галіне саветалогіі. У сваю чаргу, А. А. Яноўскі згадаў пра тое, што беларускія даследчыкі міжваеннага перыяду займаліся гісторыяй Польшчы, а таму існуе неабходнасць прааналізаваць і пераасэнсаваць навуковыя працы таго часу.

Напрамкі развіцця даследаванняў па гісторыі міжваеннага перыяду разглядаліся ў дакладах М. М. Мязгі пра вызначэнне ролі і месца Беларусі ў палітыцы Польшчы і СССР, А. І. Пашковіч па праблеме тэрміналогіі ў вызначэнні польска-савецкай вайны, тэрыторыі Заходняй Беларусі і інш.

Неабходнасць правядзення кампаратывісцкіх даследаванняў, прычым у шырокім кантэксце, з улікам розных фактараў, падкрэсліла і Л. А. Козік. На яе думку, гэта дазволіць пазбегнуць палітызацыі навуковых даследаванняў і наблізіцца да аб'ектыўнага разумення падзей мінулага. Гэта ідэя была развіта Э. С. Ярмусікам, які заклікаў бачыць у двухбаковых адносінах не толькі «цёмнае мінулае», але і тое станоўчае, што аб'ядноўвала і аб'ядноўвае беларускі і польскі народы. Тэму працягнуў У. В. Барысенка, які падкрэсліў важнасць станоўчых прыкладаў для развіцця добрасуседскіх адносін.

На тэрытарыяльныя праблемы ва ўзаемаадносінах двух бакоў у XX ст. звярнуў увагу З. Вінніцкі. Яго думка аб тым, што ў сучасным беларускім грамадстве фарміруецца негатыўны вобраз палякаў, выклікала бурную дыскусію прысутных.

Дакладчыкам Э. Мірановічам была закранута праблема польска-беларускіх адносін у 1939–1946 гг. Ён заўважыў неабходнасць вывучэння не толькі міждзяржаўных адносін, але і міжнацыянальных, міжканфесійных узаемадачынненняў ва ўмовах нямецкай акупацыі і ў першыя пасляваенныя гады.

Падчас сустрэчы былі падняты пытанні метадалогіі гістарычных даследаванняў. Праблема тэрміналогіі ў гуманітарнай навуцы ў сучасных

Польшчы і Беларусі была закранута ў выступленні Р. Радзіка. Вучоны заклікаў калег падчас наступных сустрэч звярнуць увагу на пытанні метадалогіі даследавання, што, на яго думку, дазволіць зблізіць пазіцыі двух бакоў. На праблему тэрміналогіі ў сучасных беларускіх школьных падручніках па гісторыі звярнуў увагу А. А. Прохараў. Ён заўважыў, што ў беларускіх вучэбных выданнях раскрываюцца ключавыя пытанні гісторыі Польшчы, у той час як у польскіх падручніках беларускі этнас фактычна не згадваецца. Больш за тое, у сучаснай Польшчы замацавалася меркаванне пра тое, што жыхары Рэчы Паспалітай (XVI–XVIII стст.) былі выключна палякамі, што не адпавядае рэчаіснасці.

Асобны блок пытанняў быў звязаны з ацэнкай падзей XVI–XVIII стст. Адрозненні ў ацэнках беларускай і польскай гістарыяграфіі ўмоў і наступстваў падпісання Люблінскай уніі разглядаў В. Ф. Голубеў, а Ф. Валянскі адзначыў унікальнасць становішча Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) у складзе Рэчы Паспалітай. Польскі гісторык зрабіў акцэнт на шматслойнасці культурнай традыцыі на тэрыторыі былога ВКЛ у XVI–XVIII стст. Ацэнка таго, якім чынам спадчына Рэчы Паспалітай абодвух народаў прадстаўлена ў сучасных навуковых даследаваннях і гістарычнай памяці Беларусі і Польшчы, была дадзена В. С. Макарэвічам. Дакладчык звярнуў увагу на той факт, што ў сучаснай Польшчы назіраюцца спробы прысвойвання гістарычнай спадчыны гэтай дзяржавы і аспрэчвання права на яе іншых народаў.

Дыскусіі ўдзельнікаў круглага стала ў першую чаргу датычыліся пытанняў тэрміналогіі, метадалогіі даследаванняў, праблем двухбаковых адносін і ацэнкі гістарычнага мінулага ў сучасных беларускім і польскім грамадствах. Вострая палеміка разгарнулася па пытанні выкарыстання ў польскай навуцы і грамадстве гістарычнага тэрміна «крэсы ўсходнія», які, як зазначылі беларускія ўдзельнікі сустрэчы, з'яўляецца абсалютна некарэктным ў дачыненні да сучасных беларускіх зямель. У сваю чаргу польскія даследчыкі звярталі ўвагу на тое, што гэты ўстойлівы тэрмін у польскім грамадстве з'яўляецца часткай ідэалогіі дзяржавы і не мае экспансіянісцкага характару.

У сувязі з набліжэннем сотай гадавіны станаўлення беларускай і польскай дзяржаўнасці даследчыкі прыйшлі да высновы аб тым, што наступную сустрэчу неабходна прысвяціць разгляду падзей перыяду 1917–1922 гг. у гісторыі і лёсах беларускага і польскага народаў.

Такая сустрэча прайшла 29 верасня 2017 г. на гістарычным факультэце БДУ. Увазе прысутных былі прадстаўлены шэсць дакладаў, прысвечаных асобным спецыялізаваным тэмам перыяду 1917–1922 гг.

Даследчыца Я. Героўска-Калаўр на падставе выкарыстання вялікай колькасці крыніц акрэсліла геапалітычныя і палітычныя ўмовы, якія спрыялі альбо заміналі рэалізацыі нацыянальных мэт бе-

ларусаў і палякаў у 1914–1918 гг. Са свайго боку М. М. Мязга даў ацэнку праектам стварэння беларускай дзяржаўнасці. Ён ахарактарызаваў непаслядоўнасць дзейнасці адміністрацыі Ю. Пілсудскага ў дачыненні да беларускага нацыянальнага руху і абгрунтавана паказаў, што планы «федэралізацыі» не маглі прывесці да стварэння незалежнай беларускай дзяржавы.

Даследчык Э. Мірановіч засяродзіў увагу на прававой ацэнцы становішча беларускіх зямель пасля падпісання Рыжскай мірнай дамовы лідарамі беларускага нацыянальнага руху ў Польшчы і ўрада В. Ластоўскага. На прыкладзе Мінска В. С. Макарэвіч паказаў падзеі польска-савецкай вайны і няпростую этнічную і канфесійную сітуацыю таго часу, у якой разгортваўся беларускі нацыянальны рух.

Падзеі першых гадоў пасля заканчэння польска-савецкай вайны былі прадстаўлены ў дакладах прафесара В. Сляшыньскага і дацэнта А. Г. Цымбала. Апошні звярнуў увагу на тое, якім чынам беларускае пытанне разглядалася ў нацыянальна-канфесійнай палітыцы польскіх улад у першыя гады існавання Польскай рэспублікі. Даклад В. Сляшыньскага быў прысвечаны аналізу дзейнасці беларускага падполля ў паўночна-ўсходніх ваяводствах рэспублікі ў 1921–1923 гг. Вострую дыскусію выклікала выказаная даследчыкам думка аб тым, што толькі дзейнасць асобных падрыхтаваных у Маскве атрадаў НКВС, якія пераходзілі мяжу ў той час, можна звязваць з праявамі беларускага нацыянальнага руху. Шмат хто з беларускіх і польскіх удзельнікаў выказалі нязгоду і звярнулі ўвагу на вельмі разнастайныя формы беларускага нацыянальнага руху ў межах міжваеннай Польшчы.

Напрыканцы другой сустрэчы гісторыкаў было адзначана, што дыскусіі мелі ґрунтоўны характар, удзельнікі выказвалі ўпэўненасць у неабходнасці працягваць абмеркаванне складаных пытанняў дзеля разумення пазіцый дзвюх нацыянальных гістарычных школ.

Урачыстым момантам сустрэчы стала падвядзенне вынікаў і ўручэнне ўзнагарод удзельнікам і пераможцам Міжнароднага беларуска-польскага конкурсу студэнцкіх навуковых работ па гісторыі з нагоды 25-годдзя ўстанаўлення дыпламатычных адносін паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча. Конкурс быў арганізаваны гістарычным факультэтам БДУ, гісторыка-педагагічным факультэтам Вроцлаўскага ўніверсітэта і Польскім інстытутам у Мінску і праходзіў 27–29 верасня 2017 г. у Мінску. Вынікі конкурсу паказалі, што сучасныя студэнты не баяцца даваць уласную ацэнку падзеям мінулага абедзвюх краін і пры гэтым імкнуцца быць уважлівымі да пазіцыі сваіх апанентаў.

Л. А. Козік,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

А. А. Прохараў,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

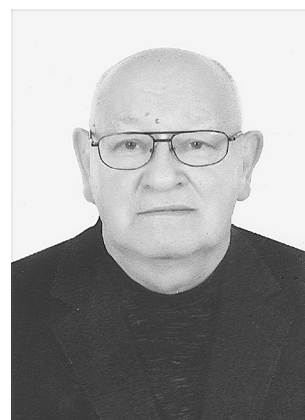
Наша юбилеры

Наша юбилеры

OUR JUBILEE

Валерий Михайлович
ПИСАРЕВ

Valerii Mikhailovich
PISAREV

Доценту кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ кандидату исторических наук Валерию Михайловичу Писареву 9 ноября исполнилось 70 лет.

Жизненный и профессиональный путь ученого во многом типичен для человека, рожденного в первые послевоенные годы. Однако в его биографии многое удивительно и даже уникально. Это сочетание делает из В. М. Писарева высококлассного, ответственного специалиста и вместе с тем интересного человека.

Родился В. М. Писарев 9 ноября 1947 г. в г. Ляховичи (Брестская область) в семье служащих. Родители Валерия Михайловича – Михаил Демьянович и Надежда Денисовна – прожили непростую, но честную жизнь и воспитали достойных детей. Отец Валерия Михайловича внес вклад в освобождение родной страны: был бойцом партизанского отряда № 122 бригады № 17 в Могилёвской об-

ласти, с декабря 1943 г. по декабрь 1944 г. воевал в рядах действующей армии, был удостоен награды за участие в боевых действиях. Помимо сына в семье было еще двое детей – младшие дочери Лидия и Татьяна.

В 1954 г. семья Писаревых переехала на новое место службы отца – в Минск. В 1955–1966 гг. Валерий Михайлович учился в средней школе № 6. В 1962 г. будущий ученый вступил в ряды Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Он много лет вел активную комсомольскую работу, совмещая ее с профессиональной, научной и преподавательской деятельностью.

Сразу после окончания школы в 1966 г. В. М. Писарев поступил на исторический факультет БГУ. Будучи студентом, он посвящал себя не только учебе, но и активно участвовал в общественной работе, спортивной жизни, художественной самодеятельности университета.

В 1971 г. В. М. Писарев получил специальность историка, преподавателя истории и обществоведения. Работал учителем в восьмилетней школе в Слонимском районе Гродненской области, а также в Жировичском совхозе-техникуме.

В ноябре 1973 г. Валерий Михайлович вернулся на исторический факультет БГУ в качестве преподавателя кафедры новой и новейшей истории. С тех пор вся его жизнь была связана с этой кафедрой. Помимо чтения лекций и проведения семинарских занятий В. М. Писарев руководил студенческим научным обществом исторического факультета, был избран членом профсоюзного бюро, в 1982–1984 гг. являлся членом профкома университета. В октябре 1984 г. В. М. Писарев стал председателем профсоюзного бюро исторического факультета.

Валерий Михайлович зарекомендовал себя и в качестве активного общественника, развивавшего связи между советской и зарубежной студенческой молодежью. В 1975 г. был членом делегации БССР на встрече молодежи СССР с молодежью ФРГ в Запорожье, в 1979 г. – членом делегации на Международных летних студенческих курсах в молодежном центре «Юность» под Минском. В апреле 1977 г. вместе с другим молодым германистом и работником кафедры П. А. Шупляком, который впоследствии стал профессором и деканом исторического факультета, В. М. Писарев основал на факультете комнату дружбы СССР с ГДР. В 1981 г. Валерий Михайлович был членом белорусской делегации в летнем лагере молодежи «СССР – Франция» (Минск).

Научные интересы (германистика) преподавателя сформировались еще в студенческие годы. Исследовательская деятельность В. М. Писарева оказалась тесно связана с историей Германии. С 13 сентября 1977 г. по 15 июля 1978 г. он проходил научную стажировку в Йенском университете им. Ф. Шиллера (ГДР). В этот период под руководством немецкого профессора М. Вайсбеккера Валерий Михайлович собирал материалы для диссертации, работая в библиотеках и учреждениях Йены, Лейпцига, Берлина. В сентябре 1984 г. в качестве руководителя студенческой группы выезжал в ГДР на производственно-ознакомительную практику. На общественных началах был деканом иностранных студентов.

В 1985/86 учебном году доцент В. М. Писарев проходил обучение на факультете повышения квалификации Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1988/89 учебном году В. М. Писарев входил в состав проблемного совета по всеобщей истории, созданного при Академии наук БССР.

С 1988 г. Валерий Михайлович был секретарем бюро партийной организации исторического факультета БГУ, которая была крупнейшей в университете и насчитывала 320 членов КПСС.

Преподавательская и общественная работа не помешали научной деятельности молодого историка. Уже в 1981 г. он успешно защитил диссертацию «Возрастание руководящей роли рабочего класса ГДР в управлении государством в период строительства развитого социалистического общества (1971–1975 гг.)». Выбор темы был обусловлен многолетним интересом исследователя к немецкой истории, богатым фактологическим материалом, накопленным во время визитов в ГДР, а также в ходе многочисленных контактов с немецкими коллегами. Научным руководителем В. М. Писарева выступил один из крупнейших советских германистов, профессор Л. М. Шнеерсон.

Характерной чертой В. М. Писарева является его постоянный интерес к получению и передаче новых знаний. Дав жизнь многим курсам, укоренившимся в учебном процессе, историк находит новые проблемные темы для исследования. Так, в 1980-х гг. В. М. Писарев инициировал на факультете изучение истории стран Латинской Америки. В учреждениях высшего образования БССР он стал одним из первых специалистов, пробудивших интерес к исследованию данного региона. В 1983/84 учебном году ученый принимает участие в разработке спецкурса «Современные проблемы экономического и политического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки» для иностранных студентов философского отделения, а в 1987/88 учебном году начинает читать спецкурс «Освободительное движение в странах Латинской Америки после Второй мировой войны». В 1990-е гг. доцент В. М. Писарев в одиночку обеспечивал изучение студентами исторического факультета БГУ истории Латинской Америки, преподавая спецкурсы «Актуальные проблемы современного развития Латинской Америки в XIX–XX вв.» и «Культура стран Латинской Америки в Новое время».

В 1997/98 учебном году, уже будучи состоявшимся историком, исследователь разрабатывает новую научную тему: «Проблема этноконфессиональных отношений в современной Индии». К середине первого десятилетия 2000-х гг. В. М. Писаревым был внедрен новый спецкурс «Внутренняя и внешняя политика КНР».

Сегодня Валерий Михайлович – универсальный специалист: он читает три объемных и совершенно разных курса: «Новейшая история Европы и Америки», «Новейшая история Азии и Африки», «История латиноамериканской цивилизации». Кроме того, В. М. Писарев является одним из ведущих специалистов по историографии Новой и Новейшей истории и способен давать ценные советы и рекомендации как студентам, так и коллегам.

Студенты и выпускники исторического факультета отмечают высочайшую эрудированность и профессионализм Валерия Михайловича, его тонкое

чувство юмора. По отзывам учеников, это один из наиболее авторитетных преподавателей на историческом факультете.

Доцентом В. М. Писаревым индивидуально и в соавторстве с другими исследователями опубликовано множество научных работ: статей, монографий, учебных пособий. Валерий Михайлович является заместителем заведующего кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ.

Заслуги В. М. Писарева были неоднократно отмечены многочисленными наградами. В их числе диплом I степени Министерства просвещения БССР за участие в спартакиаде школьников по волейболу (1964), почетные грамоты Центрального комитета Ленинского коммунистического союза молодежи Беларуси (1978, 1979, 1987), юбилейный знак «70 лет ВЛКСМ» (1988), почетные грамоты БГУ

(1976, 1980, 2006, 2009), благодарность Минского областного исполнительного комитета (2001), грамота Министерства образования Республики Беларусь (2007).

Валерий Михайлович не исчерпал свой потенциал, он по-прежнему ищет новые темы для исследований, остается открытым для дискуссий и новых идей. Будучи свободным от догматизма, В. М. Писарев отличается высокой ответственностью, что делает его надежным товарищем и коллегой.

Желаем Валерию Михайловичу крепкого здоровья, уверенного оптимизма, долгих лет плодотворной работы и интересной жизни!

В. С. Кошелев,

доктор исторических наук, профессор

Д. Г. Ларионов,

кандидат исторических наук, доцент

**Ольга Ивановна
ХАНКЕВИЧ**

**Ol'ga Ivanovna
KHANKEVICH**

Видный белорусский историк-антиковед Ольга Ивановна Ханкевич 12 октября отметила юбилей.

О. И. Ханкевич родилась в д. Березки Добрушского района Гомельской области в семье служащих. После окончания средней школы в 1965 г. поступила на исторический факультет Белорусского государственного университета, который с отличием окончила в 1970 г. Заведовавший в то время кафедрой истории древнего мира и средних веков Ф. М. Нечай предложил талантливой выпускнице посвятить себя научной работе.

Интерес к античной истории у Ольги Ивановны возник благодаря лекциям, которые в то время читали такие признанные ученые, как Ф. М. Нечай и Г. М. Лившиц. Именно под влиянием своего научного руководителя Ф. М. Нечая О. И. Ханкевич выбрала для исследования тему организации плебейских народных собраний (комиций) и законодательной деятельности представителей плебейского сословия (народных трибунов). На протяжении 1974–1978 гг. Ольга Ивановна опубликовала ряд статей, посвященных данному вопросу. В 1978 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Роль народных трибунов и собраний плебса в общественно-политической жизни Римской республики II в. до н. э. (до Гракханского движения)». В 1980 г. О. И. Ханкевич было присвоено ученое звание доцента.

На протяжении четырех десятилетий Ольга Ивановна читает курсы по истории Древней Греции и Древнего Рима для студентов исторического факультета и по римскому праву – для студентов факультета международных отношений БГУ. Ведет спецкурсы по истории древних цивилизаций, источниковедению и историографии античности, политико-правовым аспектам истории античного общества, мифологии и религии античности. В центре исследовательских интересов Ольги Ивановны находятся историко-правовые аспекты фор-

мирования политической организации античного общества, а также проблема происхождения института политического гражданства и оформления гражданских прав. Долгие годы научного труда О. И. Ханкевич посвятила теме возникновения античной гражданской общины.

Результаты многолетних исследований Ольги Ивановны нашли воплощение в целой серии публикаций: «Становление гражданского общества в европейской античности» (2001), «Древнее общество и государство: вопросы типологии и периодизации» (2003), «Особенности гражданского статуса в античности» (2005), «Политико-правовые институты и исторические реалии Римской республики» (2008), «У истоков европейской демократии» (2008) и др. Интерес О. И. Ханкевич к проблемам зарождения древних обществ, формирования стратифицированной социальной структуры, политической организации и развития раннегосударственных структур был обобщен в монографии «Древние цивилизации» (2000). Издание выступает примером использования современной методологии и междисциплинарного подхода в общественных науках. Монографию по достоинству оценили как белорусские, так и зарубежные коллеги-историки.

Ольга Ивановна Ханкевич уделяет значительное внимание популяризации исторической науки. В 1990–2000-х гг. в соавторстве с В. А. Федосиком, Г. И. Довгяло, К. А. Ревяко, М. С. Корзуном и другими сотрудниками кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ Ольга Ивановна принимала участие в разработке и публикации учебников и учебных пособий по всеобщей истории для школьников и студентов младших курсов. Значение этой работы достаточно велико, поскольку после распада СССР в белорусских школах отсутствовал национальный учебник по истории, а у членов авторского коллектива на тот момент еще не было опыта работы над учебны-

ми материалами для детей. Ольга Ивановна внесла значительный вклад в становление национальной системы школьной педагогики. Она опубликовала и продолжает регулярно публиковать статьи по методике преподавания всеобщей истории в журналах «Адукацыя і выхаванне» и «Гісторыя: праблемы выкладання». Редакции журналов до сих пор получают благодарности, написанные школьными учителями в адрес Ольги Ивановны. Перу О. И. Ханкевич принадлежит ряд популярных трудов: статьи в коллективной монографии «Женщины-легенды» (1993), сборники цитат и фразеологизмов «Мудрость древних. Самоучитель для эрудитов» (1997) и «Термины, понятия и крылатые фразы по курсу истории Древней Греции и Рима» (1991).

Научная и педагогическая деятельность Ольги Ивановны была отмечена рядом наград и почет-

ных грамот. Коллеги и ученики ценят ее редкую преданность преподаванию и науке, советами и отзывами она помогла многим студентам и начинающим специалистам, ее участие в работе семинаров и конференций несоизмеримо важно. Знакомые и коллеги единодушно отмечают ее потрясающую харизму, красноречие, ярко выраженную способность притягивать к себе внимание, внушать окружающим надежду и оптимизм.

Руководство исторического факультета БГУ, друзья и коллеги, студенты и аспиранты поздравляют Ольгу Ивановну с юбилеем, желают ей крепкого здоровья, новых творческих планов и их исполнения.

А. В. Козленко,
кандидат исторических наук, доцент

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 94(100)(082)

Общий путь к Великой Победе: к 70-летию освобождения Беларуси [Электронный ресурс] : сб. избран. работ I Междунар. рос.-белорус. конкурса студен. науч. работ по истории / редкол.: С. П. Карпов, С. Н. Ходин [и др.] ; БГУ; МГУ им. М. В. Ломоносова. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 133 с. : ил. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/183762>. Загл. с экрана. Деп. 19.10.2017, № 008119102017.

Настоящее издание включает в себя избранные работы I Международного российско-белорусского конкурса студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе». Труды, вошедшие в сборник, написаны победителями конкурса и посвящены целому ряду наиболее актуальных проблем всеобщей и отечественной истории. Для историков, искусствоведов, специалистов в сфере туристического бизнеса и всех, интересующихся новейшими разработками в социально-гуманитарных науках.

УДК 94(476)«1772/1917»(075.8)+353.2.075.31(476)(091)«1772/1917»(075.8)

Лукашевич А. М. Институт губернаторства в Беларуси 1772–1917 гг. [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 03 01-01 «История (отечественная и всеобщая)» / А. М. Лукашевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 175 с. : табл. Библиогр.: с. 167–173. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/183970>. Загл. с экрана. Деп. 24.10.2017, № 008224102017.

Учебно-методический комплекс «Институт губернаторства в Беларуси 1772–1917 гг.» предназначен для студентов исторического факультета для специальностей 1-21 03 01-01 «История (отечественная и всеобщая)». В УМК раскрываются этапы формирования системы российского управления в Беларуси, показана эволюция института губернаторства (гражданских, военных губернаторов, генерал-губернаторов), определяется роль главных начальников в выработке правительственной политики в белорусских губерниях. Включает пояснительную записку и четыре раздела (теоретический, практический, контроль знаний и вспомогательный).

УДК 069(06)+008(06)

Музей і культурная спадчына: гісторыя, сучаснасць, погляд у будучыню: да 25-годдзя адкрыцця спецыяльнасці «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках) на гістарычным факультэце БДУ [Электронны рэсурс] : зб. матэрыялаў Міжнарод. навук.-практ. канф. (Мінск, 27–28 чэрвеня 2017 г.) / рэдкал.: А. А. Гужалоўскі [і інш.] ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск, 2017. 298 с. : іл. Бібліягр. у канцы асобн. арт. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/184077>. Загал. з экрана. Дэп. 25.10.2017, № 008325102017.

У зборнік увайшлі даклады, прадстаўленыя на Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Музей і культурная спадчына: гісторыя, сучаснасць, погляд у будучыню. Да 25-годдзя адкрыцця спецыяльнасці «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках) на гістарычным факультэце БДУ», якая праходзіла 27–28 чэрвеня 2017 г. у Беларускай дзяржаўнай універсітэце (Мінск, Беларусь). Адрасуецца вучоным, выкладчыкам, аспірантам, магістрантам, студэнтам, а таксама ўсім, хто цікавіцца пытаннямі развіцця музейнай справы і аховы помнікаў.

СОДЕРЖАНИЕ • ЗМЕСТ

От редакции.....	8
К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. М. НИКОЛЬСКОГО И В. Н. ПЕРЦЕВА • ДА 140-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ М. М. НІКОЛЬСКАГА І У. М. ПЕРЦАВА	
<i>Евтухов И. О.</i> История Пруссии в трудах В. Н. Перцева	10
<i>Крих С. Б.</i> Н. М. Никольский и рождение периферийной советской историографии древности	17
<i>Малюгин О. И.</i> «Черносотенцы» Е. Ф. Карский и Никольский (над страницами автобиографии Бронислава Тарашкевича).....	23
<i>Метель О. В.</i> Проблема происхождения религии в советской историографии 1920–30-х гг.....	28
<i>Скворцов А. М.</i> Антиковедение в Институте истории РАН ИОН: дореволюционные традиции и советские новации.....	34
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ • ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ	
<i>Карнялюк В. Р.</i> Рээвакуацыя вымушаных мігрантаў з Беларусі: удзел беларускіх бежанскіх арганізацый у каардынацыі працэсу (1917–1918).....	41
<i>Морозов Д. В.</i> Правовая основа и организационная структура охраны памятников в Западной Беларуси (1921–1939 гг.).....	50
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ • УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ	
<i>Ханкевич О. И.</i> Социальное устройство полисных государств европейской Античности в концепциях советского и постсоветского антиковедения (конец XX – начало XXI в.)	57
<i>Матвеев М. В.</i> Отражение места и роли женщин в раннесредневековом обществе Англии в современной англоязычной историографии.....	64
<i>Старостенко Э. В.</i> Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства православной церкви 1917 г.....	71
<i>Бродяк Д. А.</i> Военная кооперация стран Запада и постколониальной элиты Бирмы/Мьянмы во второй половине XX – начале XXI в.....	76
<i>Игнатович А. Е.</i> Мусульманская община и кризис британского мультикультурализма в начале XXI в.....	82
КАФЕДРЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ БГУ – 25 ЛЕТ • КАФЕДРЫ КРЫНІЦАЗНАЎСТВА БДУ – 25 ГОД	
<i>Шумейко М. Ф.</i> Кафедре источниковедения БГУ – 25 лет.....	89
<i>Шумейко М. Ф.</i> Союз архивиста-археографа и историка-источниковеда – залог успешного освоения прошлого (роль и место кафедры источниковедения среди структурных подразделений исторического факультета БГУ)	93
<i>Латушкін А. М.</i> Аднаўленне цэласнасці комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў архіва Вялікага Княства Літоўскага канца XIV – пачатку XVII ст.: пастаноўка праблемы.....	98
<i>Антановіч З. В.</i> Справаводства па скасаванні шлюбу ў праваслаўных і рымска-каталіцкіх кансісторыях (канец XVIII – пачатак XX ст.).....	108
АРХЕОЛОГИЯ • АРХЕАЛОГІЯ	
<i>Плавінскі У. А.</i> Тыпа-храналагічная эвалюцыя жалезных наканечнікаў стрэл X–XV стст. з тэрыторыі паўночнай Беларусі.....	115
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ • НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ	
<i>Козік Л. А., Прохараў А. А.</i> Беларуска-польскія круглыя сталы	129
НАШИ ЮБИЛЯРЫ • НАШЫ ЮБІЛЯРЫ	
Валерий Михайлович Писарев	132
Ольга Ивановна Ханкевич	134
Аннотации депонированных в БГУ работ	137

CONTENTS

Editorial	8
TO THE 140th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF N. M. NIKOLSKY AND V. N. PERTSEV	
<i>Yeutukhou I. O.</i> The history of Prussia in the works of V. N. Pertsev	10
<i>Krikh S. B.</i> N. M. Nikolsky and the birth of a peripheral Soviet historiography of antiquity	17
<i>Maliugin O. I.</i> «Black-hundredists» Y. F. Karsky and Nikolsky (above the pages of Bronislaw Tarashkevich's autobiography)	23
<i>Metel O. V.</i> The problem of the origin of religion in the Soviet historiography of 1920–30s	28
<i>Skvortsov A. M.</i> Ancient studies at the Institute of History of the RANION: pre-revolutionary traditions and Soviet innovations	34
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Karnialiuk V. R.</i> Re-evacuation of forced migrants from Belarus: Belarusian refugee agencies and organizations in the coordination process (1917–1918)	41
<i>Marozau D. V.</i> Legal basis and organizational structure of the monuments protection in Western Belarus (1921–1939).....	50
WORLD HISTORY	
<i>Khankevich O. I.</i> The social structure of polis states of European Antiquity in the concepts of Soviet and post-Soviet antiquity studies (late XX – early XXI centuries)	57
<i>Matveenkov M. V.</i> Reflection of the place and role of women in the early feudal society of England in modern English-language historiography	64
<i>Starostenko E. V.</i> The Second All-Russian Congress of Orthodox military and navy clergy of 1917	71
<i>Brodyak D. A.</i> Military cooperation of the countries of the west and post-colonial elite of Burma/Myanmar in the second half of XX – early XXI.....	76
<i>Ignatovich A. E.</i> The Muslim community and crisis of British multiculturalism at the beginning of the XXI century	82
THE SOURCE STUDY DEPARTMENT OF BSU CELEBRATES 25th ANNIVERSARY	
<i>Shumeiko M. F.</i> The source study department of BSU celebrates 25 th anniversary	89
<i>Shumeiko M. F.</i> Union of an archivist-archeographer and an historian – historical sources specialist as a key to the successful learning of the past (the role and place of the department of historical source studies among other departments of the faculty of history of the BSU).....	93
<i>Latushkin A. N.</i> Reintegration of the original state legal acts complex from late XIV – early XVII century of the archive of the Grand Duchy of Lithuania: formulation of the problem	98
<i>Antonovich Z. V.</i> Record management on the dissolution of marriage in the Orthodox and Roman Catholic consistories (late XVIII – early XX century)	108
ARCHAEOLOGY	
<i>Plavinski U. A.</i> Typo-chronological evolution of iron arrowheads of the X–XV centuries from the territory of Northern Belarus	115
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Kozik L. A., Prokhorov A. A.</i> Belarusian-Polish round tables.....	129
OUR JUBILEE	
Valerii Mikhailovich Pisarev	132
Ol'ga Ivanovna Khankevich.....	134
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	137

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.
Тел. 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы О. А. Бабашова, С. Е. Богуш, О. Л. Диброва
Технические редакторы Т. А. Караневич,
Ю. А. Тарайковская
Корректоры А. С. Люкевич, К. Б. Скаун, Л. А. Меркуль

Подписано в печать 19.12.2017.
Тираж 100 экз. Заказ 749.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
220030, Minsk.
Correspondence address: Kal'varyjskaja Str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.
Tel. 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors O. A. Babashova, S. J. Bohush, O. L. Dibrova
Technical editors T. A. Karanevich, Y. A. Taraikouskaya
Proofreaders A. S. Lyukevich, K. B. Skakun, L. A. Mercul'

Signed print 19.12.2017.
Edition 100 copies. Order number 749.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Čырвонаармейская Str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017